

5 СМЕНА

МАРТ '88

Разговор о ценах.

Драма Кижей.

Леонид Богачук.

Женщина-факир.

В. Люцканова. Клонинги.

Мнение ученого

Взгляд на проблему

Афганская история

Чудеса на сцене

Повесть

С ПРАЗДНИКОМ
ВЕСНЫ, С ПРАЗДНИКОМ
ЛЮБви!

СКОЛЬКО ЕЩЕ НЕ СДЕЛНО...

Валентина ПЕТРЕНКО,
первый секретарь
Ростовского
обкома комсомола

Вспоминаю весенние дни прошлого года. Закончился XX съезд комсомола, и мы, его делегаты, возвращались домой. Каждый из нас еще жил Москвой, встречами, спорами, дискуссиями, в которых довелось участвовать. И каждый, наверное, испытывал особое чувство сопричастности к делам и заботам страны. Но впереди ждала работа, и, конечно, мысли были о ней.

Поезд мчал уже по донской земле, за вагонными окнами мелькали такие родные, такие знакомые пейзажи, но прихода весны не чувствовалось: конец апреля, а в полях ни прогалинки, села в сугробах, на небе — темные мохнатые облака.

— Погода отличная для охоты. Вон, смотрите, заячьи следы, — праздно заметил кто-то из пассажиров.

Мой сосед с делегатским значком на замечание это нахмурил брови:

— Отличная погода, говорите? Эх, ничего-то вы видеть не хотите. Плохая погода, очень плохая. Сеять скоро, а вы про зайчиков...

Любитель охоты в недоумении посмотрел на моего соседа, видимо, не понимая, чем вызвана столь раздраженная реакция, а мне она была понятна. Май на носу, и моего товарища по делегации очень тревожило, что весна на Дон не пришла, что посевная предстоит трудная, что зимовка затягивается...

Тремя днями позже мне пришлось выехать в Верхнедонской район, на самый север области. Одна ферма, другая, третья, и везде — озабоченные лица дядек, свинарек, телятниц. На полтора месяца весна запоздала, а с кормами перебои, телята рождаются слабые, их бы на зеленую травку, а кругом снег, снег. Каких же трудов стоило этим людям сберечь и накормить в ту весну животных, но они, как могли, сделали это.

Я смотрела на усталые лица дядек, на их руки, натруженные, с набухшими венами, и мне, выросшей в деревне и понимающей заботы этих людей, хотелось, чтобы лица и руки эти показали по телевизору.

Говорю об этом, потому что игриво-развлекательный тон в разговоре с молодежью, к сожалению, характерен для некоторых органов массовой информации. И тон этот, в котором уместно знакомить с рок-группами, вроде бы и не позволяет размышлять о вещах серьезных, а если и затрагивает их, то вскользь, чтобы не дай бог не испор-

тить веселое настроение аудитории. Я смотрю на экран, где исповедуется очередной панк или металлист, и думаю, почему же журналист, берущий интервью, не поинтересовался, а волнует ли этих ребят что-либо, кроме досуга. Кто они по профессии. Нет, я не против самовыражения, новых его форм, но меня волнует и тревожит, что в речах молодых так часто звучит: хочу, требую, мне положено, дайте.

В выборочной анкете на вопрос «Что ты любишь больше всего?» (вопрос и для вас, читатель) так много ответивших: слушать музыку, смотреть кинофильмы, отдыхать с друзьями. И так мало тех, кто написал: «Люблю свою работу».

Почему так смешаются ценности? Почему многие молодые живут лишь ожиданием праздника, поймавшего как отдых от работы, и будни имеют для них лишь один эпитет — серые? Каждый имеет право на выбор. Но как его сделать, чтобы не жалеть потом? Выбор между легко и сложно, честным путем и обманным, борьбой и соглашательством?

Быть молодым нелегко — ответ на вопрос, поставленный в известном документальном фильме, однозначен: Но каким быть?

Комсомольская работа сталкивает со множеством людей, и каждого стремишься понять, а когда ошибаешься в человеке — бывает, внешне порядочный на поверку оказывается пустышкой, — конечно, пытаешься понять причину такого несоответствия. Значительно чаще, чем хотелось бы, приходится убеждаться, что среди выпускников профтехучилищ, техникумов, даже вузов немало таких, кто толком ничего не знает и не умеет, кто вовсе не желает утвердить себя в работе. Приходишь к выводу, что у этих молодых потребность трудиться не привита с детства. Когда же знакомишься с опытом рабочих династий, прежде всего обращаешь внимание, что здесь с младых ногтей детям прививают чувство уважения к профессии старших, ответственности за «марку» своего труда. К сожалению, систематическое трудовое воспитание отсутствует не только в большинстве семей, но и в нашей общеобразовательной школе. Сам подход к трудовому воспитанию примитивен. В лучшем случае завод-шеф, закрепленный за школой решением исполнкома, организует в ней изготовление «болтов и гаек». Внешне таким обра-

зом подготовка рабочей смены вроде бы решается. И мало кого беспокоит, что школьник порой не ведает, частью какого сложного механизма являются его «гайки», что значит он сам для производства. Не может он осознать и реальную пользу, значимость своей работы. Можно ли при таком подходе привить молодым нравственную ответственность за порученное дело, если настоящего дела они в глаза не видят?

А почему бы не сделать по-другому? Почему бы школе не прийти в заводские цеха, ориентированные на выпуск товаров широкого потребления? Например, заключить договор, по которому ответственность за выполнение хотя бы малой части плана возложит на школьников. Предусмотреть и соответствующую оплату по труду. Уверена, в таком случае производственная цепочка «школа — завод» укрепится. Ведь и завод, и школа будут заинтересованы в четкой поставке материалов, четком выполнении плановых заданий. Именно в этом направлении идет поиск форм трудового воспитания в нашей области. В учебно-производственных комбинатах, на школьных заводах, в студенческих бюро услуг, строительных управлениях и даже трестах учащиеся и студенты осваивают навыки будущих профессий.

Вот пример. Ростовским инженерно-строительным институтом, совместно с трестом Главростовстрой создается студенческое строительное управление. О том, что организация эта во все не игрушечная, говорит сумма строительно-монтажных работ, которые предстоит выполнить за год по генподряду — 2 миллиона 180 тысяч рублей, в том числе миллион 228 тысяч собственными силами. Штат управления — 290 студентов четвертого курса и 30 квалифицированных рабочих-инструкторов. Зарплата — в соответствии с действующими нормами и расценками в строительстве. В ближайшем будущем планируется создание строительной базы на полигоне РИСИ, сооружение технологических линий по выпуску кирпича и легких стеновых панелей, где будут быстро внедряться научно-технические разработки студентов и молодых ученых.

Другой пример. В городе Шахты создан Студенческий дом быта — объединение студентов, изъявивших желание участвовать в свободном от занятий время в бытовом обслуживании на-

селения. Диапазон предоставляемых услуг очень широк — от пошива и ремонта одежды и обуви до организации праздников, от стирки белья и химчистки до технического обслуживания автомобилей. Один нюанс: участвовать в работе Студенческого дома быта могут только те, кто успешно справляется с учебной программой. Двоичники здесь даже рубашку постирать не доверяют.

Появились в области и студенческие кооперативы. В Ростовском институте инженеров железнодорожного транспорта кооператив «Меркурий» ремонтирует телевизоры и холодильники, электробытовую технику, а также квартиры.

Все эти формы трудового обучения, становления мастерства рождены самой жизнью — система обучения в школе или вузе их не предусматривает. А надо, чтобы с первого класса ребенок овладевал не только теорией, но и практикой. В программе подготовки ребят к труду неплохо бы предусмотреть, специалисты каких профессий потребуются заводу или колхозу через 10—20 лет. План развития района, города, области тоже должен быть отражен в этой программе.

В одной из школ Миллеровского района учителя скрутились: «Хлеб печь некому, парикмахеров нет, в ателье не хватает мастеров». Законное возражение, но ведь всему этому можно учить. Да, конечно, можно, соглашались педагоги, но ведь целый класс на пекарей обучать не будешь. Как быть с утвержденной программой, да и расписание занятий придется менять.

Согласна, не так просто решать эти вопросы. Но решение их сулит по крайней мере практическую отдачу. А какова, скажем, практическая отдача от сотни стенографисток, которых выпускают УПК, стенографисток, большинству из которых в жизни не придется застенографировать ни строчки. А сколько таких, «обученных профессии», среди выпускников наших школ!

В стране начался повсеместный переход на прогрессивную систему хозяйствования. Иными словами, в действие будут приведены новые, более эффективные экономические рычаги. Ну, а кто будет двигать эти «рычаги», где взять квалифицированные кадры, способные решать хозяйствственные задачи в духе времени? Ведь не секрет, что существуют десятки НИИ, которые не дают ни копейки прибыли на рубль за-

КОМСОМОЛ И ПЕРЕСТРОЙКА

трат. Не оттого ли так получается, что «копейки» эти многие наши сограждане, в том числе и молодые, считать не умеют. Экономическое мышление у многих отстает, элементарные знания в области экономического развития материального производства порой мизерны. Невозможно стать профессионалом, не будучи рачительным хозяином в сфере своей деятельности, не умея экономить, считая на каждом шагу убытки. Не случайно во многих зарубежных странах детям со школьной скамьи преподают основы «бизнеса». А вот наша молодёжь в большей своей части дилетанты в области экономики. Действительно, чтобы копейка превращалась в золотые «рубли» дохода, нужно с детства учиться ее считать. Сейчас в ростовских школах преподаватели и студенты экономических факультетов вузов дают «уроки» экономического образования. Проводятся и практические занятия по основам экономики. Показательно, что интерес к экономическим наукам возрос настолько, что в городе появился «дефицит» такой литературы. Впрочем, учебника, в котором широкому читателю доходчиво разъяснялось бы, что такое «себестоимость» и «цена», практически купить невозможно. Убеждена, пора такие учебники выпускать миллионными тиражами. А к традиционной школьной «азбуке» в качестве приложения издавать «азбуку экономики», и обязательно красиво иллюстрированную.

Да, именно в школе мы должны как можно раньше выявлять наклонности ребёнка и направлять их в нужное для общества русло. Культ человека труда в глазах молодых должен быть высоким, таким же, как и культ учёбы. Разве не являются негативные явления в молодёжной среде результатом элементарного безделья, нежелания и неумения трудиться? Вспоминаю семинар вокально-инструментальных групп, прошедший в Ростове в декабре прошлого года. Были среди гостей и металлистов гости из разных городов страны. Им, сетующим на непонимание обществом их искусства, предложили побывать в шахте, отработать меню, а потом дать концерт для рабочих. «Каждому своё» — цинично отказались музыканты. Вот они, невесёлые итоги системы нравственного воспитания, при которой проблемы досуга молодёжи занимали комсомол куда больше, чем дела насущные.

Как же помочь молодому человеку выбрать верный путь? Как добиться пробуждения совести, сорвать и с души коросту формального отношения к работе и друг к другу, побороть равнодушное, порождающее зло? Эти вопросы мы, комсомольские работники, обязаны обратить прежде всего к себе.

Не знаю, как у других, а у нас в области в ряде комсомольских организаций за шаблоном в работе потерялось лица необщее выражение. Мы сеяли все новые и новые бумаги, а надо было сеять знаменитую донскую пшеницу, изобретали некие формы, а надо было помогать комбайну «Дон» быстрее выйти на поля, добывали похвалы вышестоящего руководства, а надо было пробуждать в душах молодых высокую совестливость и сознание долга перед страной. Искать и находить в человеке человека. А для этого нужен живой и интересный диалог. Теперь уже не может быть водораздела: активист — по одну сторону, рядовой комсомолец — по другую. Все мы равноправные товарищи в нашем союзе. Ничто так не разворачивает молодого человека, как неправомерное выдвижение на должность, бюрократический рост. Отсюда и цинизм, и вседозволенность. А ведь от этих бед есть средство: постоянная «зависимость» выборного актива от своих избирателей. Все должно быть на виду. Гласность прежде всего нужна для самоочищения. Цена каждому из

нас, активистов, — отношение к нам молодежи. Но вот задумываешься: вроде бы и стараешься работать честно, а результат не тот, которого ждешь. Значит, есть где-то холостые обороты, возвращающие нас в наезженную колею.

Берясь за все, отвечая за все, многие из нас, комсомольских руководителей, потеряли персональную ответственность. Ее нам сейчас очень и очень недостает. Как я радовалась, когда, присутствуя на отчетах и выборах, слышала из зала вопрос, обращенный к выступающему комсомольскому руководителю: «А что сделал ты сам, лично?»

Берись и делай сам! К этому призывают нас документы партии. В конкретном деле и проверяются кадры.

...После пленума обкома ко мне подошел первый секретарь одного из крупных горкомов комсомола и попросил освободить его от занимаемой должности. Я сказала, что вопрос о его назначении решался не мной, не мне одной решать вопрос и об освобождении. Но в чем же причина желания уйти? «У меня ничего не получается, никто меня не поддерживает, видимо, характера не хватает». А между тем я знаю, что парень честный и инициативный, абсолютной порядочности, но, видимо, потерял веру в свои силы, веру в свое умение отстоять и провести в жизнь задуманное.

Не секрет, что все мы входим в комсомольскую жизнь желтотыми. И как важно, чтобы рядом были те, кто поймет и поможет. Думаю, нет ничего обидного в том, что первый секретарь обкома, горкома, райкома обратится за советом к опытному инструктору, секретарю первичной комсомольской организации. Главное, нам самим, комсомольским работникам, не страдать амбицийми выборного кресла.

Говоря о профессионализме и компетентности комсомольских кадров, мы сознаем, что перестройка экономического механизма вызывает необходимость повышения и нашего теоретического уровня. С введением хозрасчета, бригадного подряда и других новых форм организации труда перед нами встает задача пересмотра методов трудового воспитания молодежи. А чтобы разобраться в этих вопросах, нам самим нужно владеть основами экономики. Сегодня в обкоме работает группа внештатных лекторов из молодых ученых и студентов — они читают лекции на экономические темы в городах и районах области.

По рекомендации ЦК комсомола мы решили создать гибкие структуры аппарата обкома ВЛКСМ, то есть создать такие подразделения, которые могли бы эффективно и оперативно решать проблемы молодежи. С таким расчетом был создан сектор по профилактике негативных явлений в молодежной среде. В города со сложной оперативной обстановкой направляются социологические группы для анализа ситуации и выдачи практических рекомендаций. Это уже принесло определенные результаты, наметилась тенденция сокращения преступности среди молодежи.

Анализ состояния дел в первичных организациях показывает, что на местах ситуация меняется к лучшему, но очень медленно. Многие решения, инициативы, хорошие начинания зависают на уровне горкомов и райкомов комсомола, не достигая первичных. По этой причине мы резко увеличили количество командировочных дней ответственных работников обкома комсомола. Помощь низовым организациям для нас становится одной из важнейших задач.

В каждую поездку по области открываю для себя прекрасных людей. Уверена: при их неравнодушном участии перестройка в комсомоле не останется лишь благим пожеланием.

ЦЕНЫ, ЦЕНЫ...

● БУДУТ ЛИ ДОРОЖАТЬ ПРОДУКТЫ ПИТАНИЯ?

● СТАНУТ ЛИ ДЕШЕВЛЕ АВТОМОБИЛИ?

● В КАКОЙ МЕРЕ РЕФОРМА ЦЕНООБРАЗОВАНИЯ

УЧТЕТ ИНТЕРЕСЫ МОЛОДЫХ?

Об этом в беседе с корреспондентом журнала «СМЕНА» СЕРГЕЕМ КАЛЕНИКИНЫМ

размышляет директор НИИ цен, доктор экономических наук,

профессор ВЛАДИМИР ЧЕПЛАНов.

— Владимир Иванович, в печати уже сообщалось, что предстоящая реформа ценообразования не должна ухудшить жизненный уровень людей. Но тем не менее многие к этим заверениям относятся настороженно. Появляются вопросы: как конкретно изменятся цены? Подорожают ли продукты питания и на сколько? Повысятся или понизятся цены на промтовары? Что сулит реформа если не сегодня, то завтра?.. У нас в редакции немало писем с подобными вопросами. Читатели высказывают различные — подчас взаимоисключающие — мнения, суждения, оценки... Увы, не обходится и без крикетолов, слухов.

— Было бы странно, если люди, узнав о предстоящей реформе ценообразования, отнеслись к ней с олимпийским спокойствием — ведь она затрагивает интересы каждого. Сейчас идет тщательная подготовка предложений по совершенствованию всей системы цен и тарифов в народном хозяйстве. Это очень большая, кропотливая работа, которая, как вы сами понимаете, требует времени. И, конечно же, все выработанные предложения по совершенствованию розничных цен будут вынесены на всенародное обсуждение. Только в условиях максимальной гласности примутся какие-либо окончательные решения.

— Возможно, говорить о конкретных ценах на те или иные товары пока рановато. Но почему бы не поговорить о предполагаемом движении цен? Вот, скажем, уже давно и многим понятно, что на продукты питания они повысятся. А почему, собственно, цены должны непременно повышаться?

— Знаете, ваш вопрос в какой-то мере отражает позицию некоторых экономистов, которые считают, что существующие розничные цены необходимо «заморозить». Но есть другая точка зрения: предлагается розничные цены сделать гибкими. Тут речь идет о необходимости повышения цен на продукты питания и возможном их снижении на некоторые товары народного потребления.

— Но ведь уже не раз проводились мероприятия по совершенствованию ценообразования. И это «совершенствование» было в одну сторо-

ну — в сторону повышения. Они росли на продукты питания, многие промышленные изделия. Между тем говорилось, что это, дескать, временное явление...

— ... а цены не только не понижались до прежнего уровня, а постоянно повышались. Так вы хотите поставить вопрос? К сожалению, у нас не было благоприятных экономических условий, материальных возможностей для снижения розничных цен. Зато была компенсация — росла заработка плата.

— Которая стала опережать рост производительности труда!

— Именно. Не надо быть экономистом, чтобы понять, как это отразилось на себестоимости промышленной и сельскохозяйственной продукции. Только в последних двух пятилетках в промышленности она снизилась менее чем на один процент, а в сельском хозяйстве и того хуже — отмечалась ее постоянный рост!

Но здесь, замечу, оказались не только экстенсивные пути развития экономики, пробелы в ценообразовании, но и пьянство, прогулы, пренебрежение к своим обязанностям, низкая дисциплина, хищения, должностные преступления. Так вот, опережающий рост заработной платы привел к тому, что за 1970—1985 годы производство товаров народного потребления по стоимости возросло в два раза, а денежная масса в обращении — более чем втрое. Далее. Если в 1970 году у населения личных сбережений было 47 миллиардов рублей, то в 1986-м — 270 миллиардов! Добавьте сюда неучтенные деньги — те, которые хранятся в «кубышках» — это весьма значительная сумма: десятки миллиардов рублей. Таким образом, наш рубль обесценился, упал его престиж, крайне усугубилась проблема финансовой сбалансированности и денежного обращения в стране.

— Коль бумажные деньги обесценились, упала их покупательная способность, то, выходит, в нашей стране инфляция?

— Скорее вирус инфляции. А вообще у нас не принято так говорить...

— А как принято?

— Ну, хотя бы так: диспропорция между денежной и товарной массой...

Экономисты считают, что стабильность цен на продукты питания, их кажущаяся дешевизна — при значитель-

ных дотациях — привели к несбалансированности спроса и предложения. Ведь, как известно, производство продуктов питания (без учета алкоголя) убыточно, и приходится прибегать к дотациям, которые по сельскохозяйственной продукции уже составляют 58 миллиардов рублей. Если же учесть и изделия легкой промышленности, то дотации приближаются к 90 миллиардам рублей в год! А к 1990 году потребуется более 100 миллиардов. А это, между прочим, живые деньги из карманов трудящихся: продавая по заниженным ценам продукты питания, мы повышаем их на автомобили, мебель, мотоциклы, радиоаппаратуру, холодильники, ювелирные и другие изделия. Перераспределение средств и прочие перекосы в ценах ограничивают ассортимент промышленных товаров, искают реальные затраты в сельском хозяйстве и промышленности, не способствуют эффективному использованию сырья, нарушают принципы социальной справедливости, снижают покупательную способность рубля, ухудшают реальный уровень жизни людей...

Надо исправлять ситуацию. И повышение цен на продукты питания вряд ли можно избежать.

Повышение цен — экономическая необходимость: стоимость продуктов питания должна максимально приблизиться к их реальной цене! Хватит самим себя обкрадывать, надо наводить порядок. За счет этого можно будет понизить цены на некоторые высокодоходные для государства товары: ковры, радиотехнику, мебель, телевизоры, на импортные швейные изделия — пальто, костюмы... Могут стать дешевые и те товары, которые пользуются ограниченным спросом. Но это мало что даст основной части трудящихся и нетрудоспособному населению — необходим гибкий механизм компенсаций.

Ученые выдвигают различные предложения. Среди них: добавить определенную сумму каждому работнику к его заработной плате независимо от уровня оплаты труда и среднедушевого дохода, ввести в виде надбавок к заработной плате, пенсиям и пособиям до ста рублей на человека; выдавать компенсацию семьям, в которых среднедушевой доход менее ста рублей в ме-

сяц... Есть и другие варианты компенсаций. Однако какой бы вариант мы ни взяли, необходимая величина компенсации на одного человека составит в среднем тридцать рублей в месяц. Всем трудящимся необходимо повысить заработную плату, студентам и учащимся — стипендии, нетрудоспособному населению — пенсии.

— Предлагает ли ваш институт какой-либо вариант компенсации?

— Мы предлагаем считать по среднедушевому потреблению мяса. Сейчас, как известно, оно составляет 63 килограмма в год. Это в среднем. Скажем, люди с доходом менее ста рублей потребляют всего двадцать—тридцать килограммов мяса в год. А медицинская норма — семьдесят килограммов. Разница существенная.

На медицинскую норму мы пока не можем выйти. А вот для того, чтобы сохранить среднедушевой уровень потребления мяса, заработную плату и надо поднять на 25—30 рублей. При этом получается, что тот, кто потреблял мясо менее 63 килограммов в год, сможет его купить на несколько килограммов больше, чем раньше.

— К примеру, семья из четырех человек (двое детей), имея доход 300 рублей, получит пособие в размере 120 рублей (по 30 рублей на едока), и среднедушевой доход семьи составит 105 рублей. Но вот ученые Института социологических исследований АН СССР провели исследования в семи республиках. Опрошенные ими люди утверждают: чтобы удовлетворить свои разумные потребности, доход на человека должен быть не менее 145 рублей.

В другом же институте мне сообщили, что в нашей стране ежедневная среднедушевая сумма, используемая на питание — 1 рубль 40 копеек. Такая сумма не позволяет человеку рационально питаться. Но даже в этом случае среднемесячный душевой доход должен составлять 150 рублей. Это приблизительно, конечно. А чтобы только в количественном отношении улучшить питание человека — без учета ассортимента и качества продуктов, его рацион должен формироваться из расчета 1 рубль 75 копеек... Получается, что

ваша компенсация не в полной мере решит проблему.

— Любопытная статистика. Лично у меня она никаких подозрений не вызывает. Но давайте будем реалистами. Мы действительно живем не так, как нам хочется, не так, как должны. Но ведь доходы образуются не по мановению волшебной палочки, не по указанию сверху. Они зависят от нашего же труда в производственной сфере. Чем лучше, производительнее и качественнее работаем, тем больше доходов, тем весомее заработка плата,— других путей повышения благосостояния нет и быть не может. Словом, как бы мы ни считали, ни подсчитывали, а цены и заработная плата определяются объемами национального дохода. Можно распределить лишь то, что имеешь, что заработано. Между тем работаем мы, к сожалению, плохо. Так, за 1987 год национальный доход вырос всего на 2,3 процента — весьма медленный темп роста. Надо осознать, что никакие принятые и грядущие реформы не улучшат жизненного уровня, если работаем спустя рукава. Пора бы уяснить: наше благо создается нашими руками, оно зависит не от кого-то, а от нас самих — от конкретного труда конкретного человека. И сейчас все делается для того, чтобы люди могли работать с большей заинтересованностью, с большим желанием, а стало быть, и с большой отдачей.

Не за горами и реформа заработной платы — она многое расставит на свои места, упорядочит соотношения в уровне оплат между малоквалифицированными и высококвалифицированными работниками. Разве это дело, когда, к примеру, врач получает 110 рублей в месяц, а некто все 600, не имея образования, соответствующей квалификации? Говорю к тому, что вскоре, с внедрением хозрасчета, у многих появится возможность зарабатывать гораздо больше. Ограничений в заработках, разумеется, не будет, но и «плата» за это придется.

Не исключено, что будут введены прогрессивные налоги, которые, между прочим, есть во многих странах мира. Они распространятся на всех, кто будет иметь высокие заработки. А то ведь одни получают 100—150 рублей, другие — 300, третьи — 600, а подоходный налог для всех один — тринацать процентов. Согласитесь, странная уравнительность.

— А будет ли реальная возможность с толком потратить трудовой рубль? До сих пор ассортиментная политика строилась в расчете на среднего потребителя, она ущемляла интересы определенной категории людей, например, молодежи. А это 76 миллионов человек, четвертая часть населения СССР. Тем не менее рынок товаров для молодежи чрезвычайно беден, он не ориентирован на различные вкусы. По данным ВНИИ конъюнктуры и спроса Минторга СССР, удельный вес молодежной продукции в общем объеме производства в 1986 году составил по швейным изделиям четыре процента, а по верхнему трикотажу и обуви — шесть...

Допустим, что модные и разнообразные товары все-таки появятся и не придется испытывать каких-то трудностей в их приобретении. Однако молодежь, как правило, — малообеспеченная часть населения. Чтобы встать на ноги, ей требуется 10—12 лет. В какой степени цены на молодежные изделия будут учитывать доходы молодых?

— Мы рассчитываем, что цены станут полностью учитывать новизну, качество товаров, моду; будут стимулировать расширение ассортимента и улучшение качества товаров народного потребления. Новый хозяйственный механизм, хозрасчет, самофинансирование, самоскупаемость и договорные цены должны изменить к лучшему и молодежный рынок — во всяком случае, для производителей будут создаваться весьма благоприятные условия. Но промышленность и торговлю надо по-

ставить в такие условия, в которых они бы сами искали возможность сбыть товар. Думается, есть смысл принять меры по специализации предприятий, которые работали бы только на своего конкретного и хорошо изученного потребителя — молодежь. Таким специализированным производствам куда проще ориентироваться в моде, перестраивать свою работу, а значит, и удовлетворять различные вкусы. А когда товаров предостаточно, когда ими насыщен рынок, то предприятия сами, без излишних напоминаний и давлений снижают цены. Именно об этом говорит и опыт наших друзей из Болгарии, ГДР.

А кооперация, смешанные предприятия? Они не дадут спокойно работать нашим обычным производствам, будут подстегивать их, тормозить, развернуться конкуренция — борьба за рынок, за потребителя. Как вы, вероятно, знаете, создана советско-итальянская обувная фабрика, есть соглашение о сотрудничестве с исландскими фирмами по изготовлению телефонных аппаратов... Уже почти 500 советских предприятий получили право на прямую торговлю с европейскими социалистическими странами. Согласитесь, подобное право к чему-то обязывает.

— Расходы молодежи во многом связаны и с воспитанием, содержанием детей. Кто имеет детей, знает, в какую кругленькую сумму обходится гардероб для ребенка.

— Для предприятий, занятых выпуском детских товаров, установлены специальные льготы, но беда в том, что промышленность далеко не всегда ими пользуется; чаще всего отдает предпочтение вали, высокодоходным изделиям. Такой порядок надо ломать. Производство детских товаров — важнейшая социальная задача. И надо строго спрашивать с промышленности за ассортимент, количество, качество детских изделий, их цены. На мой взгляд, изготовление детских товаров можно разумно сочетать с выгодными «взрослыми» товарами, то есть предприятиям надо дать возможность выпускать и ту, и другую продукцию. Можно и иначе материально заинтересовать трудовые коллективы — понизить им нормы отчислений в госбюджет...

Убежден, при желании нетрудно найти выход, и не один. Так почему бы не увеличить материальную помощь молодым и многодетным семьям? Они могли бы получать специальные пособия для приобретения необходимых детских товаров. Но все это пока из области желаний, предположений. Реальные возможности упорядочивания цен заложены в самой промышленности, в сельском хозяйстве. Они должны быть озабочены и снижением себестоимости, и экономией ресурсов. Почему до сих пор нет такой заинтересованности? Ответ прост. Цены на топливо, энергию, природные ресурсы и рабочую силу у нас явно занижены. Создается иллюзия дешевизны и неисчерпаемости ресурсов. Вот и процветает бесхозяйственность.

Сегодня только на стадиях добычи и обогащения теряется более 25 процентов черных и цветных металлов, более половины калийных солей, ежегодно около ста миллионов тонн угля... Миллиардные убытки. Страдаем от собственной же неорганизованности, живем интересами одного дня. Более того, узакониваем это. Скажем, нормы расхода топлива в нашей стране в 2,5 раза выше, чем в развитых капиталистических странах. Мы ежегодно производим 125 миллионов тонн проката — никто в мире не достиг таких впечатляющих показателей. А в США, к примеру, выпускается всего 60 миллионов тонн проката и еще 25 ими закупается, но машиностроительной продукции Соединенные Штаты производят в два раза больше нас. А нам хронически не хватает металла. Впрочем, это и неудивительно: одной только стружки мы «производим» столько, сколько США, Япония и ФРГ, вместе взятые.

Долгие годы работали по принципу: план любой ценой! Затраты? Не беда,

возместим ценой. И возмещали. Цены распухали, а качество продукции было ниже всякой критики, не снижалась себестоимость. Промышленность перестала отвечать за свои же собственные убытки, мол, государство все спишет. Теперь не спишет. С 1 января 1990 года предполагается ввести новые оптовые цены и тарифы на услуги транспорта и связи, а с 1 января 1991 года — закупочные и сметные цены...

Комплексный пересмотр цен должен пройти в крайне сжатые сроки: надо своевременно создать необходимые условия для разработки народнохозяйственного плана на 1991—1995 годы в новых ценах. Медлить нельзя — того требуют интересы перестройки. Цены приближаются к мировому уровню. Они значительно повысятся на сырье, металлы, энергию... На топливо в два раза, а на нефть, к примеру, почти в три... Эти меры, конечно же, оздоровят хозяйственную жизнь — придется считать каждую копейку, каждый килограмм, а то и грамм сырья.

Гораздо шире будут практиковаться договорные цены, то есть цены на основе договора между производителем и торговлей.

— Всегда ли договорные цены будут увязываться с интересами людей? Ну, скажем, промышленность и Минторг придут к соглашению о повышении цен...

— На новую производственно-техническую продукцию органы ценообразования будут устанавливать базовые, предельные цены. То есть производитель и торговля смогут договориться только лишь в пределах допустимого. А на так называемые структуроопределющие цены — на топливо, сырье, основные продукты питания — влиять будет только одно ведомство: Госкомитет СССР. Самодеятельность исключается.

Да и не забывайте, предприятия начнут работать в принципиально новых условиях — они будут нести максимальную ответственность за конечные результаты хозяйственной деятельности. Они, как того требует Закон СССР о государственном предприятии (объединении), обязаны обеспечивать рентабельность и безубыточность своей работы, эффективно использовать ресурсы. А может ли завод быть безубыточным, если его продукция не найдет спроса? Понятно, нет. Стало быть, чтобы не «прогореть», придется ориентироваться на рынок, учитывать позицию и настроение потребителя, рачительно относиться к ресурсам. Неэффективные производства изживут себя: они либо перепрофилируются, либо их придется закрывать.

— Владимир Иванович, а Госкомитет и ваш институт какую займут позицию? Как прежде, позицию стороннего наблюдателя?

— Мы тоже перестраиваемся, пересматриваем свою работу. Задач у нас немало. К примеру, одна из главных — формирование цен на научной основе. Но что касается промышленности, производства товаров народного потребления, то здесь комитет займет четкую и принципиальную позицию: все договорные цены будут тщательно анализироваться, чтобы не допустить монополий, наживы, всевозможных перекосов. На местах создаются научно-методические центры и центры контроля.

— Ну, а если предприятие проигнорирует нормы, установки и сознательно пойдет на нарушения?

— Оно будет наказано — и не своим ведомством, министерством, а Госкомитетом по ценам. Каким образом? Из бюджета нарушителя вычтут все незаконные доходы, и ему придется уплатить штраф. В условиях хозрасчета санкция серьезная.

Комитет призван защищать интересы как государства, так и трудящихся. Вне всяких сомнений: не может быть единой политики в ценообразовании на предметы первой необходимости и так называемый престижный ассортимент товаров.

— Владимир Иванович, а не пора ли пересмотреть цены на «предметы

роскоши» — ведь то, что еще вчера можно было назвать роскошью, сегодня обычная вещь, предмет первой необходимости, а цена «кусается». Скажем, разве правильно в северных районах, в средней полосе России считать роскошью меха?

— Переосмысление товарных ценностей — закономерное явление в жизни общества. Автомобиль, радиотехнику, персональный компьютер, видеомагнитофон сегодня не назовешь роскошью. Но если с развитием промышленности в ближайшее время можно существенно снизить цены на электронную и другую продукцию, то этого не сделашь в отношении натуральных мехов. Выращивание соболя или песца — дело чрезвычайно хлопотное. На такие меха цены останутся высокими.

— А легковые автомобили? Их реальная цена 1500—3000 рублей, а продаются по 8000—10 000 рублей.

— Цены на автомобили надо понижать, но пока трудно сказать, на сколько, все будет зависеть от конъюнктуры спроса и предложения. Наша автомобильная промышленность, выпускавшая почти полтора миллиона легковых машин в год, пока бессильна удовлетворить спрос населения. Если же снизить цены, допустим, до двух тысяч, то начнется спекуляция. Надо реально смотреть на вещи.

— А зарубежные фирмы? Что мешает пустить их автомобили на советский рынок?

— Тогда нам придется расплачиваться либо валютой, золотом, либо дефицитным сырьем. Так недолго и разориться. Надо свою автомобильную промышленность поднимать до мирового уровня. Других путей нет.

— Владимир Иванович, наших читателей интересует, изменится ли плата за квартиру, коммунальные услуги.

— Квартплата не изменилась в нашей стране с 1928 года. Она и половины расходов не покрывает. Наш институт готовит предложения по упорядочиванию оплаты жилья. Оплата электроэнергии, природного газа, воды должна быть увязана с реальными затратами государства.

— А как вы считаете, Владимир Иванович, справедливо ли, когда один человек занимает двух-трехкомнатную квартиру, живет в прекрасных условиях, престижном районе и платит за квадратный метр столько же, сколько семья, занимающая двенадцатиметровку в коммунальной квартире?

— Мое мнение: это один из примеров социальной несправедливости. Скажу больше. Наш институт в свое время предложил ввести более гибкую, дифференцированную квартплату с учетом планировки, площади, качества жилья, его оборудования и так далее. Нас тогда не поддержали. Тут не все так просто, как кажется. Ведь многие имеют небольшой доход, но живут в отличных квартирах, прекрасных районах. Увеличивать им плату? А как же быть с социальной справедливостью? Потом, в стране нет единых норм жилой площади. Так, если в Москве она 12 квадратных метров на человека, в Киеве — 13,6 метра, то в другом городе норма иная. Вновь проблемы. Но есть, однако, случаи, когда люди халатно относятся к жилью, содержат его в запущенном состоянии, торгаут метрами, имеют излишки жилья... Словом, над этим вопросом еще предстоит поработать, и не только в НИИ цен.

— Владимир Иванович, мы говорили о многих товарах, но, думается, упущен главный, особый товар — деньги. Напрашивается вопрос: нужна ли в нынешней экономической обстановке денежная реформа?

— По этому вопросу у специалистов и ученых самые различные мнения. Одни считают, что реформа необходима, а другие, напротив, отрицают ее. И хотя известно, что реформы не будут, лично я за денежную реформу. Как вы знаете, в нашей стране она проводилась трижды.

Первая — в 1922—1924 годах. Тогда

В

от она — и перед глазами, и в памяти, а как подступиться, где слова искать чуду этому времену?

Ни красоты, ни славы не прибавит и сопутная ей легенда о творце ее Месторе, ошеломленном содеянным и забросившем топор в озеро, дабы не приступить никогда к дерзновенной мысли повторить чудо. Одно только и остается примолвить: о Преображенской церкви Кижского погоста пойдет речь.

О том — для начала, — что под убром неповторимой красоты таит она и другое, глазом неприметное, но тоже неповторимое — саму себя от стихии, непогод, оберегающую премудрость. Каждой дождевой капле указан свой путь, чтобы не заблудилась, не задержалась ненароком где не надобно, а по хитроумным водоводам ушла бы в землю. Да только и эта премудрость — малая всего лишь частичка, мужичком неким прыгнувшим с бережению церкви от болезней, от старости, а дальше мастер и не мудрил, потому как по тогдашним меркам к простейшим причислялась она сооружениям — «летним» или «холодным». Тут-то и нам подивиться да руками развести: сруб сложен «насухо», а стало быть, ни мхом, ни паклей венцов не покладывали; ни зимних рам, ни дверей двойных не врубали; пол и потолок настилали неутепленными; печки даже сложить как будто и не удо-

сужились. А выходит, этими самыми «не» и «ни» век жизни продлен преднамеренно, потому как долгим опытом примечено было: «холодная» постройка и без подогрева, одной естественной вентиляцией — через щели в срубе, в потолках да с помощью проемов, на глазок будто бы и рупленных, — сама себя просушит, обогреет, в нужный час остынет и стоять будет целехонька долгий век. А там, глядишь, потомки и поразумней что вымысят, чтобы и вовсе неизбытен был ее срок. К исходу третьего столетия и наше уже поколение свынчутся успело с ласкающим слух благозвучием, с как бы зовущим к себе порхающей рифму чистым и звонким этим словом — Кизи. Нынче — как железом по стеклу...

Откуда, с чего накатила беда?! Видно, в одном только и просчитались строители, понадеявшись на призывающий разум потомков. Пришла пора по счетам платить, а выходит — нечем. Проглядели за большущими цифрами музейного бума? Тут не без греха. Но и того не утаить, что ни у химиков, ни у физиков руки не дошли присовокупить к бережению великого памятника опыта всесильных своих наук, а «лирикам» одним не по плечу вышло. И вот грянуло: Преображенская на ладан дышит!

И что же делаем мы? А похоже, то и делаем, что стоим, глядим и, как робкий на пожаре мужичок, по голенищам себя хлопаем: «Ой, завалился! Ой, порушился! Ой, во прах обратится!.. Давай раскатывай по бревнышку — все одно не устоит!» И уж принялись было...

В суматохе не разобрать, из которого кабинета грянул запев хором поддержанной отходной, но глазом

моргнуть не успели, бумага явилась: «Подробная экспертиза всех деталей церкви показала, что «обрушение» может произойти в любой момент — бревна в стыках давно искренились, древесина поражена болезнями». Читай: панихида заказана. А дальше пуще — пошла писать губерния!

Не очухались еще от первого удара, а постановлений, проектов скоропалительных превеликих уже избыток. Бумажный этот водопад низвергался под такой мощный аккомпанемент поисков виновных, будто в нахождении оных и заключено спасение памятника. Так, на пике «кижского бума» вспомнили Александра Викторовича Ополовникова. Виднейшему архитектору-реставратору, в сущности, и открывшему в 50-х годах Кизи для широкой общественности, в вину поставлено было снятие с памятника тесовой обшивки. Сейчас вдруг увидели в этом корень зла и все последовавшие от сего беды. Но давайте все же поумерим пыл, разберемся по справедливости. Допустим, снятие обшивки было

ДРАМА КИЖЕ

не лучшим решением в пользу сохранности памятника, «привыкшего» за последнее столетие к своему «футляру». Так ведь дело еще и в том, что теперь трудно ответить на вопрос весьма здесь важный: болезни памятника начались, когда сняли обшивку, или, когда ее сняли, эти болезни обнаружились? Вопрос дискуссионный, решать его специалистам. Нас интересует моральная сторона дела, а значит, правомочность обвинений.

Вспомним-ка 50-е годы — ненастную ту пору бытия архитектурных

наших памятников, когда ставились последние в одну строку с «религиозным дурманом», когда, по слову поэта, «поспешно разбирались церкви и долго строились ларьки». Теперь уже не секрет, что в послевоенные годы «стоял вопрос» разобрать Преображенскую церковь на дрова! Жутко вспомнить, а памятку не обойти да и усомниться нельзя: тысяча двести кубов отменного леса мозолили глаза многим, и вот-вот должны были «сделать план» по лесозаготовкам надрывавшемуся и в иных заботах колхозу, а заодно и в зачет пойти истовым деятелям «антирелигиозной пропаганды»... И вот в те самые времена, не убоявшись обвинений в «религиозной агитации», в «политической близорукости», приходит на Кижи человек спа-

сать церковь. Это нынче такие обвинения звучат дикостью, по тем временам дело могло обернуться куда как круто. Не сбросим со счетов и этого обстоятельства.

Что же до обшивки, которую снял в процессе реставрации Ополоников, то видится в этом и хорошо рассчитанная тактическая обдуманность: снимает он ее в надежде, что первозданная красота памятника заставит обернуться тех, у кого глаза на затылке, и могучей неотразимостью прошибет самых толстокожих кружителей отечественного прошлого.

Сложим теперь, сочтем и получим: при необходимости тесовую обшивку можно восстановить без ущерба памятнику, а по сути-то дела, Ополоников спас жемчужину Кижей в самый, быть может, тягчайший час ее истории, когда судьба памятника всела на волоске. И не ему ли обязаны мы и тем, что на месте кижского чуда не обретается сегодня мясомолочный, скажем, комплекс, птицефабрика или что-то другое, могущее быть результатом непредсказуемого «волевого решения», возникшее, как в те времена бывало, «по многочисленным просьбам трудящихся»? Примеров тому тьма, и не шепотком говорим мы об этом сегодня, но ведь та же гласность и о делах нынешних тоже в полный требует говорить голос. А коли так, утаить нельзя: начался час спасать Кижи... от реставраторов!

Расшифровывая более чем странное на первый взгляд утверждение, начать придется с пресловутого железного каркаса, о котором благодаря резонансу, им вызванному, знают сегодня, пожалуй, не меньше, чем о самой Преображенской церкви. Чудовищность этой акции очевидна: для «внедрения» гигантской металлической конструкции потребовалось перерубать, пропиливать внутренние деревенчатые связи и буквально дырявить венцы сруба трехсотлетнего почти возраста!

Как можно было на такое решиться? У кого поднялась рука? Неужели среди вершителей судьбы Преображенской церкви не нашлось профессионала, понимающего, к чему это ведет? Не нашлось. Не нашлось, очевидно, потому, что в недавнее время царило то, с чем сегодня мы только начинаем бороться, хотя, признаться, успехи в этом деле

весома еще скромны. Есть тому и причины.

В недавние времена такие вопросы обсуждали только чиновники. Они же выносили решения. Нынче обсуждают с привлечением специалистов. Но решения по-прежнему принимают чиновники. Чем иначе объяснить ситуацию, последовавшую буквально за «приговором» Преображенской церкви, исходившим из кабинетов, никакого отношения ни к архитектуре, ни к охране памятников — судя по всему! — не имеющими подтвержденной, такова.

Свидетельствуют специалисты: «Измеренная прибором РГД-2 плотность древесины сруба показала, что 94 (!) процента бревен практически соответствуют плотности древесины сосны, произрастающей в южной части Карелии». Другая группа специалистов, применявшая «огнестрельный» метод исследования плотности той же древесины, столь же недвусмысленно констатирует: «Сруб Преображенской церкви не требует переборки и после проведения инженерных работ по укреплению конструкции может эксплуатироваться в первозданном виде еще весьма длительное время».

Вывод напрашивается сам собой: рано кинулись отпевать великий наш памятник — до отходной дела, слава богу, не дошло. Но в это самое время является мигом утвержденный проект... расчленить Преображенскую церковь на четыре фрагмента, свезти их в дальний конец острова, а на прежнем месте соорудить макет в натуральную величину. Шелест бумаг в ведомственных кабинетах сменяется лязгом железа на острове Кижи — в Преображенскую церковь вламываются каркас!

Воистину велика и непостижима тайна, хранящая за двойными дверями, но и, оберегаемые бдительными секретаршами, не в силах они скрыть сегодня правды: кто подписывал бумаги, мы знаем — Министерство культуры РСФСР. Познакомимся с исполнителем.

Выступает в этой роли детище того же министерства — объединение «Росреставрация», оно же, кстати, автор и самого «проекта века», оно же и его оппонент. Вот так: и швец, и жнец, и на дуде игрец, да и сам себе под крылом Минкультуры полновластный хозяин, — дальше министерства прыгать, как говорится, некуда, а своя рука владыка.

На откуп «Росреставрации» отдано каменное и все без остатка деревянное наше зодчество, и, понятно, ворочает она миллионами немалыми. Грох-тут особого вроде бы и не видно, но собака знает здесь: неповоротливый и, что более важно, контролируемый органами — работит

только по принципу «если делать, то по большому». А коли так, то и в нашем случае интересует «Росреставрацию» не столько судьба Кижей, сколько объем работ, который там можно развернуть. Отсюда — грандиозные проекты реставраций там, где требуется элементарный ремонт. Еще интереснее система отношений между памятником и «Росреставрацией». Поясним примером.

В один дождливый день в музее «Кижи» заместитель директора по реставрации обнаруживает, что потекла кровля музейного амбара. Что должен делать заместитель? Звать плотников или самому лезть на крышу, благо не министерский сотрудник и с работой топором знаком не понаслышке? Нет, не догадаешься — что, а потому объясню:

он должен доложить директору музея,

который должен написать письмо в Минкультуры КАССР,

которое должно написать письмо в Минкультуры РСФСР,

которое должно написать письмо генеральному директору объединения «Росреставрация»,

которое должно написать письмо директору своей мастерской в Петрозаводске,

который должен дать письменную команду прорабу реставрационного участка в Кихах залатать прохудившуюся крышу амбара.

(На какой стишок это похоже, известно: но в тех же скобках замечу: прораб и заместитель по реставрации, обнаруживший протечку, обитают на о. Киж под одной крышей, разделенные тоненькой тесовой перегородкой... и толстенными ведомственными барьераами. Но об этом — пока только в скобках. Подробнее — в своем месте.)

А между тем многоактная эта комедия идет с положенными антрактами и в конечном счете оборачивается драмой: осенние дожди сменяются зимними снегопадами, весенние оттепели — летними ливнями...

Посмеявшись бы тут впору, да грех — горькая получается картина. Впрочем, стоп!.. Когда эти заметки готовились к печати, стало известно, что на Кихах создана бригада плотников, получившая право производить мелкий ремонт без министерской, представьте себе, санкции! Лед тронулся, но радоваться рано — до настоящего «ледохода» дело еще не дошло: все, что касается крупных объектов, составляющих основной фонд музеиных памятников, по-прежнему сковано крепким льдом матерого бюрократизма. Судите сами.

Случилось то, что называется аварийной ситуацией, — ураган снес кровлю. Необходим срочный ремонт памятника, но... Оказывается, «еще более необходимо», чтобы эта работа «вeszла в план». А чтобы она в него вошла, нужно предупредить о ней проектную организацию заранее, если быть точным, за три года (до урагана?); тогда она «возьмет задание на проектирование». Это год. На второй «выдаст» документацию, которую направят обратно — в музей на корректировку. В музее ее подпишут и возвратят обратно — в ту же самую проектную организацию, теперь уже в производственный отдел, который и включит (или не включит) эту работу в план — на третий уже, как получается, год. Но это еще не все, потому как потом нужно «подавать заявки» — сначала на материалы, потом на обеспечение, чтобы банк «открыл финансирование» именно на указанную работу. Если же в течение этих трех лет потребуется другая, столь же срочно памятнику необходимая, денег на нее банк не даст — это уже не по его ведомству.

Отыскать здесь каплю здравого смысла я не могу. Ясно одно: между памятником, который просит помощи, и реставратором, который должен ее оказать, нагромождается лабиринт из барьера.

Умопомрачительный этот лабиринт буквально опутал дело реставрации, и все возможные пути без того запутан-

ных ходов засорены, завалены подобно тем самым мифическим кононьям. Факт этот давно известен, но, сознавая положение дел, похоже, мы ждем, когда объявит Геракл и расчистит авгиевы кононны ведомственности. Прощу простить за незнакомое древним слово, но дело, о коем речь, мифом тоже не сладить. Нужны современные средства.

Они есть: удалить из дела реставрации и охраны памятников явный, совершенно очевидный избыток переписчиков и перекладывателей (с места на место) бумаг. Если же по техническим, так сказать, причинам сделать это сразу трудно, то давайте пока хоть подсчитаем, сколько рабочих рук может освободиться для народного хозяйства! Поверьте, говорю это не в обиду, потому что знаю: сидят в этих ведомствах люди с высшим, часто специальным образованием, но которых можно использовать по другому назначению — в той же самой музейной, но реальной работе. Так что ни о какой иронии с моей стороны, ни о какой безработице — с точки зрения проблемы — речи быть не может. Проблема в другом — в «кремельной» психологии тех, кого сама жизнь подталкивает сегодня всего лишь переменить место.

Ох, кресло, кресло! Только теперь начинаем мы осознавать, сколь велика твоя сила! Какой же мертвый хваткой приходится иному за тебя держаться, чтобы в постоянном напряжении создавать видимость работы. Потому и говорю я «видимость», что на поверхку работа эта никакого отношения к реальности не имеет, а, хуже того, порой достигает высот гиперболического абсурда.

Вот передо мной генплан развития музея-заповедника «Кижи» рождения 1972 года. Черным по белому здесь сказано, что работы должны быть завершены к 1980-му; сегодня же, если мне не изменяет память, 1988-й. Но это «мелочи». Главное — каков план: вертолетные площадки, гостиница на двести пятьдесят мест, туристический центр по последнему, так сказать, слову, намывные мысы, паром, курсирующий между островами архипелага... Впрочем, продолжать дальше пришлось бы только для завзятых любителей фантастических романов. И все же, что скажете, читатель? Хоть стой, хоть падай: Нью-Кижи — и только!.. Да знают ли создатели и утвердители фантасмагорического этого плана, что на Кихах дрова-то завезти — проблема, что природой самой не приспособлены кижские шхеры для большемерных судов и лодка с подвесным мотором — единственное средство подхода к памятникам «Кижского ожерелья»?.. Вот уж вправду, бумага все терпит, особенно когда писец не обременен чувством реальности. А и помимо того, берясь за такое дело, иметь бы нужно элементарное чувство такта и художественного чутья. Ведь, несмотря на высочайшую всемирную ценность, Кижи по духу своему да и местоположению обращены все-таки к каменному, если хотите, восприятию, к интимным человеческим чувствам — как некая тайна, скрытая во глубине России. Проекты превращения Кижей в центр «туристической индустрии» погубят и памятник, и весь этот заповедный таинственный край.

Говоря об этом, знаю, что рисую навлечь на себя неудовольствие тех, о ком здесь речь, но и не сомневаюсь в поддержке всякого, кто бывал на Кихах. Автору посчастливилось побывать там в разные годы; на сей раз совсем недавно, но, к сожалению, не для того, чтобы любоваться красотой Преображенской церкви, — она по-прежнему заключена в крепкую решетку лесов. Не решаясь поверить, что затянувшееся это заключение может обернуться пожизненным, хотел я выяснить: есть ли средство сделать так, чтобы, стянув с себя вместе с вечными реставрационными лесами и горы постановлений, обрел бы великий наш памятник достойную его жизнь? Что для этого нужно?

— Нужен свой эксплуатационно-ре-

сторовский участок. А возможен он только при условии полной самостоятельности музея.

Ответ прозвучал в три голоса: директора музея Михаила Лопаткина и двух сотрудников — Геннадия Бурканова и Сергея Куликова. Отчества опускаю по причине молодости моих собеседников. О молодости же говорю для тех, кто ею объясняет максимализм их требований.

Что касается «максимализма», о нем чуть ниже. А вот отдачу от задуманного, спланированного, а как оказалось, и начатого уже дела обещают они действительно серьезную. Это-то и настороживает многих «руководящих товарищей»: наобещают, мол, с три короба, дров под эту марку наломают, а там поминай как звали — на другую маунт работу или на пенсию время подспеет.

Что ж, скептицизм вполне объяснимый — многие годы такая, с позволением сказать, практика была почти что правилом: запущенные музеи, разваленная работа наказывались перевodom на другую или пенсий, часто персональной. Многие годы — да, но не сегодня. А в порядке справки скажу: в тридцать лет до пенсии далековато; другую же искать работу, хотя и ставят им палки в колеса весьма старательно, искать эти трое единомышленников не станут по той простой причине, что приросли к Кижам настолько крепко, что и зарплата, более чем скромная, пыла не остужает. И не только об этих кижанах в данном случае речь. За сто с небольшим рублей истово трудится почти что каждый здешний музейщик. Да не почти, просто каждый, ибо приживается тут и в кижскую землю врастает исключительно тот, кто работает, под локоток не глядя. А чтобы не усомнился читатель в моем авторе, впечатлении, привожу одну запись, но внимание особое обратить прошу на заключающую фразу:

«Кижи — это не только памятник русской, карельской или в целом всесоюзной культуры — это памятник Мировой культуры. Работники Кижей — деятели мировой культуры.

Д. Лихачев. 19. VII. 86».

Далее не комментирую, потому как не охотники кижане до славословий — ни себе, ни своим делам, но пример того, что коллектив Кижей — организм особенный, приведет.

Когда зашла над Кижами гроза, когда молнии утвержденных уже «проектов века» готовы были обрушиться на заповедный остров, ударили кижане в набат. Не думая о последствиях, персональной ответственности, «не согласовав» с Петрозаводском и Москвой решили: общее собрание. «Общее» — в прямом смысле этого слова: от директора до уборщицы и ночного сторожа. В каком еще, скажите, музее ставится на всеобщее обсуждение «сугубо научные» вопросы? А вопрос был тот самый — гамлетовский: быть или не быть? Утвержденные высокими ведомствами проекты представлены были во всей своей красе и на всеобщее обозрение. Специалисты музея прокомментировали их так, что технические проблемы не заслонили главного — морального.

Я не был на этом собрании, но подлинно знаю, что две сокрушительные статьи в «ЛГ» — его следствие. «Кижский вопрос» перестал быть предметом келейных ведомственных словопрений, став достоянием всенародным. В благотворности такого оборота событий трудно усомниться — «проекты века» сброшены в бумажный отвал.

Так выигран был первый бой. Правда, без выговора директору дело не обошлось — «за нарушение субординации». Не знаю, готов ли он к следующему, потому что бои, по всему судя, еще предстоят и субординацию нарушать тоже придется. Удачи ему!

И здесь не могу я обойти вниманием обстоятельства весьма существенного: новое руководство пришло в музей, когда на Кижах был самый пик неблагополучия — каркас «внедрен», проблем накопилось пруд пруди, а «сверху» тре-

буют срочно исправить положение, в котором, говоря открытым текстом, сами же виновны. Зная об этом и отворив дверь директорского кабинета, собрался я было потянуть за цепочку вопросов о пресловутых, хотя и впрямь серьезнейших проблемах Кижей, но осекся на первом же, пресеченном фразой Лопаткина:

— Хватит проблем. Нужны решения.

Не могу, однако, сказать, чтобы недвусмысливое это утверждение полностью меня обезоружило. Понимая, что проблема кижских проблем — Преображенская церковь — сегодняшнее ее состояние и завтрашний день, я знал, о чем и даже о ком персонально пойдет прежде всего речь.

Сегодня в деле реставрации памятников деревянного зодчества появилось новое имя — Александр Попов. О нем говорят в кругах специалистов, ЦТ сняло фильм, ему посвященный, газетные публикации называют Попова единственным возможным «исцелителем», которому можно доверить первый наш памятник. Скажем сразу, все это весьма далеко от дешевой сенсационности: Попов — фигура действительно уникальная.

До сих пор — почти уставно — принятые были у нас четкие подразделения: реставратор-архитектор, реставратор-плотник, реставратор-инженер. Попов соединил эти ипостаси в одном лице, как и заведено было, когда по всей Северной Руси на берегах рек, озер, в лесных глухоманях ставили русские мужички до нынешних дней дожившие чудеса. Работает Попов теми же инструментами и теми же приемами, ни на йоту не отходя от старины, тех самых времен, технологий, хоть и неуместно здесь современное слово. Результаты его работ, особенно последней — шатровой церкви Дмитрия Солунского в Верхней Уфтиге, говорят сами за себя. В Кижах — а уж там-то знают, что в этом деле почем — перед его мастерством преклоняются и считают: если кому и пришлось бы доверить переборку Преображенской церкви, быть этим человеком может только Попов. Но речь идет — заметьте это! — о переборке. О хирургической, если хотите, операции. А продолжая параллель, вспомнить нужно будет и слова великого хирурга о том, что лучшая его операция та, которой удалось избежать.

Думаю, этим поставлены все точки над «и», и понятна позиция нового руководства музея: сохранять то, что есть. Подчеркиваю: не макетировать, не перебирать, но сохранять.

Но как же сохранять, если каркас, выражаясь почти буквально, наломал дров? Вытаскивать его сейчас без точных инженерных расчетов — значит наносить памятнику новые травмы. Есть, впрочем, у нового руководства мысль использовать каркас в качестве подспорья к очередным реставрационным работам. Однако для этого прежде всего нужно убедиться, что сам по себе каркас работает, то есть держит вес. Вопрос в том, возможно ли это сделать сегодня.

Простым взглядом — сам тому свидетель — видно, что между срубом и каркасом вставлены клинья. Обыкновенные деревянные клинья, которые приходится подбивать в зависимости от погоды — степени влажности воздуха. Но допустим, что это еще не доказательство того, что каркас «не держит вес», хотя... но допустим. Тогда руководство музея просит специалистов соответствующего НИИ дать на этот счет компетентное заключение. После визуального осмотра те делают вывод: это две автономные конструкции — отдельно каркас, отдельно сруб. Но, оказывается, и это еще не доказательство для тех, кому следует доказывать, — нужны показания приборов. Ну что ж, дирекция договаривается со специалистами крупного завода, который эти приборы (тензометры, для точного замера нагрузки и веса) готов предоставить. Дело, кажется, идет к развязке. Но поставить приборы музей, оказывает, не имеет ни юридического права, ни

финансовой возможности: «Росреставрация» к любимому своему детищу — каркасу — никого, кроме своих сотрудников, не подпускает. Но почему?! А потому только, что если прибор покажет, что каркас «не взял вес», «Росреставрации» придется расстисаться в том, что вся эта гигантская ее затея искалечила памятник, да притом еще за огромные деньги. А это уже, согласитесь, серьезно даже для такого могущественного колосса, как «Росреставрация». Не заставит ли это задуматься вообще о целесообразности существования объединения? Дальше «еще страшнее» — вдруг и Минкультуры услышит то, что всем известно: повсеместная зависимость наших памятников, безмерный централизм в деле реставрации ведут, в сущности, к невозможности элементарного контроля, а тем самым губят дело.

Все возвращается на круги своя, и как ни стараемся мы вести разговор только о кижских проблемах, сам собой соскальзывает он в наезженную колею, ведущую в тупик той же самой ведомственности. Просто Кижам «позвало» здесь больше, чем кому-либо другому. Признаться, не могу даже толково ответить на вопрос: а к кому, собственно говоря, Кижи относятся? Пусть попробует читатель.

Территориально находятся Кижи на землях совхоза «Прогресс» Медвежьевского района, но административно относятся к Ленинскому району города Петрозаводска; люди, которые здесь работают, прописаны между тем в Сенной Губе и по этой причине не могут пользоваться городской поликлиникой, а чтобы, скажем, жениться или, извините за подробности, развестись, ехать нужно в Медвежьевск, хотя до Петрозаводска — час на «Комете». Кстати, о ней: швартуется «Комета» у мостков, начало которых принадлежит Беломоро-Онежскому пароходству, седрина — ресторану, а конец — музею.

Однако эта черепосолица и разнобой в территориально-административном положении не самое главное. Куда важнее выяснить, от кого Кижи зависят и какой необходимостью эта зависимость вызвана. Но тут одни вопросы.

Почему, собственно, музей, его работа должны зависеть, скажем, от ресторана, подчиненного, естественно, ведомству, отношения к культуре не имеющему, а потому и появляющемуся у берегов острова значительно позже начала туристического сезона и отбывающему обратно много раньше его завершения? Почему музейная работа должна страдать оттого, что людей, приезжающих на Кижи, расположенная на его территории «Союзпечати» щедро снабжает открытками и буклетами с видами Самарканда, Бухары, острова Пасхи, а то, что касается Кижей, здесь и не почевало? И почему Книготорг сбывает у ворот заповедника заlewавшийся в городе товар, также не помышляя об интересах музея и его посетителей? Продолжая список организаций, от которых зависят — а подчас и страдают! — Кижи, считать придется до девятнадцати — не много ли? Время подумать, как выбраться из запутанного и бесполкового положения. Впрочем, в музее об этом уже подумали и предлагают вот что.

Если в двух словах, речь идет о создании фирмы «Кижи».

Года два назад самый факт такого предложения, да исходящий еще, так сказать, снизу, произвел бы впечатление разорвавшейся бомбы. Но и сегодня резонанс, хотя и не такой громкий, все же последовал: помните, упомянули мы о «максимализме» требований, в котором обвиняют новое руководство музея? Не будем, однако, забывать, что сегодня такая перестройка, продиктованная временем, получила к тому же и юридическую основу — «Закон СССР о государственном предприятии (объединении)». Переходим, впрочем, с юридического языка на более нам привычный.

В сущности, музей требует права на свободу действий, которого до сего дня он практически и даже теоретически

лишен. Лишен он даже права быть заказчиком по реставрации — факт, и без комментариев вызывающий изумление. За горами постановлений, за штабелями проектов, похоже, проглядели реальный выход из создавшегося положения. А заключается он в том, что постоянный эксплуатационно-реставрационный участок на Кижах — единственное на сегодняшний день средство спасти и сохранить памятник.

Впрочем, и понимая это, так сказать, общее положение, необходимо иметь в виду, что среди многочисленных наших музеев-заповедников «Кижам» нет аналога. Суть этого музея, его уникальность — в живых связях с людьми, здесь обитающими, а изначальная концепция развития «Кижей», заложенная четверть века назад, вела, в сущности, к разрушению этих связей, потому что музей развивался однобоко, «экстенсивно», как теперь принято говорить. На остров свозились памятники, обозначались охранные зоны, но при этом не думали о людях, живущих на Кижах, — представителях и хранителях древней культуры, об их укладе, быте, ремеслах, которые складывались исстари и сами по себе должны были стать неотъемлемой частью музея-заповедника. Пагубность проводившегося в 50-е годы «укрупнения» бедой отозвалась не только на сельском хозяйстве. Когда-то с Кижей и окрестных деревень в один призыв по семидесяти парней уходило в армию. Потом кижан лишили даже школы, и выросло уже поколение родившихся на Кижах, но с семи лет по чьему-то глубокомысленному головотяпству вынужденных прощаться с родной землей и навещать ее дачниками. Так исчезала на Кижах социальная сфера, без которой невозможно сохранить культуру прошлого, а ведь «Кижи» — это не только собрание пусты и первоклассных памятников зодчества. Это понимает новое руководство музея, и это определяет главное направление задуманной работы.

Конечно, возродить заповедный край — дело не одного года, но оно продумано и уже началось без затянувшегося, как всегда, утверждения «сверху». Не знаю, поднимется ли какая-нибудь ведомственная рука наградить «неутвержденную» инициативу очередным выговором?.. Но продолжим разговор о фирме «Кижи».

Хочу обратить внимание читателя на одно весьма существенное обстоятельство: в основе предлагаемого плана лежат моральные побуждения — у музея появилась потребность «жить на свои» (да простится автору непривычная здесь бытовая терминология). Но то, что предлагается, тщательно рассчитано и в конечном итоге ведет к переменам экономическим. Рассуждают здесь так.

Существует в музейном деле так называемая расчетная стоимость одного туриста. Посещение «Кижей», например, обходится в пять рублей. Турист же платит только два рубля, следовательно, три доплачивает государство. А почему, собственно, государство должно платить? Что это, медицинская помощь?.. Есть, казалось бы, простой способ: повысить стоимость билета до пяти рублей, и дело с концом. В торговых сферах так и поступают. Здесь считают, что делать это по меньшей мере безнравственно, если одновременно не повысить качество обслуживания. Задача состоит в том, чтобы дать возможность человеку самому и с охотой потратить здесь эти деньги. Словом, дело идет к хозрасчету, но только — на крепком моральном основании. Вопрос, как это сделать, чтобы коммерческие интересы не превысили этических. Дело, впрочем, уже двинулось.

Так, на договорных началах в специально отведенном музее помещении профессиональные и самодельные художники продают свои работы — живопись, графику, посвященные, конечно же, кижской теме, Заонежью, а не Бухаре или острову Пасхи. Похоже, скоро «Союзпечати» придется вывозить с Кижей на материк «иностранцы» свои буклетики нераспакованными пачками.

Судя по всему, и другим «торговым точкам» на острове предстоит благополучно «заваливать план» — настоящие кижские сувениры, сработанные местными умельцами в народных традициях старинных ремесел и прямо на глазах посетителей, в два счета оставят позади ту ширпотребную чушь, которую до сих пор валила на Кижи торговая база и которую здесь весьма ёдко называют «лагерным китчем».

Но боюсь, раньше времени открываю тайну, и опять на головы кижских энтузиастов посыплются ведомственные кары, хотя, надеюсь, до этого все-таки не дойдет, — ведь результаты уже налицо: только за последние месяцы от весьма скромных процентных отчислений в доход музея уже не одна прибыль тысячи.

Согласны, рядом со словом «музей» не привыкли мы как-то ставить другое — «прибыль». А почему, собственно, нет? Не будем ханжами, тем более что в данном случае все построено на трезвом и с этической стороны неуязвимом расчете. В конечном итоге прибыль пойдет на нужды музея, скажем, на ту же самую реставрацию памятников «Кижского ожерелья». Сегодня, мельком только видимые туристами с борта «Кометы» и совсем невидимые из московских кабинетов, они тоже просят помочь, но, получив ее из собственного, музейного кармана, станут доступными экскурсантам, что — опять-таки вполне понятно — ведет к той же прибыли, употребить которую можно будет на поддержание этих же памятников в надлежащем экспозиционном виде. Так что не нужно стесняться слова «прибыль» даже и в таком высоком духовном понятии, как музейная работа, к тому же если прибыль сама по себе не цель, а средство эту самую работу поставить на уровень, ее достойный. Но позвольте одно маленькое замечание.

Речь о том, что соотношение эстетики и коммерции — дело не только тонкое, но и небезопасное. Не случится ли так, что стремление к прибыли «музейной казны», даже и с самыми благими намерениями, превысит главную задачу — просвещения и воспитания? Не вкрадется ли в дело торгащийся дух и не прибьются ли сюда те, кто захочет погреть руки возле благородного дела? Словом, не окажутся ли среди реализуемой продукции вещи слабые в художественном отношении, а то и просто халтурные? Отвечаю: такая опасность пресечена в самом начале — контроль за всей предлагаемой к продаже продукцией осуществляет Ученый совет музея. Других гарантит, думается нам, не нужно.

Пора, кажется, подвести итог и всему сказанному.

Итак, музею «Кижи», как, впрочем, и всякому другому, нужны средства. Но в отличие от других он не просит их у государства. Он просит права эти средства заработать, и с одной лишь целью — дать жизнь музею, сохранив его памятники и возвращив утраченную в былые годы социальную сферу. Дело это трудное не только по объему работ, сколько, быть может, по той ответственности, которая ложится теперь исключительно на плечи людей, за него взявшись, ибо делить ответственность, как это прежде бывало, между «ведомствами», «инстанциями», «смежниками» и т. п. уже не придется.

Не хочу, однако, чтобы читатель подумал, что все это похоже на весьма все-таки рискованный эксперимент, потому скажу: оговаривая право на свободу действий, музей просит и постоянного контроля со стороны ведущих специалистов — архитекторов, реставраторов, искусствоведов, этнографов, историков. Надеюсь, понятно, почему не нашлось в этом перечислении места чиновникам — ошибки учат.

Пока очерк готовился к печати, коллеги Министерства культуры РСФСР было принято решение: А. В. Попов возглавит работы по реставрации Преображенской церкви.

Окончание.
Начало на 2-й стр.

ЦЕНЫ, ЦЕНЫ...

стабилизировался рубль, реформа способствовала новой экономической политике. Вторая состоялась в 1947-м — в обращение были выпущены новые, полноценные старые, — восстановился рубль, и повысились реальные доходы населения. Третья реформа проводилась в 1961 году... Все эти реформы разные.

— Вы упомянули 47-й год. Он примечателен не только денежной реформой. Известно, что с 1947 по 1955 год в нашей стране розничные цены снижались ежегодно. Эту политику цен люди зачастую связывают с именем Сталина.

— На этот послевоенный период в основном ссылаются люди старшего поколения: мол, как тогда о людях заботилось правительство и каково положение с ценами сейчас. Однако политику понижения розничных цен с 1947 по 1955 год ни в коей мере нельзя отрывать от той особой экономической обстановки, которая сложилась в послевоенное время, когда отечественная промышленность переключилась на мирную продукцию. Это значит, что в нашей стране стали в значительных объемах накапливаться товарные запасы.

И не надо забывать: снижение цен началось после денежной реформы, после того, как розничные государственные цены — по сравнению с 1940 годом — были повышенены в три раза. Но и снижение цен не довело их до уровня предвоенного года. А ежегодные внутренние займы, которые вплоть до 1958 года проводились по подписке? Ведь у трудающихся, военнослужащих изымались огромные суммы. И по сей день гасятся займы. Кроме того, шло снижение цен и одновременно создавались такие экономические условия, в которых не стимулировался рост производительности труда, ограничивалась заработная плата... Административно-бюрократические явления, что так пышно процветали при Сталине, до сих пор сказываются на нашей экономике, сказываются и на уровне благосостояния людей, и на ценообразовании.

— Заканчивая нашу беседу, затрону вопрос о гласности. Цены у нас станут гибкими, стало быть, довольно-таки часто будут меняться в ту или иную сторону. Раньше об этом можно было узнать только в магазине, при покупке товара. Видимо, теперь будет иначе...

— Да, конечно. Есть специальное решение, которое обязывает Госкомстат регулярно сообщать об индексах цен, уровне заработной платы и индексах уровня жизни.

— Индексы мало о чем говорят. Желательно иметь такую информацию, из которой было бы ясно: как изменяется цена на конкретный товар, причины повышения или понижения цены... Эту информацию можно было бы публиковать в газетах.

— Я бы поддержал такое предложение. Цены-то не утишь, какой смысл делать из этого проблему? Люди должны иметь реальное и полное представление о всех товарно-денежных обращениях. Цена — это результат живого труда, зеркало нашего отношения к делу. И тут бы гласность дала положительные результаты. Уверен, люди бы чаще задумывались о том, как они работают, как они живут...

Ж

ара приходила часов в десять утра вместе с безветрием. Воздух в долине застыпал, накалялся, насыщался пылью и выхлопными газами. Каждый день с рассвета сотни машин рокотали на площадке напротив госпиталя. Медленно вытягивались на шоссе и уходили к советской границе, или наоборот — сползали с асфальтовой ленты на площадку, чтобы здесь под прикрытием мотострелкового подразделения дождаться разрешения на проход через тоннель Саланга.

Госпитальный модуль, собранный из деревянных панелей, к этому времени уже прогревался так, что казалось, вот-вот начнет тлеть.

До назначения в этот гарнизон начальник госпиталя служил в местах, где зима длится едва ли не круглый год. Напуганный непривычной жарой и сухостью, он больше всего боялся возгорания. По его приказу, кроме штатных средств пожаротушения, в коридорах и палатах госпиталя было размещено немоверное количество огнетушителей, которые внушили ему уверенность, что подавить начавшийся пожар будет делом нескольких секунд.

Борьба с курильщиками в помещениях велась беспощадная. Им разрешалось вдыхать никотин только во дворе, в беседке, склоненной из реек бомбетары, крышей которой служил вытяжной купол грузового парашюта.

Старший лейтенант Демченко, взглянув на часы, отложил журнал, накинул на плечи куртку больничной пижамы блекло-голубого сиротского цвета, бережно снял ногу в гипсе, которая покоялась на самодельном приспособлении из двух стульев и трех подушек, подтянул костьль и поднялся. Курить не хотелось, но по времени выходило, что ему пора в беседку. Дверь за собой в палату он аккуратно прикрыл — прохладу, созданную неустанными трудами двух кондиционеров, следовало беречь.

По коридору он прыгал не спеша — день впереди длинный. Убивать время еще не научился — всего неделя прошла с тех пор, как душманский фугас, рванувший под третьим катком его БМП, круто поменял ему личный распорядок дня, который делился теперь на томительно длинные отрезки между перевязками, процедурами, уколами.

Было еще одно важное обстоятельство для того, чтобы не очень торопиться... Ну, вот. Все правильно. Вот и она. Самое время ей быть в перевязочной. Задержалась, а теперь чуть ли не бежит. Старший лейтенант прислонился к стене и, стоя на здоровой ноге, сделал костьлем «на кра-ул!». Леночка сдержанно улыбнулась:

— Нужно больше лежать, Гриша. Бросай курить, в самом деле! Десять раз за день встречаю на пути в беседку.

Ну что ж. Это только доказывает, что не зря он с часами в руках три дня изучал маршруты передвижения старшей сестры хирургического отделения, словно смену караулов у штаба противника.

Григорий проводил ее взглядом, вздохнул: напрасно все это! Никогда ему уже не танцевать вот с такими хрупкими большеглазыми девушками! Врачи ясно сказали: колено потеряет подвижность, если не произойдет чуда... Чудес не бывает.

Он резко поставил костьль, оттолкнулся от стены... Но нога предательски скользнула, и старший лейтенант очень чувствительно уселся прямо на штырь огнетушителя.

— Понатыкали тут вас, пройти невозможно,— поднимаясь, пробурчал Григорий.

В ответ в железном баллоне что-то утробно заурчало.

— Елки-палки! Капсулу раздавил!

Чертыхаясь, он схватил огнетушитель и запрыгал на костьле в сторону туалета — куда еще сливать эту проклятую штуку, которая уже начала плеваться пеной?..

Начальник госпиталя подполковник медицинской службы Слепков вошел в модуль хирургического отделения как раз в ту минуту, когда старший лейтенант добрался до конца коридора. Подполковник действо-

РЕВИС

вал четко: вырвал из гнезда ближайший огнетушитель, перевернул, ударили бойком об пол и, размахивая пеной струей, бросился к двери, за которой уже скрылся больной. Слепков с такой силой толкнул ее плечом, что едва не сорвал с петель... В угловой кабине слышалось характерное прерывистое сипение... «Вовремя успел!» — подумал Слепков. — У него уже смесь кончается! Подполковник пристроился рядом. Не видя очага пожара, он из-за спины Демченко принялся поливать стену и пол.

— Кончай брызгаться! — заорал Григорий.

Его невероятно удивило, что еще какой-то растяпа попал впросак с огнетушителем, но еще больше он удивился, узнав в этом растяпе начальника госпитала.

— Что у вас происходит? — по-прежнему поливая пеной унитаз, хрипло спросил подполковник. Он уже что-то начинал понимать.

Демченко, перехватив баллон поудобнее, хмуро пояснил ситуацию и предложил:

— Вам бы лучше в соседнюю кабину пройти. Чего толкаться?

Начальник госпиталя покраснел до слез, отшвырнул баллон и вышел, хлопнув дверью, за которой немедленно раздался грохот — это выпал огнетушитель из ослабевших рук Демченко, которого мгновенно скрутил приступ сумасшедшего хохота.

Подполковник удалился в свой кабинет. Полчаса он с недоуменной печалью созеркал на своем столе чернильное пятно. Затем ему доставили телефонограмму, он ознакомился с текстом, быстро прошел к машине и отбыл. В телефонограмме значилось, что ему в числе других командиров расквартированных в долине подразделений приказано прибыть на вертолетную площадку для встречи инспекции вышестоящего штаба.

Слепков, не сумев до конца отрешиться от горестной задумчивости, подошел к собравшимся у палатки коменданта. Он отвечал невпопад, всякий раз сходя и серьезный разговор, и легкий командирский треп к тому, что нынешняя офицерская молодежь относится к службе несерьезно, если не крайне легкомысленно. Командиры — в основном именно та самая молодежь — насторожились.

— Доходит до невероятной распущенности! — горячился Слепков. — Вот, например, у меня в госпитале...

И тут он сообразил: вырвясь еще словечко — он станет посмешищем гарнизона.

— Так что же случилось в вашем хозяйстве? — спросил кто-то.

— У себя порядок наведите! — почти выкрикнул Слепков. — Думаете, что в палатах только боевая травма? Как бы не так! Меньше половины. Безобразие! Открывают борт КамАЗа — пальцы уродуют. На кухне — руки маслом обварят... Вот о чем думать надо...

Офицеры переглянулись: кажется, начальник госпиталя репетирует рапорт прибывающему начальству. Командиры примолкли, задумались.

Подполковник тоже думал. История с «пожаром» сегодня, когда все будут заняты высокой комиссией, удержится в стенах госпиталя, завтра — станет притчей в гарнизоне... завтра к вечеру с ней ознакомят и комиссию. Не будет после этого подполковника медицинской службы! Будет герой анекдота! Что делать? А если инспекторская проверка начнется с госпитала?

Вертолеты были еще высоко, когда от их тонких хвостов перпендикулярно курсу полетели красные искорки ракет, имитирующие физические поля летящей машины — они должны увести в сторону головки самонаводящихся душманских ракет «земля — воздух». Имитаторы отстреливались на высоте, еще недоступной для огня мятежников. Так страхаются новички или в том случае, когда на борту ценный груз.

— Пошли на площадку, — сказал кто-то. — Начальство прибыло.

— Успеем. Сядитесь-то будут строго по инструкции.

«Значит, у меня есть пятнадцать минут», — подумал Слепков. Он вошел в палатку коменданта, поднял трубку полевого аппарата, назвал номер.

Леонид Богачук

— Дежурный по госпиталю старший...
— Группа на отправку в Союз готова? — оборвал доклад Слепков.

— К четырнадцати часам, товарищ подполковник, — с обидой в голосе отозвался дежурный: чего, мол, по мелочам контролировать? И, подтверждая справедливость этой своей обиды, добавил:

— Радист ровно пять минут назад принес подтверждение — пара «ми — восьмых» будет к четырнадцати часам. Метеосводка отличная: безоблачно, тридцать градусов в тени.

— Документы оформить немедленно! И доставить группу к вертолетам! Даю десять минут. В список включите старшего лейтенанта из четвертой палаты хирургии.

— Есть! — озадаченно отозвался дежурный. — Только... Может, начмеда вызвать? Он решит...

— Не нужно. Отправьте с группой сестру, двух санитаров... Все! Исполнять немедленно!

Когда он вышел из палатки, вертолеты уже рулили по полосе на стоянку. Офицеры неторопливо продвигались к ведущему: начальство не летает во второй машине.

Все остановились на границе еще вращающихся винтов. Дверь по инструкции не открывалась до полной их остановки.

Подполковник Слепков стоял в нестройной офицерской шеренге и, пока отдавали рапорты молодому генералу командиры подразделений мотострелков и автомобилистов, ничего не слышал, кроме ударов собственного пульса. Краем глаза он увидел подъехавшую к площадке машину с красными крестами на бортах. Высокий гость уже стоял напротив него. Слепков взял под козырек и, враз покрывшись холодным потом, вместо рапорта глухо сказал:

— Товарищ генерал-лейтенант, считаю необходимым... Можете вы меня выслушать один на один?.. Наедине...

Генерал помедлил секунду, затем кивнул и сделал несколько шагов. Обернулся, так что заспешивший было за ним Слепков едва не налетел на него.

— Слушаю, — негромко сказал генерал. Его глаза смотрели спокойно и холодно.

«Какой беспощадный взгляд», — повздорил Слепков.

— Сколько времени вы будете здесь работать?

— Что вас интересует? — снова требовательно спросил генерал. — Не понял вопроса. Порядок нашей работы станет известен вам на совещании командиров.

— Прошу вас отдать вашу пару «вертушек» для эвакуации раненых. Только до аэродрома подбросить! Через три часа машины опять будут в вашем распоряжении... У меня экипаж... нет — расчет бэттэра... подрыв на фугасе. Они уже вечером будут в отличных условиях.

— Почему не обратились по команде? Кто вам отказал в транспорте? Конкретно!

— Никто, — облизнув пересохшие губы и глядя на носки своих сапог, ответил Слепков. — Но машины будут только в два... Вы же знаете, что такое сутки или даже несколько часов для успешного лечения!

Ему было важно провести этот разговор наедине! Два-три вопроса специалиста все поставили бы на свои места: санитарный самолет все равно будет точно по расписанию, к его прилету на аэродром и приходили «вертушки» из гарнизона.

— Я думал — кляуза у тебя, подполковник, — сказал генерал. — А ты молодец. О солдате думаешь. Я распоряжусь, загружайте раненых.

Слепков зарысил было, спотыкаясь на ребристых, металлических плитах, из которых собираются полосы таких временных аэродромов, потом опомнился, замахнул водителю рукой. «Скорая» тронулась.

И машины выскочили два санитара в белых халатах, вытянули носилки... Потом на землю сошел старший лейтенант Демченко. Элегантно отставив кости, он подал руку Леночке. Не обратив ни малейшего внимания на группу офицеров, как всякий сугубо гражданский человек, не отличающий генерала от прапорщика, она сразу побежала к вертолету:

— Быстрее! Давайте первого с капельницей.

Санитары подхватили носилки с укрепленной на них капельницей, по которой прозрачная жидкость текла в вену больного, подали в дверь, где их тут же подхватили борттехник и второй пилот.

Генерал подошел к вертолету, в тени которого,

тоскливо озираясь, переминался на костылях старший лейтенант. Демченко рассчитывал еще неделю пробыть в этом госпитале, распланировав ее до часа: сегодня он опять посидит с Леночкой на ночном дежурстве, расскажет о себе, об отце, матери, братьях... Завтра, на пути в беседку, скажет, что лучше девушки он не встречал. Потом... Все рухнуло в один миг!

— Давно зацепило? — спросил генерал.

— А вас только свеженькие интересуют? — набычившись, проворчал Григорий.

Глаза генерала сузились. Сопровождающие его офицеры притихли. Генеральский гнев быстр и разрушителен, как разрыв снаряда. Адъютант мгновенно подскочил к Леночке, заглянул в папку с сопроводительными документами, осторожно и быстро пролистал. В следующий миг он уже был за спиной генерала и прошелестел:

— Старший лейтенант Демченко... Минно-взрывная травма... Желваки еще плясали на генеральских скулах, когда он уловил взгляд раненого, которым тот следил за ловкими движениями адъютанта, как смотрел на его хорошо подогнанную форму, тугой ремень с портупеей.

— Совсем плохо, Демченко? — тихо спросил генерал. — Со службой прощаешься?

— Так колено же проклятое, товарищ генерал! — Демченко скривился. — Это даже не плоскостопие, с которым, как известно, ни в дуду, ни в Красную Армию. А я без службы... Эх!

— Извините, — вмешалась Лена. — Демченко! В машину. Санитары! Давайте его в вертолет.

— Найдешь меня в Москве, старший лейтенант. Будем думать, — медленно и властно, словно отдавая боевой приказ, сказал генерал. — Адъютант! Мои телефоны старшему лейтенанту. Прямой — тоже. — И вдруг взорвался. — И помогите же ему! Сами не сообразите?

Адъютант сунул в карман Демченко листок бумаги с цифрами и стал подсаживать раненого в вертолет. Санитары тянули Григория за руки... он удалился ногой в гипс о ступеньку и чуть не взвыл: ему показалось, что под бинты насыпали углей. Тогда лестницу убрали, и решили поднимать его спиной к вертолету, поддерживая ногу. Так он и висел на руках, пока они приоронились, едва не теряя сознание от унижения и боли.

Генерал смотрел на это, не отводя глаз, как будто хотел лучше запомнить все. Когда он обернулся к офицерам — им стало ясно: если инспекция решит, что командиры не сделали все возможное и невозможное, чтобы было как можно меньше вот таких военных судей, — выводы для каждого из них будут самые суровые.

Взлетели ровно в полдень. Над площадкой кружились долго, набирая нужный эшелон, недоступный для ракет и пулеметов противника.

На высоте раненые слабели, теряли сознание. Лена едва поспевала: кислород, укол, кислород, массаж... Все были почти без сил, когда прилетели на промежуточный аэродром, способный принимать тяжелые транспортные самолеты. Пилоты пододнули к самой палатке эвакуационной. Санитары быстро разместили раненых, подняли брезентовые стены, чтобы создать хоть легкое движение воздуха в тяжкой застойной духоте.

Летчики, прощаюсь, сказали, что диспетчер подтвердил: санитарный борт будет здесь точно по расписанию. То есть в пятнадцать тридцать. Вылет в СССР — в шестнадцать ноль-ноль.

— Ты бы рассказал что-нибудь, — Леночка сидела в тени поднятого полога палатки так, чтобы видеть всех. Григорий, пыхтя от напряжения, пристраивал под большую ногу подушку. От помощи медсестры он категорически отказался. — Говорят, самолет будет через два часа. Зачем мы так рано сюда прилетели?

— Как я сюда попал — понятно, — отозвался Демченко. — А вот в чем ты провинилась — не знаю. Люблю я этих предпенсионных старцев на службе. Страхуюсь по всякому поводу. Огнетушители у них на каждом шагу...

— При чем тут огнетушители? — Лена сняла шапочку и обмахивалась ей. — Действительно, рассказал бы ты, где тебя зацепило?

Старший лейтенант хмыкнул:

— Зацепило.

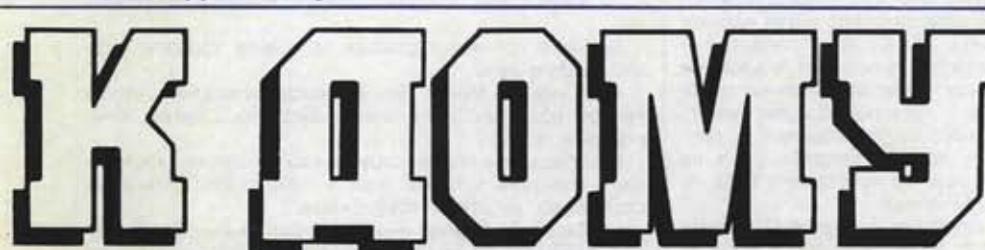
— Ну ранило. Извини...

— Ладно. Без ребят через Баглан. В одно место... Пополнение. Уже на окраину выбрались. Глохнет мотор. Едем по-уставному — в отсеках. На броне, значит, поедем, когда из города выберемся, потому что там уже надо мин опасаться, а здесь — выстрелы из-за дувала или с крыши. Хотя и в «зеленке» стрельнуть могут, но, чтобы попасть в нас на хорошем ходу, отменным стрелком нужно быть!

— Зелёна?

— Да. Зеленая зона, долина... А мотор-то заглох. Компрессии нет. Завести можно только, если плеснуть в цилиндры немного бензина. Стоим. От каждой стены до наших бортов — по метру, ничего не видно! Впереди — поворот. Метров десять — и все! Стена. Я по-

Рисунок Алексея Островенского

спал двух «стариков» вперед. С канистрой. Опытные ребята — уже по году отслужили. Бензинчиком разжиться. Они скрылись за поворотом. И тут к-а-ак даст! Три длинные очереди! Я на луке командирском сидел. Схватил автомат и вперед. Прыгнул, перекатился... Гляжу — один сидит, бедро бинтует, у стечки так устроился. Другой палил куда-то... Там вроде сад какой-то... Лупит вовсю. «Духи!» — кричит. А тут и его оцарапало: щеку, висок, мочку уха — пулей оторвало. Кровища течет! Я ему пакет бросил. Елки-палки! Кричу, чтобы он уходил и другого пусть тащил. Прыгнул еще немножко вперед в арки — прикрыть ребят. Они мне подсумок бросили, пару гранат подкатили. Думаю — пять минут постреляю и ходу!

Духи такую пальбу подняли — головы не высунуть. Арки, зараза, у самого поворота кончается, то есть по канаве этой к своим не выбраться — подстрелят! Ползаю, как боров в грязи. Тридцать метров вперед, столько же назад... Высунусь, дам очередь и опять ползу. Держать-то их надо! Подберутся ближе — гранатами забрасают. А там сяди — ребята, молодежь. Вот и ползаю... Локти, колени изрезал. Стекло какое-то гад наколотил. Кровь как с барабана. Последний рожок вставил...

— Подожди, там что-то... — Лена встала.

— Пить, сестренка...

— Сейчас... Она подала флягу.

Раненый глубоко и сморщился:

— Теплая...

— Нет здесь холодильника, родной, нет. Потерпи...

— Долго?

— Скорее. Самолет скоро...

— Я слышал... Не загнуться бы. Я-то ничего...

Сашка вон зубами скрипит...

Лена повернулась к его соседу. Из жесткого, шершавого даже на вид, гипсового корсета трогательно торчала тонкая мальчишеская шея. Синие тени лежали под глазами от переносицы до висков. Парнишка жмурился от боли, кряхтел, скваживал зубы.

Сестра вспомнила: травма позвоночника... Боли у парня страшные. А он даже не кричит, не стонет. Сражается один на один с этой оглушающей, обессиливающей болью — и никого не зовет...

Но она знала, уже успела узнать за свои долгие ночные дежурства, как плачут в подушку под утро эти мальчишки, когда борются с болью уже нет сил. И как они зовут маму в самом начале ночи...

— Саша, Саша... Ты что? Больно? Сейчас, сейчас...

Она быстро достала из сумки упаковку, вынула из нее шприц, сорвала с иглы колпачок.

— Потерпи, Саня. Вот сделаю тебе промедол... Понадобится, уснешь...

Она отбросила пустую пластмассовую капсулу разового шприца. Посидела еще немножко возле раненого, сложив руки на коленях, пока дыхание больного не стало ровным и размеренным. Потом разбитой походкой вернулась на место.

— Гриша, — тихо сказала она. — Тут где-то рядом медбат есть. Кондиционеры, аппаратура... Что я одна сделаю, если...

— Рядом! — отозвался Демченко. — Это через полосу еще топать и топать. Перетащить десять человек...

— Семь, — поправила Лена.

— Ну, хорошо, — согласился старший лейтенант. — Все равно — это час. А потом час обратно. Так нас там и ждут. Разместят временно. Может, даже в коридорах. Тоже некто порядочное.

— А если машину попросить?

— Иди, — буркнул Григорий. — Мы уж здесь сами. Григорий хотел пробыть эти два последних часа с Леной. Он должен сказать ей, что лучше девушки не встречал. Еще неделю назад это его ничуть бы не затруднило. Но сейчас. Нога... Инвалидность... Раньше он избегал таких объяснений, опасаясь быстрого согласия, теперь — боясь нежного, жалостливого отката.

— Нет, — решительно заявила Лена. — Мне уходить никак нельзя.

— Вот и правильно. Боец! Санитар, подойдите сюда. Фляги смочите. Хоть немножко попрохладнее вода будет. И вот еще что: подайте мой рюкзак.

Он запустил руку в мешок, вытянул бумажник, достал из него новеньющую хрустящую бумажку.

— Вот вам деньги. Видите через полосу от нас башенку? Это диспетчеры. А слева от нее — магазин. Купите нам что-нибудь перекусить и минеральной... На всех. Пусть боржоми из холодильника даст. У нее есть. Передайте привет от меня — Света найдет холонького. Ну, чего стоите, боец?

— От кого привет передает?

Григорий скосил глаза на Лену:

— От старшего лейтенанта Демченко.

Ему очень хотелось, чтобы Лена поняла: она имеет дело с человеком, пользующимся благосклонностью у слабого пола. А нога? Ерунда! Был бы, как говорит, человек хороший. А он — Григорий Иванович Демченко — человек хороший: не эгоист, не склерат, товарищ рассудительный, но в то же время не боящийся самого высокого начальства.

Но Лена даже бровью не повела. Она лишь кивнула

санитару в ответ на его вопросительный взгляд, отпуская его: не больным же в самом деле распоряжаться медперсоналом! И тут же пошла обратно.

Раненых она знала по именам всех.

— Ну, как ты, Ванечка? Давай салфетку смочу, а ты обтирайся. Ничего. Скоро своих увидишь. Налишешь маме из госпиталя — она и придет к тебе. Пирожки твои любимые с яблоками пекут... Ренат, не дергай рукой. Ты только беспокоишь рану. Знаю, знаю. Лангеты у тебя тесноваты. Но когда мы их ставили? Правильно. А сейчас предлечье немножко распухло. Это естественно. Если обещаешь вести себя спокойно, немножко подружу бинты — будет чуть свободнее. Обещаешь?.. Да, Сережа, тебе можно пить сколько угодно. Нет, не от воды тебя тошнит. Ведь и голова кружится, глаза болят? Это контузия. Сереженька...

И только возле двоих она постояла молча. Лишь обтерла глаза и губы раненых салфеткой, посмотрела внимательно, послушала, шевеля губами, пульс. Около белобрысого худого парня, который так и лежал на носилках с закрепленной на них капельницей, и рядом с носатым смуглым мальчишкой — тоже оставленным на носилках. Бинты не могли скрыть, что у него не было левой руки ниже локтя. Он прерывисто дышал, глядя в потолок. И в его глазах беспрерывно копились два озерца. Он смаргивал их длинными, сплюшившимися от влаги ресницами — и слезы скатывались по вискам.

— Что стоишь? — закричал вдруг носатый. — Совсем у вас нет! Вон у Рената пуля здесь и здесь, а рука целая. У меня — вот такой осколочек. Половина своего ногтя на мизинце. Сам видел. А вы мне руку отрезали. Зачем резали?

— Разрыв артерии. Вам же говорили.

— Так натянули бы! Я сильный. Выдержал бы. Нужно было так сказать: Резо, надо терпеть. Или трубку... пластмассу... Я сам читал! В Японии... Нужно было достать. Что бы мы — не рассчитались?..

Он закашлялся, давя слезы и плач.

Лена вернулась к Демченко, села, опустив голову.

— Еще полтора часа... — прошептала она.

— Так я не дорассказал. Продолжить? А то ведь скоро закусить принесут. Сухой паек уже в горло не лезет...

— Подожди! — Лена быстро взяла сумку и подошла к Резо. — Дай руку.

— Руку? Возьми вот эту! На! На!

— Успокойся. Вот так... Молодец!

И еще один пустой шприц выпал из палатки, блеснув на солнце тусклой пластмассой.

Лена сунула руки в карманы халата, отошла в дальний угол палатки, остановилась, глядя на аэрором. На вертолеты в пятнах камуфляжа, загнанные в земные клеточки стоянок, на пузатые транспортные Аны, прилавившие к бетону, словно они надеялись ощутить бодрую прохладу земли. Но земля тоже была горяча.

Ваня протянул через узкий проход руку и погладил Резо по волосам, по лицу.

В палатке стихло. И только звенел от жары воздух. А может, это разведчик погоды или истребитель, ходили так высоко, что с земли их не было видно.

Послышались шаги. Перед Демченко появился санитар. Руки его были пусты.

— Эй! А где?.. Магазин закрыт, что ли? Что молчите, боец? — Старший лейтенант даже растерялся: — Не выполнить приказ... прошу... И появиться здесь, и стоять вот так!

— Рядовому составу магазин отпускает товары только в личное время, установленное для рядового состава. То есть с девятнадцати ноль-ноль, — забыл солдат.

— Объясните вы не могли? — удивился Демченко.

— Это Света вам такое сказала?

— Так точно. Объяснил, — ответил солдат, — но она не хочет, чтобы ее из-за меня наказали. Вот так она и сказала.

Демченко отвел взгляд. Перед ним стоял человек всего на семь лет моложе его, но Григорий в работе с личным составом все чаще ощущал — не годы, а нечто иное разделяет их. С первого класса, нет, с детского сада над Демченко и его приятелями всегда были старшие, которым они должны были беспрекословно подчиняться. И он считал такой порядок вещей естественным. Он был некоей данностью, как климат. Они приспособились. Всегда можно обойти инструкцию, сославшись на приказ, не выполнить указания, оправдываясь, что оно противоречит инструкции. Ведь известно: нет плохой погоды, есть плохая одежда. Рядовому Демченко много лет назад, еще до училища, грозный ротный старшина преподал наглядный урок. «Хотите понять психологию солдата? — спросил он. — Сейчас после ночных работ в казарме отдыхает несколько человек. Спят на законных основаниях. Смотрите, что будет... Все равно через минуту будите!». И, растолкал одного из отдыхающих, строго поинтересовался: «Почему спите, солдат?» «А я не спал! — быстро ответил тот. Он чувствовал себя то ли виноватым, то ли одураченным.

«Нынешние так бы не ответили, — подумал Демченко. — Выросли люди, не чувствующие за собой никакой личной или исторической вины. Им кажется, что по-

рядок должен существовать не сам по себе, а должен учитывать личные обстоятельства и характер солдата».

Солдат стоял, потупясь и сознавая всю нелепую безысходность ситуации. Только что накричали в магазине, теперь предстоит разнос здесь.

— Вот ваши деньги...

— Не получилось прощального застолья, Гриша? — Лена подошла неслышно. — Спасибо, Коля, отдыхай. Готовь обед из сухого пайка.

Санитар, облегченно вздохнув, потопал за палатку.

— Садись, Лена. А что? Сухой паек — тоже вещь. Особенно в последний раз. Ты чего-то осунулась. Эх, не догадался я солдату посоветовать. У меня на первом курсе училища труба была. Как она меня вычурала!

— На трубе играешь, Гриша? — спросила Лена.

— Нет. Обычная была труба, — рассмеялся Демченко. — По-моему, даже канализационная. Метра два с половиной. Мы с ней почти год не расставались. В училище был такой порядок: по территории — только строем. Хоть двое идут в чайную, хоть трое — в библиотеку. Не знаю почему, но начальник училища свирепел, когда видел курсанта одного.

Демченко уловил в палатке легкое движение. Его слушали. Внимали, затаив дыхание. Поняли: сейчас будет одна из бессмертных солдатских баек.

— И прятал я ее очень тщательно, — вдохновенно продолжал старший лейтенант, — потому как охотники заимели эту тяжелую керамическую роскошь нашлось достаточно. Цены не было этой трубе да паре рукавиц, которые я в ней держал. Нужно мне в чайную — пожалуйста: трубу на плечо, рукавицы на руки. Иду один в любом направлении. Старших можно не приветствовать, ведь при выполнении хороброй сибирской обязанности. Зашел в чайную, кефир, булочки в трубу и назад — в класс самоподготовки. Однажды в город на свидание ходил с трубой без увольнительной. Подхожу к КПП...

— Постой-ка, Гриша. — Лена бросилась по проходу к тому белобрысому парню с капельницей.

— Коля! Антон! Быстро сюда! — крикнула она. — Сумку! Ну, скорее же!

Громыхая сапогами, примчались санитары. Все трое склонились над тем, с капельницей, лежащим прямо на носилках, которые опирались ручками на далеко отодвинутые друг от друга кровати. Они что-то делали, негромко переговариваясь. Слышны были только обрывки фраз:

— Шприц... Да не тот! Недотепа!.. Антон, зажми здесь... Держите хорошо! Коля, кислород... Кислород, Коля... Ребята, помогайте... На пол... Снимите носилки на пол! Пробуем массаж... К свету несите... Осторожно...

Они грудились в дальнем углу палатки. Там происходило нечто непонятное и невидимое и потому пугающее остальных. Что-то падало, звякало, разбивалось... Дважды был слышен хруст вскрываемого индивидуального пакета.

Так продолжалось довольно долго. Потом наступило молчание. Демченко услыхал, как Лена попросила у санитара, которого звала Антоном, закурить. Нога у Григория вдруг разыньлась так, что в глазах плывали радужные пятна. Он боялся двигаться. Он крутил головой и скакивал глаза... Кажется, Лена и санитары сидели там возле носилок прямо на земле. Лена яростно затягивалась крепчайшей солдатской сигаретой без фильтра и надрывно кашляла.

— Лена! — закричал Демченко так, что все вздрогнули. — Брось эту дрянь. Я тебе «Столичные» принесу!

В панике он нащупывал костиль. Его мучительно тянуло туда, в угол, в дальний угол сорокаместной палатки.

Лена что-то тихо сказала и, тяжело опершись на плечо санитара, встала. Она медленно шла к нему, чувствуя на себе взвешенные взгляды раненых.

— Почему, его там оставили? — забеспокоился Сергей.

— Прохладней там... Ветерок обдувает.

— Тогда и меня туда отнесите!

— Лежи спокойно! — испуганно закричала Лена.

Господи, ну что же мне с вами делать?

— И я хочу! — закричал кто-то из раненых.

— Меня тоже несите! Слыши, санитары.

— Эй, тыловая братия! Спите на ходу!

Лена затрепетно озиралась. Она не узнавала эти искаженные страхом и злобой лица...

— Меня тоже!.. На землю хочу!.. К нему!.. В проходу...

Демченко стучал костилем по спинке кровати и сшибавленно орал:

— И меня! Меня! Бегом вокруг палатки, чтобы ветром обдувало... Мужички-тыловички... Бегом, клистирные трубы!

Санитары все так же сидели там на земле за носилками, понурив головы. Уши у них горели. Кожа на стриженых затылках покраснела.

— Вы с ума сошли? — удивилась Лена. — Это вы им кричите? ИМ! Да они вас как детей выхаживают... Не спят по четверо суток...

Она опять закашлялась. Потом сдавленным голосом проговорила:

— Ты бы лучше свою историю закончил. До самолета ровно сорок минут.

— С трубой? — оживился Демченко.

— Как ты в канаве ползл... Все-таки — героическое прошлое. Не учи молодых нарушать дисциплину.

— А... — Демченко устроился поудобнее. Ему очень хотелось заглянуть туда, в угол палатки, к носилкам, стоящим на земле. — Даешь — обычное дело. Швырнул я свои две гранаты и назад — к машине. Сидят мои необстрелянные в безмешке, бледные, первую помощь «старикам» оказывают. Хотел я на них накричать, чтобы командирский голос был для них посильнее стрельбы душманской, да на часы поглядел. Елки-палки, всего пять минут прошло! Я-то думал, что больше часу в этой канаве кувыркаюсь. Смолчал... А тут в нашу корму «бурухайка» уткнулась...

— Что уткнулось?

— Бурухайка, — с удовольствием сказал Сергей. — Водички можно?

— Это от слова: «буру бахайр», — добавил Ренат. — Означает: «счастливого пути». И мне пару глоточек... Грузовики афганские мы так называем.

— Как говорится, на ловца и зверь бежит, — продолжал Демченко. — Взяли мы у доривара — шофера, значит, немного бензина, завелись...

— Сережа! Ванечка! — строго пропела Лена.

Старшему лейтенанту сразу вспомнилась школа, когда учительница так же одергивала расшалившихся учеников.

— Ванечка! Держись, милый. Немного осталось.

— Укол? — шепотом подсказал ей Григорий.

— Нельзя больше... Все. Я их и так сегодня... Коля, Антон! Быстро воды и салфетки! Оборите ребят. Руки, ноги, грудь. Влажными салфетками... Воды не жалейте. Гриша, твой рассказы уже не помогают. Придумай что-нибудь. Полчаса осталось... Полчаса.

— Тут среди вещей чья-то гитара.

— Ой, ты играешь, Гришенька?

— Ты играешь. Все знают. Что у тебя с лицом?

— Обгорело, наверное.

— Теперь кожа облезет.

— Новая нарастет. Толстая, пуленпробиваемая, афганская.

— Ты давно здесь?

— Сто лет... Если считать по нормальному календарю — три месяца. Пойду за гитарой...

Она вернулась, села поближе к ребятам, так, что Григорий видел только ее профиль.

Тронула струны:

— Вспомним, товарищ, мы Афганистан, зарево пожарищ...

Лена поняла, что начала хорошо. Подпевают. Этой песня. Пока она звучит — все эти ребята в бою. А уж там они держатся до последней возможности. До конца. И если поют — не будет обмороков, не покоятся бессильно зрачки под веки. Они будут здесь, как бы страшно, как бы больно ни было.

— Самолет заходит на посадку, тяжело моторами гудят...

Ренат плохо знал слова этой песни. Но мелодию велочно, иногда выпевая только окончания слов. На перевязках терпелив. Тих и застенчив. Два пулевых ранения в руку и громадная — с голову теленка — гематома на груди: третья пуля ударила по касательной в бронежилет. Не без удивления Лена прочла в сопроводительных документах, что Ренат уже награжден медалью «За отвагу».

— Ты пришел усталый из разведки...

Резо с трудом выкарабкивался из наркотического забытья. Балансировал на грани между сном и явью. Он слышал песню, и ему вспоминалось, как он, опытный, бесстрастный сапер, без нервов, услышав в наушниках миноискателя сигнал, осторожно ввел в пыльную землю щуп... Он решил, что уже все знает и перед ним обычна мина, которых он за последний час обезвредил полтора десятка. А это была противосперна ловушка — две металлические сетки в обычных полиэтиленовых мешках... Жало щупа легко проткнуло пленку и замкнуло контакты заряда. Прекрасная реакция спасла солдата — он упал за полсекунды до разрыва, услышав, несмотря на грохот идущей за саперами колонны, шорох тоначайшего лепестка пласти массы по металлу. Услышал пальцами, обхватившими деревянную рукоятку, пятками ощутил — через землю, пыльную, сухую землю, которую топтал здесь, в Афганистане, полтора года, и которую все эти полтора года лечил от взрывчатой заразы. Лишь маленький осколок настиг его.

Она пела уже по второму кругу. Шесть минут... Как много еще осталось! Нужно держать ребят, отвлечь от боли и слабости, не позволить волне тошнотворной дурноты подняться к горлу, затуманить зрачки, увести за собой туда, откуда ей без специальной врачебной помощи будет уж их не вернуть. Держать любой ценой!

Лена усмехнулась. Дня три назад Гриша помогал ей коротать ночное дежурство. О многом говорили они. А ей сейчас вспомнилось: «Понимаешь, за все эти годы здесь, в Афганистане, ни один из советских офицеров

не получил и не отдал весьма популярный в нашем прошлом приказ: «Любой ценой!». Нет такой формулировки в командном языке войск ограниченного контингента. Каждый решает это сам. Допустим — выручить друга. А приказа нет...» И вот теперь она сама отдает себе такой приказ. Но что она может? Отдать свою кровь? Есть консервированная... Не о том ее заботы. Жара проклятая!

«Все. Последний куплет. Уже отвлекаются. Теперь — о доме, о материах. Сразу. Ни секунды перебыши давать им нельзя».

— Нежной, ласковой самой письмо свое шлю... «Начала с середины... Неважно! Слушают... Слова подсказывают».

— ...Мама, милая мама, как тебя я люблю... «Резо глаза закрыл. Ничего. Ему так легче слушать... Антон, умница. Уже рядом с Резо... Влажный компресс на лоб... Вот Саша очнулся. Голову повернул... Слушает. Куда это он смотрит? Господи! Коленки мои разглядывают... Куда, Саша? Коля, неужели не видишь? Ага... сообразил, губы ему смочил... полотенцем крутит, как секундант на ринге... Порядок... Пока порядок. Опять глядит... Будет у тебя, Саша, очень красавая любящая жена. Не верь, что на годы останешься прикованным к постели... У тебя хоть девчонка была, Саша?... Вот сейчас я сделаю вид, что гитару поправляю — халатик и вовсе сползет к бедрам... Жара... Любой ценой!..»

— Он молчал, невпопад и не в тakt подпевал...

И опять она попала в десятку. Это там, в детской, не очень серьезной жизни, все было легко — приятели, знакомые, одноклассники... Были они пиньками или рокерами, панками или ходили в музыкальную школу. Все было легко и просто. Они хвалились, если умудрялись уйти на своем мотоцикле от замученного бесконечными дежурствами гаишника. Как горели глаза подруг: герой! А здесь... Здесь после первой же переделки становятся товарищами. Если повезет — друзьями... Им есть кого вспомнить.

— Для меня будто ветром задуло костер, когда он не вернулся из боя...

— Нет. Не могу. Что-то с горлом. Хорошо — Гриша над ухом хрюпает под Высоцкого... Кончилась песня. Плачут... И Коля с Антоном... Зачем они? Нельзя... Нельзя нам! Григорий Иванович за моим плечом носом шмыгает... Неужели догадались?! Что же я надела?... Как быть? Десять минут... Только бы не опоздал санитарный борт! Там врачи, оборудование... Десять минут... Любой ценой!..» Лена так ударила по струнам, что сломала ноготь на указательном пальце. Она зачрычала от досады. Быстро, по-звениному скусила его, сплюнула. Встала и взяла аккорд... Цыганочка!

Санитары моментально возникли рядом, отшвырнули в сторону несколько кроватей. Образовалась площадка, на которой уже можно было повернуться. Поплаши по кругу...

Антон и Коля обошли каждого, проверили, как видно ребятам эту импровизированную сцену, двигали кровати, подсовывали подушки, клади на матрацы — поближе фляги с водой, спрашивали: «Нормально?» От них отмахивались: «Не мешай!»

Потом был канкан. Ах, я люблю военных. Лена плясала его неумело и самозабвенно.

Халатик облепил влажное от жары тело, и обнаружилось, что под ним — абсолютный минимум одеяний даже для пляжного туалета.

Солдаты затуманившись, отяжелевшими глазами завороженно следили за каждым ее движением. Демченко ревниво озирался.

...Потом — соленые деревенские частушки. Григорий хохотал до колик, Саша сдержанно улыбался. Резо хмурился. Ренат застенчиво краснел. Остальные влюбленно глядели на медсестру. Никогда еще перед ними не выступала такая великая артистка!

— Еще!

Самолет? Нет, не слышно... Ну, что ж! Будет танго. Вернее — «смертельное танго». Она танцевала с каждым из них. Это Ванина рука лежала на ее талии, и ее тело послушно и радостно отзывалось на малейшее движение его руки. Это Саше она нежно и преданно глядела в глаза. Это Резо она положила голову на плечо. Ренат вдыхал запах ее волос. Это Гриша бережно обнимал ее плечи с уверенной гордостью человека, одаренного любовью женщины. Она любила их. Они это поняли и теперь были готовы пройти все. Радоваться в меру отпущеных каждому радостей. Перетерпеть предназначенные каждому печали и беды. Женская любовь примиряет мужчину с самим собой, и тогда он становится «сильным»...

Рев идущего на посадку самолета ударил по крыше палатки.

Все смолкли. О чем говорить? Еще несколько минут вместе — потом каждому предстоит своя дорога.

Они молча наблюдали, как неуклюжий «Ан» рулил к ним.

— Чья гитара, ребята? — спросила Лена.

Никто не ответил. Подошел Антон, взял гитару, отнес ее в дальний угол, примостили на носилки, рядом с опустевшей капельницей.

Откуда-то появился усталый мужчина в медицинском халате, наброшенном на плечи. С ним — четверо

санитаров. Он оглядел палатку, бесцеремонно ткнул пальцем:

— Позвоночник? В первый салон... Во второй... Во второй... Документы? Я спрашиваю: кто сопровождающий?

Лена так и стояла посреди палатки, безвольно опустив руки.

— Вы сопровождающий? — Он не обращал ни малейшего внимания на суету, которая началась здесь с его появлением. Бегали санитары с носилками, перевозили раненых, уносили их. Человек был уверен, что все делается правильно, а суета и беготня и есть порядок. — Почему больной лежит там, отдельно? Инфекционный? Что вы молчите? Вам плохо?

Лена покачала головой:

— Он... Он...

Человек нахмурился:

— Давно?

— Час назад. Я ничего не могла сделать. Ножевое проникающее. Сердце задето. Надеялись на специализированную помощь там, дома. Не выдержало сердце...

— Куда же я его дену? У меня санитарный борт, а не катафалк, знаете, — еще больше нахмурился человек. — Ладно, пойду с пилотами пошепчуся. Есть у них один закуток...

Лена опустошенно глядела на выжженное поле с мертвой травой, бетонную полосу аэродрома, над которой висело блеклов, сухое небо.

Ей не могло прийти в голову, что эти часы в пекле палатки свалились на них по чьей-то воле. Война... Но почему ее раненые прятали глаза? Прощались сухо и коротко. В чем они винили ее? Чего не могли простить?

Подняты на руки последние носилки, сплошь укрытые простыней. Гитара тихо пропела струнами, будто кто-то вздохнул, упала на землю.

— У вас спирт найдется? — вдруг спросила Лена.

Человек внимательно посмотрел на нее. Потом кивнул:

— Принесу. — Он пошел за последними носилками к самолету. Следом санитары тащили рюкзаки и чемоданчики — вещи эвакуированных.

— Лена... — услышала она за спиной голос Демченко. — Я тебе хотел сказать...

— Не надо, Гриша, — устало проговорила она. — Я привыкла, что все больные проверяют на медсестрах — могут ли они еще нравиться женщинам.

— Лена!

— Отстань, Гриша, — протяжно, с мукой в голосе сказала она.

«Вот как оно повернулось! — тупо думал Демченко, ковыляя на костылях к самолету. — Молодец, Лена. Держалась хорошо. Хотя все поняли, что у них произошло там в углу. Потому и завелись... Ножевое ранение — я же слышал об этом случае! Молодой солдат из третьей роты. Стоял на посту. Подошел афганец без особых примет — чалма, накидка... Что-то спросил, сказал наивно обидное про советских. Солдат принялся объяснять задачи Апрельской революции и для чего мы здесь... Присели, солдат рисовал карту мира на песке, тот соглашался, хлопал по плечу, потом — нож под лопатку... Взял автомат, подсумок. Как втолковать нынешним молодым, что нельзя разговаривать с посторонним на посту, даже если он идет к тебе с пением «Интернационала!» Так уж их воспитали — трудно поверить пациентам, как обыденны на войне предательство и подлость, именуемые в обиходе противника «войной хитростью». Не прав был наш санитар, когда стоял предо мной после магазина живым укором армейским порядкам, не признающим исключений. Лучший способ оставаться живым на войне — исполнять приказы точно и следовать уставу!.. Надо бы сказать это Коле...»

Он остановился. Нет, нельзя возвращаться. Лена подумает... Мужчина должен уходить сразу.

...Вертолеты пришли в гарнизон к вечеру. Генерал готовился к отлету. Он беседовал с провожавшими его командинами, когда из подрулившего «вертушки» на руки выпрыгнувшего первого солдата из двери выпала Лена. Следом выскоцил второй, поправил пилотку, огляделся — и они повели ее, придерживая под руки стороной, по краю полосы, подальше от офицеров. Лена шла в распахивающемся халатике, размазывала по щекам тушь и все норовила погладить по волосам то одного, то другого, сбивая их пилотки:

— Ребята!.. Какие вы ребята... Я для вас, слышите?

— Всё... Любой ценой, слышите?.. Любой ценой...

Генерал отвернулся, брезгливо дернул щекой:

— Эту... пьяную уволить из армии немедленно. Отправить домой завтра. Позаботьтесь, чтобы там, куда она вернется после героических афганских будней, знали причину ее увольнения. Начальнику госпиталя об являю предупреждение о неполном служебном соответствии.

Демченко писал Лене трижды на адрес госпиталя. Письма вернулись с пометкой: «адресат выбыл». Он написал в канцелярию. Ответ содержал формулировки, поразившие Григория. Больше он Лену не искал.

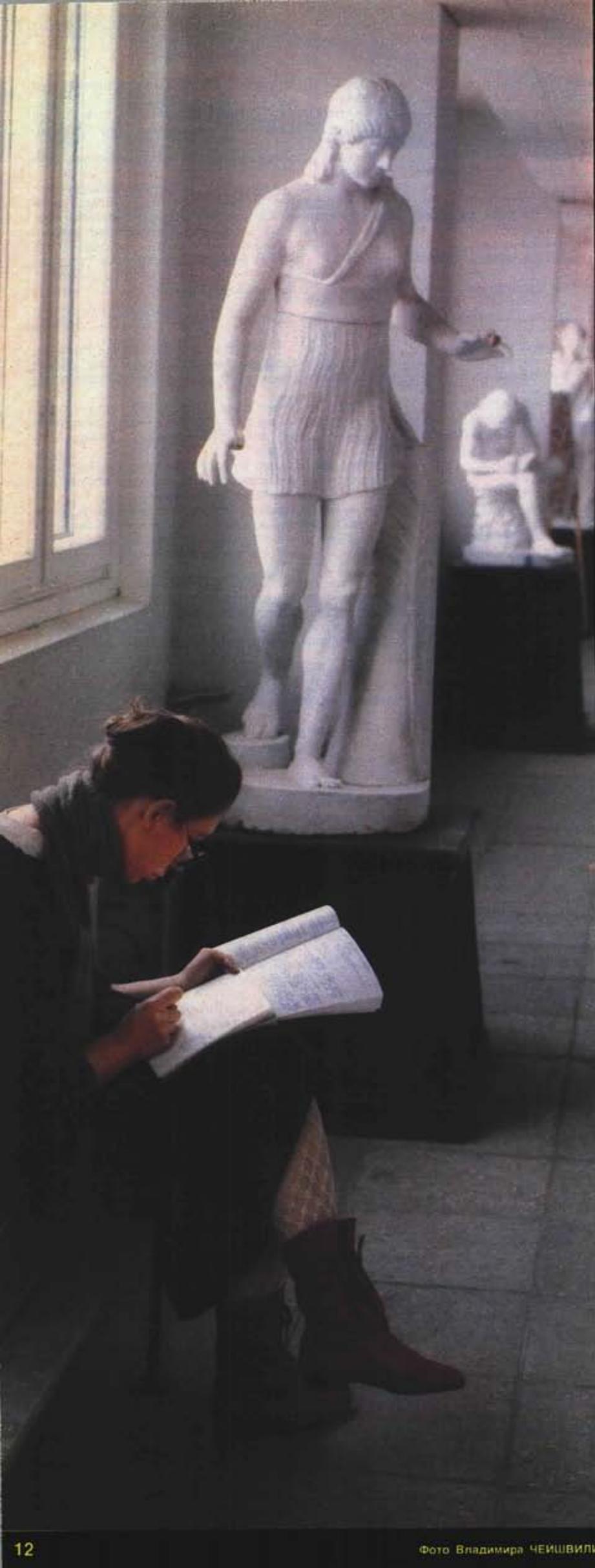

Фото Владимира ЧЕИШВИЛИ

МОЖ

40 22-64 (Dopo)
Туалет (шаг) - зонтик
к Рубану в 10:00
с 14-16 - Тюмень
с 16-17:30 - Екатеринбург

Александр КОБЕЦ

EM!

Оригинальность конструкций, новизну и разнообразие деталей (некоторым из них еще и названия-то не придуманы) высоко оценило и самое строгое жюри. И хотя образцы одежды были выполнены из темной макетной ткани, это никако не мешало воспринимать их как нечто неординарное, высокохудожественное.

— Это пока черновые заготовки,— пояснила Елена Александровна Рыбкина, доцент кафедры моделирования костюма Московского текстильного института имени Косыгина, в одной из швейных мастерских которого мы находились.— В цвете,

с отделками они станут значительно изящнее.

Я никогда бы не поверил в то, что подобные модели способны создавать студенты, если бы не убедился в этом сам, побывав на факультете прикладного искусства. Разработаны костюмы в СИМе — студенческом институте моды, созданном по инициативе самих ребят. За несколько лет своего существования СИМ превратился в настоящую творческую лабораторию, в которой будущие художники-модельеры, орнаменталисты, специалисты по набивным тканям на деле применяют знания, получаемые в аудитории. В СИМе есть

инициативная группа, генераторы идей, есть и группа исполнителей. Как и своя администрация — директор, главный художник, главный конструктор. Вместе они выбирают тему будущей коллекции, вместе рисуют эскизы, отбирают из них лучшие.

В год СИМ выдает по одной коллекции. Темой для первой послужила «Мистерия-Буфф» Маяковского. Решали ее в раскованной черно-белой-краевой графике. В следующей коллекции были представлены образы молодежной одежды завтрашнего дня. Но наиболее кропотливой работы потребовала от ребят их

последняя идея — коллекция под девизом «Вокруг света». Таких моделей пока не могут предложить нашим потребителям ни промышленность, ни кооператоры, ни организации, поставляющие импорт.

Уникальность этих да и многих других образцов одежды, разработанных и «отшитых», как выражаются текстильщики, в СИМе, бесспорна. Работают ребята в основном с бязью, макетным полотном. Расписывают его сами. Затем, не стесняясь какими-либо запретами, ограничениями, моделируют, конструируют, шьют. Результаты, как правило, высокие. Студенческие модели постоянно представлены на выставках научно-технического творчества молодежи, экспонируемых на ВДНХ СССР. Только осенью минувшего года студентам-текстильщикам было вручено семь медалей главной выставки страны. В 86—87-м годах изделия СИМа вместе с продукцией других вузов страны побывали на международных ярмарках в Пловдиве и Брюно.

Все более активный интерес проявляют к СИМу и столичные предприятия. Объединение «Красный текстильщик» представило ребятам свои ткани для изготовления рекламных моделей на оптовую ярмарку. «Рострикотажпром» попросил разработать комплекты из своего полотна. Спортивкомитет СССР заказал форму для членов сборной страны — участников предстоящей Универсиады.

Видимо, таких заказов станет больше, когда в текстильном будет орга-

Владимир ЧИВИЛИХИН

Сейчас Владимиру Чивилихину исполнилось бы шестьдесят... Завершив работу над романом-эссе «Память», удостоенным Государственной премии СССР, писатель собирался вернуться к своему давнему замыслу.

го ждали на рождественские каникулы, и она, ей казалось, больше всех ждала, томясь смутными предчувствиями, неведением и надеждами на что-то необыкновенное. Накануне Рождества целый день прислушивалась к шорохам и звукам наверху — там, как всегда, топали быстрые детские ножонки, кто-то из старших временами истязал рояль, слышались неясные голоса, и нельзя было понять, приехал он или нет.

Ночь прошла и день такой же, как вчерашний. Она не выходила на улицу, с нетерпением ожидая, когда соседи ее пригласят; ни вязание не шло, ни вышивание, и карандаш пальцы не держали, а играть она не решалась, чтобы не пропустить условного сигнала сверху. И когда ранние зимние сумерки замутнили окна, послышались звуки «Очарование сирен». Ноты его она вывезла из Штутгартта, подарила подруге, и та всегда приглашала ее знакомыми аккордами. В волнении она схватила шкатулку, тальму, с замирающим сердцем поднялась, не заметив ступенек, по лестнице, позвонила. Подруга встретила ее смеющимися глазами и доброжелательной улыбкой, проводила к зеркалу. Гостиная была пуста, но в зеркале она увидела, что в столовой, как раз напротив двери, сидит какой-то сутулый желтоволосый юноша в пенсне. Серебряная цепочка свисала над его острыми коленями. «Так вот он какой!» — разочарованно подумала она, вдруг успокоившись, шагнула к роялю и углубилась в новые ноты. Это был Мантейфель недавнего петербургского издания — знакомые вещи и неизвестные, интересные, должно быть, стройные, мелодичные и нетрудные в исполнении...

Обернулась. Перед нею стоял, величаво и чуть смущенно улыбаясь, молодой человек необыкновенно приятной наружности. Стройный и красивый. Она увидела синие глаза, внимательные и живые, слегка выющиеся темно-русые волосы, изящные руки, тонкие запястья в белоснежных манжетах. Он был совсем не таким, каким виделся заглазно, а намного лучше, ярче, только свободная и благородная осанка соответствовала ее идеальным представлениям о том, кого она надеялась когда-нибудь в жизни встретить. Она несколько потерялась под его быстрым взглядом и сразу не нашлась, что сказать и куда положить руки, пока он не освободил от них ее и не заговорил, представляя своего приятеля. Шутливо расхвалил его ум, скромность, трудолюбие и феноменальные способности к древнегреческому, на котором он еще в гимназии притупил глаза, что еще больше, однако, сосредоточило его на любимом занятии, далеком от вульгарной прозы жизни и возносящим к великим и чистым истокам древних.

Она с удовольствием, полуулыбаясь, слушала. Голос его был свеж, крепок, а слова строились в сложные правильные фразы, так говорить она не умела и даже не знала, что можно столь музыкально строить обыденную разговорную речь.

Вслед за этой встречей незаметно утекли куда-то две недели, и она потом

долго восстанавливала подробности, забываясь в воспоминаниях, как в снах. Ей хотелось думать, что он тогда все время искал ее общества. Вот появляется в дверях с книгой и, пытаясь замаскировать фамильярностью легкое смущение, спрашивает:

— Собственно, чем вы тут занимаетесь?

— Прежде следовало бы поздороваться, — говорит сестра. — Все воспитанные люди так делают.

— Извините. — Он краснеет, как школьник, неловко пытается оправдаться: — Это я для экономии времени... Добрый вечер!

И ждет, чтобы услышать голос гости. Она поднимает глаза, шепчет приветствие и чувствует, что вот сейчас, когда он смотрит таким нетерпеливым и нежным взглядом, у нее, как вчера, начнут пугаться петли.

— Так чем же вы заняты?

— Вяжем, — произносит она, потому что подруга молчит.

— Слишком расточительная трата времени! У вас заняты одни руки, я бы даже сказал, только пальцы, а мозг, прости, спит...

Она усаживается в кресло напротив, раскрывает книгу.

— Альфонс Додэ. «Маленький человек». Роман. Я буду читать вслух, а вы вяжите себе.

Читал он хорошо. Разыгрывал голосом разговоры, оживляя интонациями страницы. Самозабвенно жестикулировал, ровно был один в комнате, и все у него получалось так естественно, увлеченно и безуказилено в меру, будто он сам пережил события романа и написал о них свою рукой. А она как-то незаметно для себя уходила в роман, сбивалась и путалась в счете петь, пока совсем не откладывала вязанью. Затаившись, только слушала, а он временами взглядел на подругу и тоже словно не видел ничего.

Появлялась мать, неслышно усаживалась у двери, собирались дети, замирали вокруг, и даже младший его брат, непоседливый и шумливый гимназист, появлялся позже всех, таращил удивленные глаза, тихо фыркал и беззвучно исчезал за дверьми гостиной.

Потом, когда он уставал, она играла и, снисходя к общим просьбам, пела тоненьким голоском немецкие песни. Игру ее он слушал внимательно и понимающе, а вот пение как будто его совсем не трогало, и она перестала поддаваться на любые уговоры, предлагая лучше петь всем малороссийским песням, чарующие мелодии которых она до приезда в Одессу не слышала.

К сожалению, он совсем не умел петь. Раскрывал рот, плавно дирижировал, но сколько она ни прислушивалась, никак не могла разобрать его голоса в общем хоре. Однажды, взглянув на него, не выдержала и рассмеялась. Он же хитро, совсем по-мальчишески, подмигнул ей, однако смущился, перестал махать рукой, но больше почему-то не посмотрел на нее ни разу, а она почувствовала себя виноватой и несчастной.

Провожая, как всегда, по лестнице, сказал:

— У вас прекрасный слух — вы даже расслышали, как я пою.

— Не обижайтесь, пожалуйста, — коротко попросила она. — Извините меня, ради бога. Я иногда глупости делаю, не понимая, что это глупости. И мне сегодня так трудно стало у вас...

— Нет, вы правы, — рассмеялся он, передавая ей шкатулку и тальму. — Я ведь действительно пою, как рыба. Даже несколько хуже...

За день до его отъезда в Петербург они гуляли по бульвару, случайно и впервые оказавшись одни. Вышли большой, приятной и веселой компанией, но сестра ее с мужем быстро вернулись кормить малютку, а его сестренка встретила подругу, такую же хохотушку, как она сама, и болтала, издевали махнув им рукой, чтоб шли без нее.

На тротуаре Михайловской улицы был гололед. Она скользила в своих немецких фетровых ботинках, чуть было не упала. Однажды он робко и стандартно-галантно попытался поддержать ее под руку, только она смятенно отстранилась, панически боясь любого прискосновения к себе, и он покинул ее, отстранился.

— Смотрите, это же совершенная сказка! — услышала она его восторженный голос, когда они вышли на бульвар, залитый утренним солнцем.

Он замолчал, не мешая ей. Воистину чудо! Посреди бульвара тянулся до самого собора сквер. Осенью она часто гуляла здесь с подругой, наблюдавая, как желтели, жухли и падали разлапистые листья каштанов, как сквер постепенно освещался, становился прозрачным, а стволы с голыми ветками все чернели да чернели под дождями, пока не сделались по первому снегу совсем аспидными, словно кто-то свободно и смело настриховал их углем на белом незагрунтованном холсте.

Сейчас каштаны были неизнаваемыми. Вчерающим днем совершенно потеплело, к вечеру (...) ветры пригнали с моря дождевые тучи, они изливались на город всю ночь, только к утру их остидило холодным дыханием российских равнин. Дождь схватывало на лету, замораживало, и дом проснулся от грохота — под тяжестью льда рухнула водосточная труба.

А городские каштаны облачились в прозрачное одеяние. Там, где кроны затянулись домами, тусклые остекленевшие ветви сухо постукивали под легким ветерком, а на солнце звенела капель. Ослепляли острые лучики, разноцветные искры, приходилось закрывать глаза, чтоб получше рассмотреть эту, как он выразился, совершенную сказку, и от сверкания, свежести, от его присутствия и его благоговейного молчания стало так легко на душе, как никогда не было, и подумалось, что она не жила еще и совсем не знает того светлого просторного мира, куда они, быть может, войдут вдвоем.

Когда они вышли к собору, в темный дверной зев которого вливались толпы прихожан, он сказал:

— Может, в церковь не пойдем?
— Почему?
— Избегаю... Только об этом не стоит сейчас говорить.
— Как пожелаете... Тогда назад, на бульвар?
— Там чудесно!

низован экспериментально-дизайнерский институт проектирования моды, куда вольется и СИМ. В состав нового, более крупного объединения войдут самые различные подразделения — цехи манекенщиков, технологический, научный, изготовления обуви, трикотажных изделий, отделы прогнозирования, изучения конъюнктуры и спроса, связи с промышленными предприятиями. Последний как раз будет обеспечивать студентов текстильного серьезными заказами. Сталкиваясь с проблемными заданиями, которые надо выполнить в жесткие сроки, ребята уже сегодня учатся работать в производственном ритме, ведь многие свою будущую работу представляют смутно. Но кое-кто о ней уже имеет понятие. Например, Юлия Далакян, Александра Шлеева. Без иллюзий смотрит на положение дел в промышленности Юрий Мингалев:

— Я занимаюсь разработкой стилистических особенностей мужской одежды. В нашей стране ей внимания почти не уделяется. А ведь моделировать такую одежду сложно: она должна быть и истинно мужественной, и красивой. Как добиться этого сочетания? Если иметь в виду условия, предоставляемые художнику промышленностью, то у меня ответа нет. На предприятии художник попадает в полнейшую зависимость от администрации. Через год другой творческие порывы его не простираются дальше желания обеспечить свою семью...

Своими первыми безрадостными впечатлениями от знакомства с промышленным предприятием поделилась и Юля Далакян:

— На одной из производственных практик я предложила модель, увидев эскиз которой главный художник сказал, что выпускай они такую продукцию, о них знали бы и за рубежом. Но главбух заявил, что такую дорогую одежду у них никто не купит, и модель «звернули». Существующая система расценок не позволяет художнику предлагать по-настоящему красивые вещи.

Может быть, ребята сгущают краски? Но мнение Марины Харман, недавней выпускницы текстильного факультета художника-модельера МПШО «Чайка», также не отличается особым оптимизмом:

— Молодой художник, попадая в условия производства, имеет довольно приблизительное представление о сути промышленного моделирования. Он редко может соотнести свои творческие способности с потребностями среднего покупателя (последние значительно ниже). Тут важно найти верный путь, на котором можно сохранить свое художественное «я», не входя в противоречие с запросами промышленного моделирования. Производство для художника — самый трудный и неблагодарный участок работы. Основные сложности, с которыми здесь приходится сталкиваться, — это ориентация на так называемый массовый спрос и технологические, а также экономические ограничения, которые порой заставляют изменять модель до неузнаваемости, а то и вовсе от нее отказываться. Винить предприятия в этом нельзя. Они поставлены в такие условия, когда затратить на производство надо как можно меньше, а прибыль получить максимальную. К тому же их душат различные ГОСТы и ОСТы. И начинать перемены, которых мы все ждали, надо с отмены многих из них.

Отступать перед трудностями Марина не собирается. У нее много свежих идей, планов. С надеждой смотрят в завтрашний день и нынешний главный конструктор СИМа Лариса Зайцева, Юрий Мингалев и другие студенты-текстильщики. Оправдан ли их оптимизм, покажет ближайшее будущее. Ведь то, какой быть нашей одежде завтра, во многом зависит и от них.

РОГА

лу — роману «Дорога», первые главы которого были написаны еще в начале 70-х годов. Но сесть за прерванную рукопись ему уже не пришлось.

В публикуемом отрывке из неоконченного романа описывается знаком-

ство главного героя — известного русского писателя Николая Георгиевича Гарина-Михайловского со своей будущей женой Надеждой Валерьевной Чарыковой. Действие происходит в 1877 году.

— Мне там сделалось так странно хорошо,— произнесла она.

— Понимаю.— Он внимательно взглянул на нее.— Чаще бывает другое...

— Показалось, что я могу стать счастливой, хотя всегда была уверена в обратном и считала это, простите за навязчивую откровенность, главной печатью своей жизни...

— Мысль невозможности счастья? — удивился он.— Нет, я ей никогда не поддавался! И давно пришел к заключению, что счастье только для себя — это так мало, что, скорее, несчастье. А путь к большому счастью идет через большие труды. Когда предельно расходуешь силы!

— И вы... уже испытывали себя в таких трудах или...?

— Было.

— Расскажите, прошу вас,— горячо попросила она.— Я так мало знаю обо всем...

Эту черную работу он выбрал по своей воле. Иные товарищи его устроились на летнюю практику по контарам, станционным службам, в слесарные мастерские, при техниках, инженерах и мастерах, а он решил на паровоз, кочегаром.

Престарелый, грязный, весь в потеках масла и ржави, паровоз спел на маневровых путях. Он был окутан клубами пара, рвущегося из худых трубок и неплотных соединений, через окаменевшую набивку сальников и вконец изношенные золотники. На своем веку он немало потаскал по линии грузов и доживал последние годы в трудах же — формировал составы, толкал вагоны на выгрузку и погрузку, возил балласт, шпалы и рельсы для ремонта станции. С места трогался по стариковски, трудно и натужно, скрипел, немощно пыхтел, а на ходу был истертными подшипниками, гремел разболтанными дышлами и сверх шаблона прокатанными колесными бандажами, испуганно вздрогивал и трясясь на рельсовых стыках, шипел, свистел на все лады, и даже гудок его был старчески слабым, надтреснутым и хриплым.

Работа на паровозе была неимоверно грязной. Уголь и брикеты находились в тендере, куда то и дело приходилось проникать через узкий кочегарный лаз и подшвыривать топливо к лотку. Лопата поднимала густые столбы черной пыли, края угольной ямы осыпались, ползли под ноги рыхлые скаты, а во время движения паровоза так вихрило, что дышать было совсем нельзя — приходилось карабкаться наверх, к воздушной струе, которая несла от котла нестерпимо горячий дух сгоревшего масла, сырой пар, горький чад и колючую изгарь из трубы, терпкие запахи. Глотнув такого воздуха, он снова сплюзал в яму. Угольная пыль так забивалась в волосы, что они скрипели и дымили, если их потрогать, проникала под одежду, смешивалась с потом и вызывала нестерпимый зуд, проникала под ногти, въедалась в поры, веки. Но черная эта пыль от ньюкастля далеко не вся паровозная грязь. К рукам и одежду липнет густая жирная масса, которой несколько раз в смену приходилось смазывать подшипники тяг, ку-

лисы и дышла... А во время чистки поддувала летит и сыпется жгучая зола с пеплом, прилипает, и если попытаешься оттереть потом ветошью лицо или руки, то размажешь только, еще сильнее вотрешь в кожу всю эту благодать, и он как следует отмылся лишь через полгода, уже в Петербурге...

Она взглянула на чистое, подрумяненное свежим ветром лицо рассказчика.

— И есть люди, что работают всю жизнь в такой грязи?

— Да. С юности и до смерти... Однако грязь — пустяки.

— Что же еще?

— Работа. Ведь за одну смену приходилось перекидывать к лотку триста пудов угля и (...) брикетов.

— Сколько?

— Всего шестьсот пудов, потому что из лотка топливо перебрасывается в огневую коробку. Но это не все. После смены — а она длилась сутки, до восьми утра — мы еще запасались углем, дровами, водой, смазкой, пригашивали котел, мыли керосином его обшивку, чистили колеса и дышла. Только уж после полудня — мыться и обедать. Потом на квартиру, где засыпаешь мертвым сном до трех часов ночи, потому что я прибегал к паровозу в четыре утра, чтобы к восьми нагнать в кotle рабочее давление пара. Начинаешь с дров, потом подсыпаешь постепенно брикеты, на хорошее пламя трусишь уголь и сифонишь, то есть даешь тягу, пока вся топка не возьмется белым жаром... А уголь этот снова подгребаешь и бросаешь к лотку и раскидываешь по топке двадцать четыре часа подряд. Лопата становится тяжелой, будто она вся из железа... Руки кроют, на ладонях и пальцах водяные мозоли с красными каемками.

Она взглянула на его руки, хрупкое изящество которых не могли скрыть даже шерстяные перчатки, связанные к его приезду сестрой. Как они выдержали такую каторжную работу и не согнулись? А он, захваченный воспоминаниями, словно видя перед собою что-то и не глядя на нее, продолжал азартно рассказывать о том, чего никогда не встретилось ей ни в одной книге, немецкой, французской или русской, о чем она совсем не предполагала узнать от него сейчас.

— А надо еще качать воду, тормозить и оттормаживать паровоз, чистить поддувало. Это самое тяжелое, что я пока в жизни узнал,— чистить поддувало и подрезать нижний слой горящего угля. Длинная — сажени полторы — железная кочерга перевешивает дальним концом, а ты лежишь с нею под горячим поддувалом и пытаешься вставить загнутый ее конец в колосниковую щель. Вставишь с грехом пополам, дергаешь изо всех сил, чтобы врезать намертво спекшийся шлак. Пот щиплет лицо и заливает глаза, руки немеют, потому что держишь их вверху, серая теплая зола сушит и совсем перехватывает горло... Я не раз бросал резак, полуутром лежал под паровозом и совершенно мне становилось безразлично, умру я сейчас от остановки сердца, дыхания или меня раздавит раскрытый клапан зольника, если паровоз тронется. Машинист гру-

бо орал сверху, из окошка будки, это меня почему-то приводило в чувство, придавало сил, и я снова брался за резак...

— Злой был человек?

— Машинист? Золотой был человек! — На разгоряченном его лице появилось непередаваемое выражение исключительного почтения и приязни, связанное, очевидно, с какими-то неизвестными ей и дорогими для него воспоминаниями.— Григорий Иванович Григорьев... Он мне жизнь спас.

— Что вы говорите! Как это случилось?

Он тогда быстро приспособился впрыгивать с резаком на лесенку будки, когда паровоз уже трогался, соскачивать на ходу, даже при максимальной скорости тридцать верст в час, если срочно требовалось что-нибудь объяснить неуволившему составителю, проходящему по вагонам где-то на соседних путях. И вот однажды, держась за по ручень, оторвав от подножки и свесив одну ногу, он уже изготовился, однако не посмотрел вперед. Спрятал и угодил, к несчастью, на песчаный откос — накануне в этом месте сгрузили с платформы балласт для подсыпки полотна. Песок быстро высок под жарким южным солнцем, сделался рыхлым и сыпучим. Охваченный ужасом, он почувствовал, что сползает под колеса идущего поезда и ничего не может поделать. Остановившимися и уже почти умирающими глазами он смотрел на вращающиеся колеса вагонов. Через несколько секунд его разрежет вон тем колесом, нет, очевидно, вот этим, что медленно и неотвратимо накатывает на тот участок рельса, куда уже сползли его ноги, почти парализованные неизбежным, и куда сползает он сам, весь. Упал вниз, и уже не слышал, как впереди взвизгнули и заколотились о рельсы колеса паровоза, как залязгал буферные тарелки и перекатывали порожняк, не видел, как подпрыгнула за аршин до его тела, скрюченного в бессильной судороге, тяжелая железнная смерть и остановилась.

Григорьев, конечно, не успел увидеть сползающего под колеса кочегара. Самое большое, что он мог заметить,— это мелькнувший внизу бугор песка, но рука его сама и мгновенно сделала единственное спасительное движение, впластив в цилиндры упругий пар на встречу поршням. И машинист не стал ничего объяснять — только досадливо махал рукой на бессвязные расспросы все еще трясущегося практиканта, отворачивал мертвенно-бледное лицо, которое под черными пятнами грязи казалось еще белее.

Вялый и неповоротливый с виду, он в другой раз обнаружил совсем уж невероятную находчивость. И только благодаря этому я сейчас хожу без костыля. Мне должно было раздавить ногу, вот эту.

— Как же это случилось? — Она часто дышала, переживая услышанное, да и шел он все быстрей и быстрей по сырой, оттаившей к полудню панели, не замечая, что спутница его, чтобы не отстать, время от времени делает сменяющие пробежки, а белые ботинки ее намокли и загрязнились.

— Стоп! Дадим контрмарш,— засмеялся он, увидев наконец, что она совсем запыхалась и прерывисто дышит.— Постою... А дело было так. Вы знаете, как соединен паровоз с тендером?

— Да откуда же?

Не обращая внимания, что на него смотрит праздная публика, он начертил на панели носком ботинка грубую схему тендерного фартука и сцепки.

— Тут паровоз, а это тендер. Они соединены как бы шарниром, чтобы легче вписываться в кривые. Ясно?

— Не вполне, но...

— И это шарнирное сцепление прикрывает выпуклая железная крышка, которая перемещается по полу паровозной будки.

НАШИ ПУБЛИКАЦИИ

И вот, шарнир на нашем стареньком локомотиве был так изношен и расхищен, что на ходу между этой крышкой и полом будки образовывалась щель, куда свободно проваливалась нога. Но когда паровоз входил в кривую или переворачивался стрелкой на другой путь, сопротивление его колесам возрастало, он незаметно снижал скорость, тендер с вагонами по инерции набегал на него, и щель закрывалась. Нога моя оступилась в эту щель, когда мы ехали по прямой, но в тот же момент паровоз вошел в кривой участок перед стрелкой. Я охнул от боли и тихо сказал, что мне захватило ногу. Григорьев с быстрой молнией двинул руку регулятора, рванул машину вперед, чтобы щель разошлась. Я отдался испугом, поддошвой сапога и ссадиной. А если бы он оглянулся, то потерял бы это роковое мгновение, а я — ногу...

Начал он говорить обо всем этом живо, со страстью, а сейчас почему-то сник и рассеянно оглядывался по сторонам, на расфранченную публику, на заграницные шляпы с модными узкими тулями, на женские эгрутики, на блестящие пуговицы полковничих мундиров. Ей показалось, что он хочет куда-то убежать.

— Может, уйдем отсюда? — спросила она.

— Пожалуй,— согласился он.— Вот в эту уличку можно, где не так людно.

В тени еще было скользко, и она поневоле прикоснулась к его руке, чтобы не упасть, а он осторожно прижал ее теплую варежку к тому месту, где у него билось сердце.

— И те люди, как вы правильно додались, несут эту категорию всю жизнь,— заговорил он каким-то совсем другим, тусклым голосом.— Падают от усталости каждый день, тупеют, заболевают. Лет пятнадцать такой категории, и сдаются ноги от вечной тряски, слабеют глаза от резкой смены огня и тьмы, не разгибается спина от сквозняков. И гибнут они часто, не дожив своих сроков. Я только лето проработал и то чудом уцелел.

— Понимаю,— произнесла она.

— Нет, нет, был еще один страшный случай.

Однажды мы с Григорьевым, когда уже своим новым паровозом возили по линии поезда, проработали две суток подряд — движение усилилось, и бригада не хватало. На третьи сутки мы одеревенели от работы и напряжения, заснули в будке, проскочили обязательную остановку. Была глубокая ночь, и наш неуправляемый состав мчал три перегона. Дико гудели на разъездах встречные паровозы, станционники выбили кирпичами все стекла в будке, а мы спали, стоя у топки. На третьей станции какой-то отчаянный составитель чудом вскочил к нам на полном ходу и привел нас в чувство. Перед следующей станцией светофор был закрыт, горели в темноте красные костры, и мы долго стояли, пока оттуда не ушли составы и не освободили путь. Герой-составитель спас нас и многих других людей от верной смерти, а станцию — от ужасного крушения, о котором, если бы не он, долго бы писали все газеты России... А я даже фамилии его не узнал...

Она шла, глядя перед собой остановившимися глазами.

— Теперь я знаю масштаб труда,— закончил он.— Все остальные работы на свете по сравнению с ним — ничто. И людей узнал, ранее неизвестных мне. Григорьев... Несчастный в личной судьбе. Сирота, мученик с детства. Потом жена его, гумена, бросила, и он один воспитывал чужую девочку, ее дочь. И ведь к книге тянулся, Лермонтова страстью любил... Людей любил и труд. Там я пришел к некоторым выводам. Например? Самые большие люди на земле — это самые большие труженики.

Публикация Елены ЧИВИЛИХИНОЙ. 15

«НАДЕЖДА ПОС

Инна РОЯ

ЛИКОВАНИЕ ЖАВОРОНКА

1

О пылкость перелетных певчих птиц!
Снега сошли, ликуют солнца трубы.
И бури, зарождаясь в сердце дуба,
седое время повергают ниц.
Сpirаль годов становится стрелой
и, прямо к свету устремляясь,
блещет.
И в шкалах солнца — зелень крон
трепещет,
и в гнездах — ноты нежности былой.
Последний снег — печаль в тени
ресниц...
О пылкость перелетных певчих птиц!

2

О ликованье жаворонка в высси —
над прахом, над руинами, над всем,
что от людского гения зависит
и не зависит от него совсем!
Над проповедями всходов,
болью пней —
вовек им не дождаться лучших
дней...
Асфальт чернеет, зеленеют травы,
болото —
углем станет и рудой...

Нет, не стервятнику, а жаворонку
слава!
О жаворонок вечно молодой!

3

О соловья безумные рулады!
Пусть снова гордость обретет душа,
которой светлая любовь — отрада!
Искателю туманы — не преграда.
Ждем алых парусов мы, не дыша.
О, мироздания рассветный берег
и винограда вспыхнувшая кровь!
Безумье соловья, который верит,
что вольно жить средь радуг
и цветов!

4

Кукушке той, что с самого утра
проводглашает колоса рожденье
и обещает краткий миг добра
за верность долгую науке
песнопеня,
той, что велит: старанье
и терпенье! —
я отзываюсь с пылкостью любви,
с горячим ликованием каравая.
Седеет даже дуб —
но желудь прославляю!
И преданность, без меры и без
края, —
тебе, кукушка! Только позови!

5

О журавлей дуэт,
о муза биоритмов, —
нет без тебя и жизни на Земле!
Умолкнешь ты — умрет огонь в золе,
и не спасут ручей ничьи молитвы,
погибнет муравейник,
и жарким
барабашек станет,
заржавеют плуги...
О журавлей дуэт — по всей округе
пусть он звучит! Я следую за ним!
Леса воспрянут, просветлеют воды...
О вековая музыка Природы!

ВЕЧЕРОМ

Ты думаешь: тебя спасают стены.
Ты думаешь: свободен наконец!
И мудрость, словно золотой ларец,
откроется перед тобой степенно
в старинных книгах...
Зацветут мечты,
душа, как шмель,
в душистой чаще тонет...

Но что тебя незримо беспокоит?
Не то ль, что соты все-таки
пусты?
Пусть и не станем мы громко
известны,
Обманно-краток сумрак голубой.
Ты строишь домик карточный
покоя —
но вдруг сметешь его
своей рукой —
и дама пик хохочет над тобою!
Перевела с латышского
Светлана СОЛОЖЕНКИНА.

Евгения СЛАВОРОСОВА

КРАСНАЯ КНИГА

Злоба стремится унизить искусство,
Зависть плетет за спину интригу.
Но занесите все лучшие чувства
В Красную книгу!
Не предадим нашей гордой свободы,
Не отдадим нашей вечности — мигу.
О, запишите все лучшие годы
В Красную книгу!
Пусть и не станем мы громко
известны,
Не завоюем крылатую Нику.
Но занесите все лучшие песни
В Красную книгу!
Дайте уйти от охотника зверю,
Дайте сорваться прощальному
крику.

О, занесите не только потери
В Красную книгу!
Не разоряйте чащобы и пляжи,
Не истребляйте ни страсть,
ни гвоздику...

Чтоб не попало грядущее наше
В Красную книгу!

ПЕРВЫЙ ДЕНЬ

Глаза открыла — все белым-белы,
Светло и чисто, и бело до боли.
Вчера был дождь, а нынче намело,
И страшно заблудиться
в белом поле.

Вчера был дождь, а нынче намело.
Вчера был спор,
затянутый напрасно.
Вчера был мрак, а нынче все бело.
Вчера прошло — и все бело, и ясно.

И белый свет сегодня вправду бел,
И нет конца, и нет еще начала.
И даже ты сегодня оробел,
И даже я сегодня замолчала.

И хорошо нам думать и молчать.
Зима весь мир сегодня изменила.
...Чтобы страницу чистую начать,
Разводит вечер синие чернила.

ЮГО-ЗАПАД

Юго-Запад. О жизни моей западня,
Юго-Запад, поймавший тебя и меня.
Отыщи-ка попробуй тот номер,
тот дом,
В этой смеси воды грязноватой
со льдом.

Юго-Запад, порою сводящий с ума,
Словно айсбергов глыбы,

не тают дома.

В промежутке меж чахлых кустов,

и дворов

На асфальте начертана роза ветров.

Но не надо отчаянья. Слушай и верь:

Кто-то вышел из дома

в раскрытую дверь

И по темной дороге пошел не спеша,

Наугад, юго-западным ветром дыша.

О, не надо отчаянья, повремени.

Скоро окон зажгутся цветные огни.

И по ним, как по звездам,

ты сможешь найти

Все начала-концы и дороги-пути.

Валентина КОРОСТЕЛЕВА

СОСЕДКЕ

Девочка с подведенными
глазами,
С ухмылкой на потрепанном лице —
Ты навсегда простила с чудесами,
С сиянием незабвенным на кольце.

Решила ты, что жить легко и просто,
Когда на жизнь посмотришь без затей,
Из губ чужих хватая папирису
И равнодушно глядя на детей.

Раба чужих вещей, чумного крика,
Ты катишься все дальше,
глубже — вниз,
Давно забыв, что есть на свете

книга
И есть на свете собственная мысль.
Очнись скорей, пока еще не поздно
И дремлют когти гиблой тишины!..

Пусть на лице взойдет светло и просто
Улыбка Жизни. Женщины. Страны!

ПРОДОЛЖАЕТСЯ
ЖИЗНЬ

Вырос город. Я тоже иная.
Но все та же небесная высси...
Мой племянник стихи сочиняет.
Годы мчат. Продолжается жизнь.

Может быть, он не будет поэтом,
Это только известно судьбе.
Но свети ему, синее небо,
Но играй ему, дождь, на трубе!

Чтоб волна одиночества злая
Не связала открытой души...
Мой племянник стихи сочиняет.
Годы мчат. Продолжается жизнь.

Ольга КАМЕНЕВА

Он пришел ко мне —
день вчерашний —
Шумным мальчиком
в джинсах потертых

И с глазами такими
счастливыми,
Будто небо, дождем омытые.
Он пришел, как приходит утром.

Не букет — а охапку сирени
Внес торжественно, словно
награду.

Мы смеялись вчерашним смехом,
Но вокруг уже было сегодня.

...И воздух от зимы остыл.
Мое неровное дыханье
В нем бьется, как воспоминанье,
О том, кто обо мне забыл.

А я о нем стихи пишу.
И на морозе их читаю...
Но — как дыханье — не растаю,
И о тепле не попрошу.

Он тихий, словно мех,
И смотрит добрым зверем,
Когда стоит у двери
Чужих (моих) потерпь.

Он очень любит снег.
А мне дороже листья,
Как горький шорох истин!
...Да что о том теперь?

Ирина ПОТЕХИНА

■
Из Москвы... Издалека...
Интерес ко мне неистов —
ни поэтов, ни артистов
здесь не видели пока.
Все в деревне на виду:
как одета? С кем иду?
Не скрываюсь, рот разиня,
смотрит местное «информ...»

что беру я в магазине
для питья и на прокорм.
Любопытным — по окну.

«По кому — в любом дому»,
но про старое судачить
нет охоты никому.
Новостей новее нет:
в клубе вечером поэт...
Полный зал, гляжу, народу.

У меня рука легка —
свою вечное, где вроде
и не пахано пока...
Все ж вниманье дорожу,
словом души бережу.
От деревни до деревни
с провожатыми хожу.

■
Все «авось», да «ладно»,
«кое-как», «сандет».
Как же непривычно здесь
живет народ.

Избы покосились. В пнях полока.
Или разучились строить из «века»?
Иль чужими стали замки на полях?
Попереводилась семга на тонки?
Здешние товары кто не вывозил...
А теперь надежды все на магазин.
Враг не мог подле нанести удара —
водка — самый ходяк

в деревнях товар
Самовар — начальство, пошумел.
остыл.
В деревне могучем стало
меньше сил —
не рождаются новые ветки у корней,
нет дедам на смену стоящих парней.
Не цветут побегам полю от жмыков.
Беломорским девочкам
нету женихов.

ДОРОГА НА ПУРНЕМУ

Сережка, не лихачь!
Летиши, как в лимузине.
Мой череп не калач,
не купишь в магазине.

И трактор твой не танк,
тяжелый, осторожный,
он — бешеный мустанг,
что скачет бездорожьем.

Вся в шишках голова,
как надолбы, так — наши...
Не мед и не халва —
все сорок верст по наше.

Рубеж последний взят.
Знакомое подворье.
Ну,здравствуй, «Пурнеград» —
задворки Беломорья.

■
Я полюбила черный цвет —
цвет винной мудрости, не смерти,
из глаз твоих идущий свет,
и свет, струящийся с мольберта.
Твой цвет, и свет, и этот свет,
что из глубин души прорвался,
тот миг, в который ты привал,
моей щеки руком касался...
Твой смех и голос, весна твой мир,
волос твоих летящий попел,
звезды с названным Альтано,
чьё постоянство ты отметил...

ЕСТЬ В МИРЕ»

Елена ТОЛМАЧЕВА

Когда-то шага не хватило мне,
чтоб стать с тобою вместе,
но знала я, что сделаю его,
и стала ждать.
Шаг стал длиною в ожиданье.

Я годы берегла лишь память о тебе —
шаг стал длиною в годы.

Моя надежда поселилась в мире —
шаг стал длиною в мир,
огромный мир людей,
в миллионы судеб и трагедий.

Однажды я познала одиночество —
шаг стал длиною в одиночество
и в бесконечную дорогу испытаний.

Я все еще иду к тебе,
мой шаг длиною в путь,
нелегкий путь судьбы,
огромный путь, наполненный тобою,
мой шаг длиною в жизнь.

Ну что теперь спасет нас от того,
что мы с тобою не встретились
однажды —
для разных мистици совершенства?

Ну что теперь спасет нас от того...
для наших ускользающие тени
небес, нашей планеты во Вселенной.
Мы никогда, мы не можем друг

без друга,
когда и не встретимся с тобою —
все равно.

И покрывают планета голосами,
как наши охваченные слезами,
что мы с тобою не встретились
однажды —
ну что, теперь спасет нас от того,

мы стали чистые грешного
познания —
для зловещих замыслов ожидания,
для скрытых пружин,

излучающими
кому теперь спасать нас, для того?
Мы стали совершенны друг для друга,
известно, что больше нет недуга

но страшно, коль с твоей сердца
случается,
как мне узнать о том?

■

■

■

■

■

■

■

■

■

■

■

■

Надежда ВЕСЕЛОВСКАЯ

Люблю твердить названия
народные,
Душе светлей становится от слов:
Дурман-трава, калужница болотная,
Гусиный лук, речной болиголов.
Иван-да-Марья — брачные соцветия,
Чистяк весенний, чина, череда;
Татарник —
красный памятник столетия,
Когда деревни грабила орда...
Пастушья сумка —
сколько этим сказано!
На листья-треугольнички смотрю
И вижу, как с котомкою завязанной
Пастух встречает первую зарю.

В раннем детстве моем
приходил на деревню старьевщик.
Ребятня, разузнав,
поднимала заранее крик.
И потом на дорогу
от дальнего поля, от рощи,
В поздних сумерках дня
выходил темнолицый старик.
Был он вкрадчив, лукав,
приговаривал что-то гортанно,
Озираясь вокруг,
на заборы поглядывал вскользь;
Он мешка не снимал,
но порой доставал из кармана
То конфетный кулек,
то свистулек замызганных горст.
И пока ребяташи,
столпившись, свистели для пробы,
Он стоял,
отдыхая от долгого хода пешком.
И тогда мне казалось —
он ищет глазами: кого бы

Завести в темноту
и накрыть, изловчившись, мешком...
А теперь, вспоминая, дивлюсь:
как давно это было!

Так давно, а при мне —
значит, долго на свете живу:
Впрямь меняли тряпье

на свистульки и серое мыло
В той деревне, что нынче
едва ли не входит в Москву.
И когда времена

изменялись так круто успели,
Оставляя нам память —
свою неразрывную связь...

А еще говорили:
что раньше здесь девушки пели —
за год, за два до срока,
когда я на свет родилась...

■

■

■

■

■

■

■

■

■

Когда пожар горел до ослепления
И угоняли русичей в полон,
Вокруг взошло, наверно, поколенье
Берез плакучих, с ветками в наклон...
Но чем они, казалось бы, покорней
Склонялись долу, пряча рост
и стать,
Тем крепче в землю впутывались
корни,
Чтоб средь ветров разбойных
устоять.
И так же, трепеща под тучей черной,
Сгоравшая едва ли не дотла,
Бывала Русь
подавленной и скорбной,
Но сломленной — вовеки не была.

Словно память о давнем былом,
Средь поляны, что топко замшела,
Над водой, как над черным стеклом,
Золотится цветок чистотела.
Напряженная, сладкая жуть
Ощущается вскользь. Ни звука.
Вербы в воду шагнули по грудь,
Да как ведьма, ветла сухорука.
И, взращен на болотных парах,
Чистотел неотъемлем отсюда,
Как от сказок, вселяющих страх,
Всякий раз неотъемлемо чудо.

Сколько слов нам слышится вокруг!
Привлекает и легонько дразнит
Их бесчетность, их многообразье,
Их понятий шишащийся круг...

Все в слова пытаемся облечь.
И недаром мудростью былого
Нам звучит «Сначала было Слово»—
Наша связь, единство наше — речь.

Отраженье жизни предстает
В языковом множестве великое;
Ведь не зря торжественно —
языком!—
Называли в древности народ.

Райса РОМАНОВА

Тонко ветер свистит за окном.
Что за страсть ему! Что за наука?!

Здесь бродили с тобой мы вдвоем.
Да навеял: подкралась разлука...
Горько-горько свистит он опять.
Листья холодом вечности блещут.
Мне тебя никогда не обнять:
Этот свист до кончины завещан.
Чтобы в шелесте близких берез
Шепот ветреный твой узнавала,
Чтоб, уже не имеючи слез,
Так, без плача, в тоске изнывала.
Чтоб, когда задувает октябрь,
Видеть лишь, как, спирала свивая,
Отсыпавшие листья летят,
К одиночеству путь устилая.

■

Твои следы доселе не простили.
Твоя печаль в душе моей болит.
Одна в Москве, бреду я,
как в пустыне:
Где тот ручей, что жажду утолит?
Столичного я не чуралась мира,
Жила покойно, ладно, не скользя,
Теперь ночами снятся мне такыры
И саксаулы ветками грозят.
А писем нет! Пески ль их поглотили
Иль суховей замели давно?..
Мне нестерпимо в розовой квартире.
Понуди смотреть края твои в кино!
Аму-Дария там дико пронесется,
Огнем дохнут барханы на меня,
И дрооным стуком в сердце отзовется
Талол акалтекинского коня...

ТИТРЫ

Писать было непросто. Еще труднее собираять материал... Представьте, что вы садитесь перед молодой дамой — ну и что, если актриса? — и, глядя на нее с серьезным лицом, исподлобья (дабы скрыть собственный «зажим»), начинаете задавать ей вопросы типа: «А что вы чувствовали, когда разделись перед камерой? Вас не смущали глаза дюжины посторонних?» И так далее... Ни на секунду не покидало неврное ожидание, что после очередного «наглого» вопросика нас вышвырнут вон, обвинив в циничной бесстыдности. А что не смущали девичью гордость? И не лезли в запретную тему...

Словом, только диктофонные пленки могут — и то лишь отчасти — воспроизвести напряженную атмосферу «доверительных интервью».

Монтируя впоследствии материал, мы единодушно решили пользоваться кинематографическим приемом стоп-кадра, чтобы иметь возможность крупным планом остановиться на отдельных, показавшихся нам важными проблемах, в общем-то не имеющих непосредственного отношения к «киноэротике», но иллюстрирующих аспекты морали, нашей душевной и духовной свободы, искусства быть собой, культуры нашего самоощущения, воспитания, умения отличать пошлость и безвкусицу от истинно прекрасного и высокохудожественного.

Надо сказать, что в «кадрах живых интервью» оказались только три актрисы, снимавшиеся в кинофильмах, где есть сцены, попадающие (правда, со склонкой на нашу терминологическую и смысловую неразбериху) в разряд эротических. Это Алла Плоткина, Светлана Копылова и Татьяна Друбич. Были встречи и с другими молодыми актрисами, которые могли бы поразмышлять насчет «стыдных» эпизодов из их кинобиографий. Но... Одна категорически отказалась отвечать на вопросы, сославшись на то, что «ненавидит эротику». Другая сказала, что об этом может говорить кто угодно, но только не актриса, являющаяся лишь «марionеткой в лапах режиссера». Еще одна, бледная и краснея, не смогла ответить толком ни на один вопрос по поводу ее же роли, и включение растерянного монолога в материал оказалось попросту бессмысленным.

А может быть, эта тема действительно не нуждается в легализации и обсуждении ее на «крыше» общественного интереса и сознания? Быть может, человек у нас действительно существует «только пояс», как образно и саркастично заметила Татьяна Друбич, а все, что «ниже пояса», не обсуждается?

Или же, напротив, тема эта из разряда тех, о которых давно уже говорят? Шепотом, а иногда даже «поругиваются вслух». И, рано или поздно, мы столкнемся с ней «лицом к лицу» в результате наших шараханий в поисках истины и зигзагообразных творческих исканий? И настанет день (или уже настал?), когда наш родной кинематограф заставит нас обсуждать иные свои откровения и «открытия», как это сделал однажды театр? (Например, спектакль Льва Додина «Звезды на утреннем небе», привезенный из Ленинграда в Москву, шокировал некоторую часть общественности и профессионалов наготой актрис в предлагаемых сценических обстоятельствах.)

Не получится ли так, что журналисты станут — с восторгом или с праведным негодованием — «открывать Америку»? Ведь так было уже и с рок-музыкой, и с наркоманией, и с проституцией.

Вопросы, вопросы, вопросы...

Евгений ДОДОЛЕВ,
Андрей КУЧЕРОВ

НА БЕМОЙ ПРОСТЫНЕ ЭКРАНА

Но, с другой стороны, разве может быть иначе, если люди, после долгой гонки «закусив удила» в темном длинном тоннеле, вдруг вырвались на простор, сами пока не до конца в это веря, и поняли, что теперь можно смотреть и спрашивать, спрашивать и смотреть...

Ну, ладно. Какой там кадр?

КАДР С МАССОВКОЙ

Этот эпизод американо-советского телестоцта стал уже хрестоматийным. Сперва его, посмеиваясь, обсуждали в троллейбусах и курилках. Затем им стали иллюстрировать свои публикации журналисты. И, наконец, замкнув круг, воспоминание о сакральной сценке вернулось на экраны ТВ. В качестве назидательного образца «как не надо».

«Секса у нас нет», — с плакатной однозначностью наша соотечественница поставила на место заокеанских оппонентов и тем самым расставила все точки над двусмысленным «!».

На «нет», как говорится, и суда нет. Остается только ответить самим себе: а что это такое? Михаил Жванецкий ничуть не риторически интересовался: это что-то новенькое или мы все давно этим занимаемся? Секс — это когда ночуют днем? Или когда голые, голые и еще голее?

Здесь, оттолкнувшись от круглого и робкого прилагательного «голый», самое место порассуждать о том, какую роль в век бескомпромиссной НТР и вертикально возрастающего информационного потока играет кинематограф. А заодно вспомнить о современных японских библиотеках, где видеокассетами заменили старые добрые книги. И прикинуть пропорции воспитательно-образовательной индустрии: сколько приходится на телевидение, радио, кино, театры, сцены рок-концертов, школу и внеклассное чтение. Впрочем, с другой стороны, достаточно хрестоматийного примера — цитаты из школьного сочинения: «Наташа Ростова танцевала со Штирлицем на балу». Подобная контаминация сегодня по прежнему забавляет, но — увы! — не удивляет.

Итак, есть «у нас секс» или нет? И — впрямую связанная с этим загадка —

нужна ли эротика (не грязное порно, а грамотный и красивый полуэротизм) отечественному кино?

В конце прошлого года на страницах журнала «Советский экран» на последний вопрос попытался ответить Владимир Дмитриев, критик, который, согласно аннотации, «публиковался почти везде»: «Искусство не может ограничиться теперь строгим покачиванием головой и невнятными рекомендациями. («Теперь» имеется в виду «после двух важнейших событий, заставивших по-новому взглянуть на проблему») — распространения видео и начала эпидемии СПИДа. — Е. Д., А. К.) Слова «удовольствия супружеской жизни» должны быть лишены иронического привкуса, им должен быть возвращен первоначальный смысл. Именно удовольствия. Именно супружеской жизни. Я голосую за право нашего зрителя видеть на экране красоту не только души, но и человеческого тела».

Мы тоже со вздохом облегчения голосуем за такое право зрителя.

Но!

Готов ли сам зритель воспользоваться этим правом?

Где права, там и обязанности. Чьи-то права и чьи-то обязанности. Чтобы удовлетворить эстетические запросы масс, художник обязан быть на высоте. Однако с ходу что-то не припомнить актеров и актрис, не говоря уж о режиссерах, вписывающихся в рамки сюжетного эротизма гладко, чтобы не торчали, что называется, уши. Горящие пунцом (неоправданного) стыда. Которым, как известно, выражается самоосуждение. (По образному выражению классика философии, «стыд — это своего рода гнев, обращенный внутрь».)

О чем вообще речь, коль скоро безобщность эротических эпизодов критики вынуждены доказывать с трибуны специализированного издания. Да еще с оговорками и расшаркиванием. Ведь убеждать-то приходится не кинематографистов. И без того можно уверенно прогнозировать единодушно-торопливое появление в ближайшие годы эротически окрашенных лент.

И столь же смело можно предсказать бурную реакцию обделенного (это без всякого скепсиса, между прочим) доселе зрителя. Вернее, части зрителей. Чего греха таить, наверняка киностудии завалят сердитыми посланиями

возмущенные до предела домохозяйки, заслуженные классные руководительницы, пекущиеся о «моральном климате», строгие мужи, давно мечтающие о создании фундаментальной политики нравов, и целомудренные ровесники кинематографа. Хором проскандируют «не на-а-да!». (Если вспомнить зрительскую почту на советско-финскую картину «За спичками», то выяснится, что Евгению Леонову здорово досталось от блистителей нравственности за то, что он дерзнул показаться на широкоформатном экране в костюме Адама...)

Еще хорошо, если сей ханжеский прорыв не поддержит сверху раздраженный окрик какого-нибудь киночинуши, знакомого со «всей этой гадостью» по закрытым просмотром «сомнительных работ» Бергмана и Феллини.

В КАДРЕ — АЛЛА ПЛОТКИНА

— Ваше отношение к эротическим эпизодам в кино?

— Всегда приветствую, если эротика не самоцель, а язык рассказа, которым «ведется» тема. Но чтобы владеть таким способом рассказа, нужно очень свободно ощущать себя по отношению к этой теме и знать ее.

А если говорить о нашем кино и нашем зрителе, то свободы нет и быть ее не может. И неоткуда ей взяться. Я из поколения тех, кто более спокойно относится к этой теме, читала Фрейда. А, например, мои родители — поколение другое; если они видят целующихся на экране людей, им неприятно. (Хотя мне тоже неприятно, когда я вижу, как целуются в наших фильмах.) Но как для наследников сталинского культа резко что-то открыть? Высветлить то, что всю жизнь считалось постыдным? Это чревато перехлестом.

Я просто убеждена, что сейчас начнут снимать очень откровенные фильмы. Просто совсем откровенные... И это будет ерунда. Пошлость. А главное, это будет на допотопном уровне развития. Рано нам за это браться. Рано.

На Западе не так много актрис, которые называются секс-звездами или эрот-звездами. Мало и режиссеров, которые снимают эротические фильмы, потому что такие фильмы — это искусство.

— Что вы вкладываете в понятие «эрот-звезды»? Кто может претендовать на это звание? Благодаря каким качествам?

— Ну, например, Сильвия Кристель. Она... манкая женщина. Попытаюсь объяснить... Вот когда мужчина видит женщину и она желанна — это женская «сексапильность». Когда мужчина видит женщину и чувствует себя свободнее — и по отношению к себе, и по отношению к жизни, когда эта женщина дает ему волю и не в темную сторону, а какое-то светлое освобождение, тогда эта женщина — манкая. Такая может стать звездой. Таких мало. Западных эротических фильмов куча, а выделяют четыре, пять актерских имен. Эротика — это искусство. Секс — тайна двоих, а эротика — искусство...

— А лично вы готовы к тому, чтобы принимать участие в этом искусстве? Скажем так: завтра Бертолуччи предлагает вам роль в эротическом фильме, вы соглашаетесь, не раздумывая?

— Отнюдь. И даже если я соглашусь, мне пришлось бы пройти с этим режиссером целую философскую школу. Внутренне я совершенно не готова к таким съемкам. Это связано и с воспитанием, и с тем, какая жизнь меня окружает. Но, честно говоря, я не знаю наших актрис, которые легко пошли бы «на эротику». Для этого нужен другой уровень мышления. Этот уровень должен воспитываться, «быть кровью», а не привноситься в душу насилиственno. Недавно мой знакомый приехал из Индии и в качестве сувенира привез кафель, которым там выкладывают ванные комнаты. Каждая пластинка

кафеля изображает мужчину и женщину в определенной любовной позе. Понимаете, они этим стены выкладывают!

Кроме того, для звезды-актрисы необходим большой сексуальный опыт, без которого невозможна, по-моему, правдоподобная работа перед камерой. Профессионализм не спасает. Как и в любой истории, чтобы ее хорошо сыграть, ее нужно знать досконально. Недостаточно «знать на равных», нужно что-то еще, большее, «над».

Вообще для эротического кино женщина не обязательно должна быть профессиональной актрисой. Это тот случай, когда гораздо важнее «игра природы». Но, чтобы природа играла, необходимо быть внутренне раскрепощенным человеком. Не силой воли раскрепощенным, а воспитанием. Естественно, генетически, если хотите.

Что значит «быть раскрепощенным»? Не брать внутрь себя систему ненависти, надуманных запретов, существующих вокруг. Как бы тебе говорят: нельзя два раза разводиться, иначе не пойдешь за границу. Один не разводится и всю жизнь живет с нелюбимой женщиной. Другой говорит: а какого черта?! То есть запрет вроде бы существует, но не имеет никакого отношения к этому второму человеку...

— В фильме «Русь изначальная» есть эпизод, где вам пришлось сниматься обнаженной по пояс. Это была раскрепощенность «волевая», как вы говорите, или естественная?

— На тот момент, по-видимому, естественная. Точнее, близкая к естественной. Но если бы мне сейчас предложили такой эпизод, я вряд ли согласилась бы.

Поясню. Тогда мне было совсем мало лет, а в юности гораздо меньше «зажимов», нежели с приобретением какого-то жизненного опыта. Жизнь построена таким образом, что она не раскрепощает человека, а, наоборот, последовательно его закрепляет, развивает массу табу и запретов.

Кроме того, в период съемок я встретилась со своим будущим мужем, который был в меня страшно влюблен. Он убедил меня, что я самая красивая на свете, и я чувствовала себя прекрасной, уверенной, и никаких сомнений не возникало. Мне даже доставляло удовольствие, что на меня смотрят. И эти чужие глаза даже помогали, я включала их в момент чисто актерской игры.

Дело в том, что женщин, которые идут по жизни с полной убежденностью, что они богини, мало. Женщине нужна внутренняя опора, которую может дать любовь, наставник или вера. В тот момент меня раскрепостила любовь.

— Как вы считаете, женщина, которая снимается в подобной сцене, должна быть идеальной с точки зрения канонов красоты: внешность, фигура, «манкость», пластика и т. д. — или же внешние данные не играют большой роли? Что интересно увидеть зрителю — идеал или себе подобного?

— Я бы хотела видеть идеал и считаю, что наш зритель должен видеть идеал. На последнем кинофестивале я видела один очень эротический фильм, в котором главная героиня постоянно занималась любовью. У нее очень некрасивое тело. Почему я должна на это смотреть? Каждый раз

эти кадры были подобны удару по лицу. Дело в том, что «неидеалов» мы уже насмотрелись. Если на это смотреть, останешься «четвероногим» еще на сто лет.

Мэрилин Монро — единственная, хотя губы красили и волосы завивали, как она, многие. А она — одна. И когда человек смотрит на нее, ему кажется, что ему даются все обещания сразу. Но очень тонко. Это сто пирожных на одном блюде. Но сто пирожных, а не сто соленых огурцов!

Словом, среди наших актрис я не могу назвать никого, кто мог бы сняться в полноценном — с точки зрения художественности — эротическом эпизоде. По внешней привлекательности можно назвать многих, но этого мало. Глядя на Алферову, Друбич, Догилеву, мне не хочется освободиться от своих комплексов. В Догилевой, например, несмотря на то, что она замечательная актриса, много «крестьянства», а мне хочется в роли убогого видеть не убогого. Я слышала много раз: зато такие по улицам ходят, а такие, как, например, Гузеева, по улицам не ходят. Такие, как Догилева, — наш родной, средний уровень, зато когда мы попадаем на западные фильмы, мы «восторгаемся»: это инопланетяне! Да, инопланетяне.

— Из того, что вы говорите, совершенно определенно следует: нашему кинематографу и зрителю запретный плод эротики надкусывать не следуют. Это так?

— Мне кажется, что сейчас нашему зрителю гораздо разумнее показывать лучшие западные фильмы с эротическими сценами. Самим снимать не надо. Мы не готовы.

Недавно мне сказали, что режиссер Хамраев, который раньше на «Узбекфильме» снимал картины про революцию, собирается снимать эротический фильм. Вот для меня это яркий знак того, что сейчас, по-видимому, начнется. Лицо я участвовать в этом не хочу. Мне кажется, что отечественная кинопродукция с элементами эротизма только усугубит пошлость.

Нам бы для начала научиться говорить об эротике, не обвиняя говорящих в самом страшном преступлении, на которое способен человек. Сам предмет разговора должен перестать быть неприличностью. Нужно, чтобы эта тема спокойно, ровно, без оговорок, ухмылок и извинений вошла в нашу жизнь — в передачи ТВ, на радио, в печать, в изобразительные средства. Это какой-то очень широкий по палитре процесс, который должен происходить. Он уже начал происходить, но на этом этапе рано снимать кино.

ТЕЛЕВИЗИОННЫЙ КАДР

Итак, эротика... Хорошо или плохо, нужно или «ни-зя-а»? У людей разных вкусов, различных поколений могут быть и разные мнения на этот счет.

Юные (и не очень) поклонники рока своими оценками выводят «неприличную», с точки зрения губернантской морали, песенку «Казанова» свердловского ансамбля «Наутилус Помпилиус» в верхнюю десятку хит-парадов, ничуть не смущаясь припевом: «Ты — моя женщина, я — твой мужчина. Если надо причину, то это — причина».

И в то же время, когда одна газета публикует хит-парад с «Казановой», другая знакомит своих читателей с гневным письмом ленинградца старшего поколения: «Неужели никто не в силах остановить распространение похабщины в полумиллионных тиражах! Ужас!» Это — о скульптурной группе «Похищение Прозерпины Плутоном» у здания горного института в Ленинграде. Дело в том, что Лениздат «имел наглость» запечатлеть сию «пошлятину» на открытии...

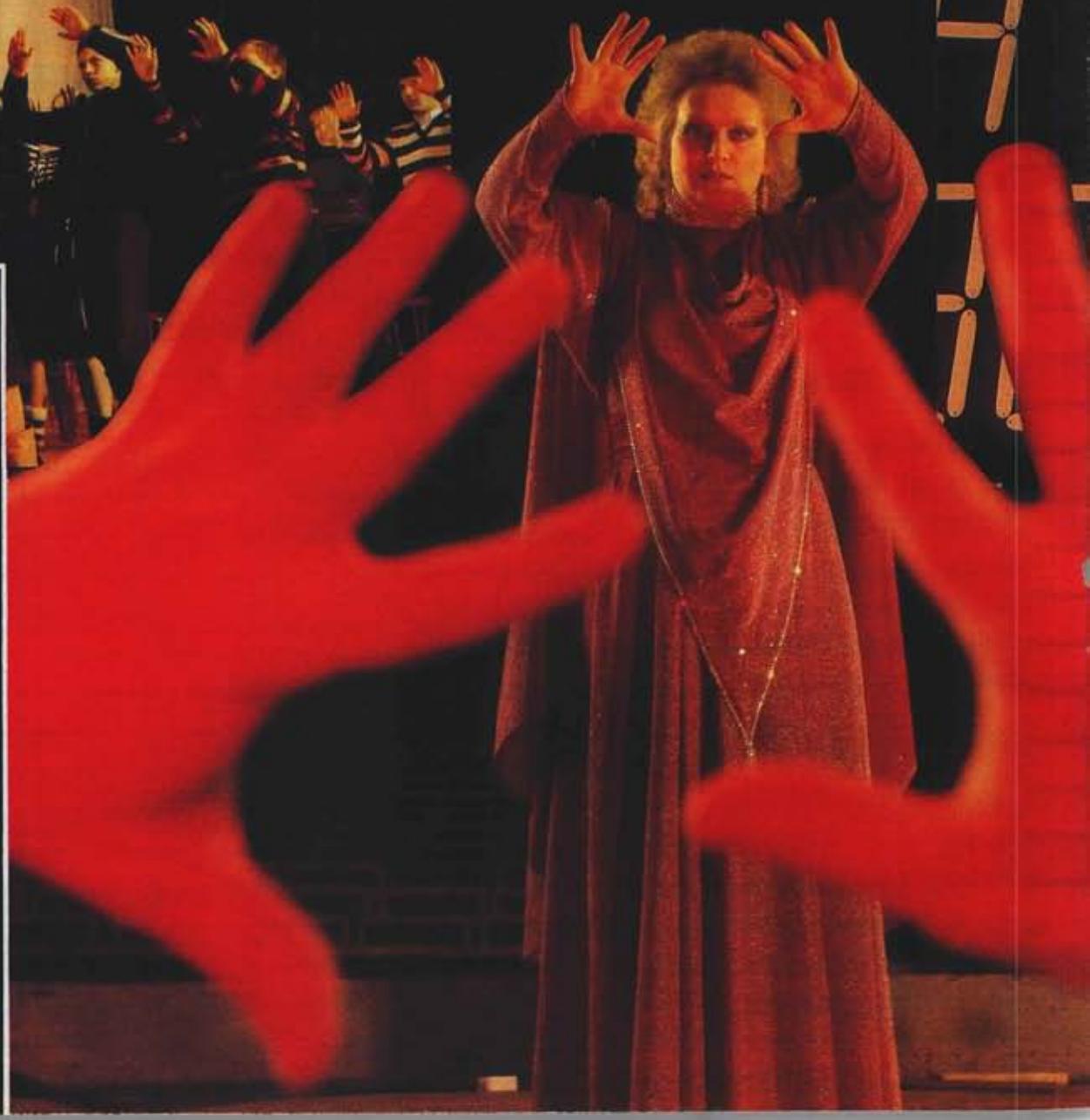
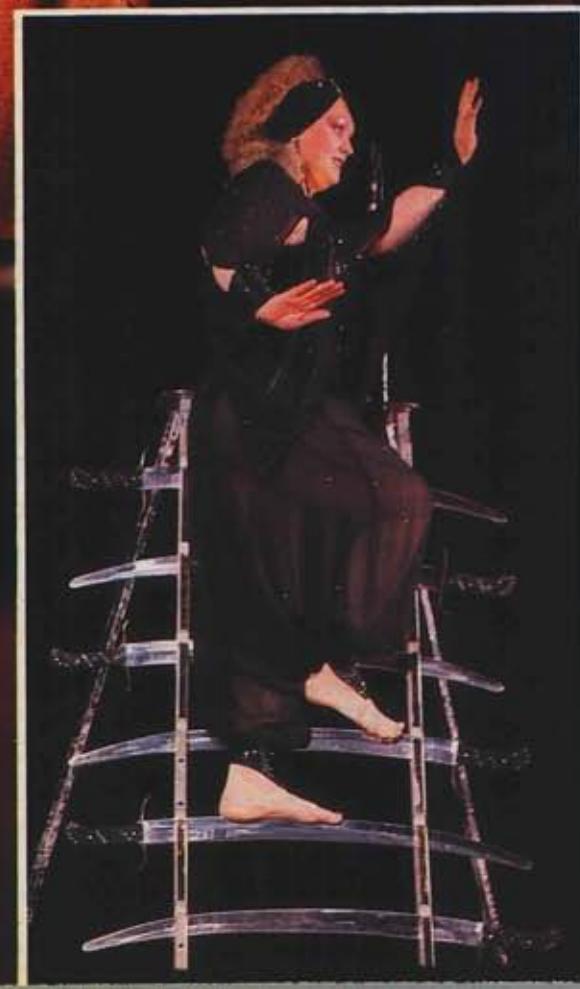
Тут же цитируется письмо читателя москвича: «В последнее время участились случаи выхода на экраны фильмов с голыми артистами-мужчинами. Это такие фильмы, как «Последняя релик-

Лада АКИМОВА

ЧУДЕСА НА СЦЕНЕ

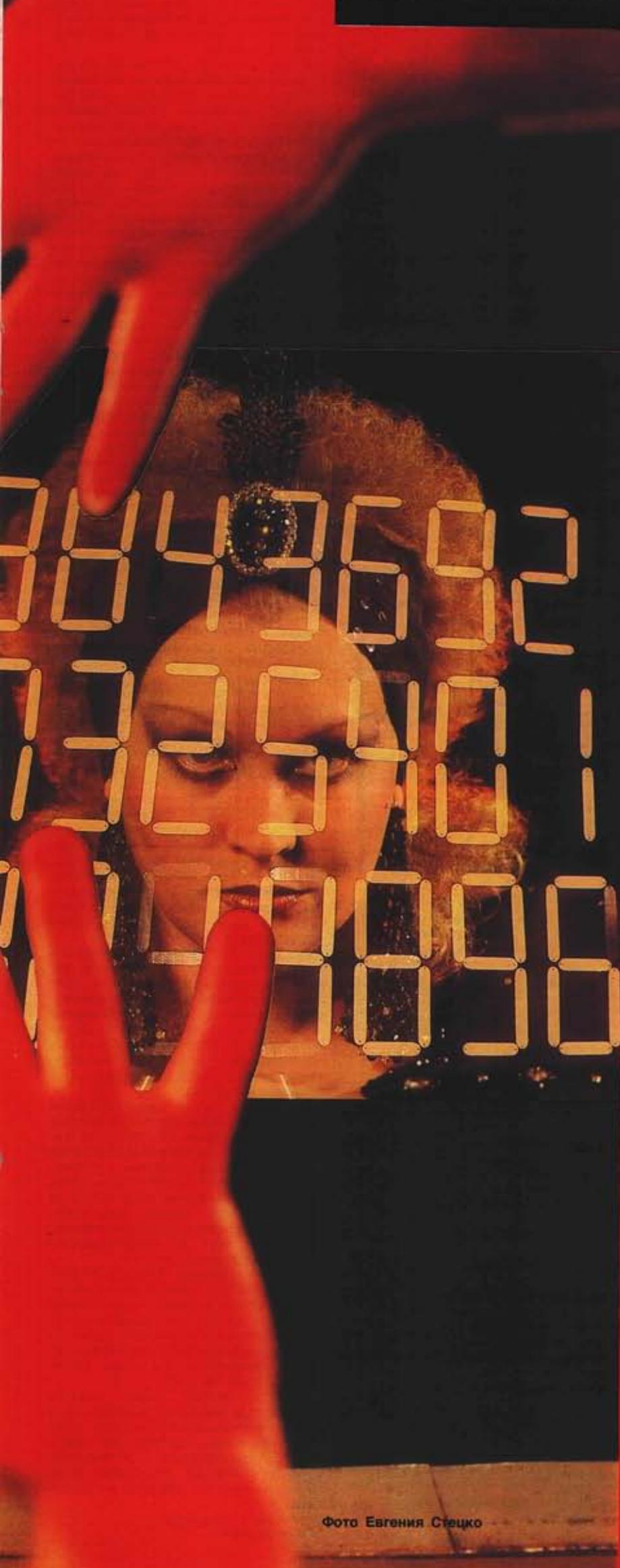

Фото Евгения Стецко

Шла обычная репетиция. Ей осталось подняться на последнюю ступень лестницы из сабель. Сильно закружилась голова. И, потеряв равновесие, она сорвалась с лестницы. Те, кто на нее смотрел, поняли, что случилось непоправимое... Кровоизлияния в брюшную полость. Почти полная потеря крови. Клиническая смерть. Операция — единственная и последняя возможность спасти жизнь. Восемь часов врачи не отходили от операционного стола. Доноры отдали семь литров крови. Люди сделали все возможное да и невозможное тоже. Она очнулась на третью сутки и заплакала от собственного бессилия. Тело казалось чужим. Руки распухли от постоянных уколов. Вернуться на сцену? Смешно. Врачи даже думать об этом запретили. И все-таки она не смирилась. Вопреки приговору врачей решила начинать заново. Строжайший режим: гимнастика, прогулки, победежки — снова лестница. Та самая — со ступенями из сабель. По этой лестнице она снова учились подниматься. Только она одна знает, чего ей стоили эти занятия, эти мучительные занятия в 1983 году...

Кто она, эта загадочная женщина, нечеловеческим усилием воли вернувшая себя к жизни? Ее имя — Светлана Тим.

Мы встретились в городе Горьком, где проходили ее очередные гастроли. Я видела ее на сцене. Она стоит словно на палубе плывущего корабля. Копна светлых летящих волос. Рука высоко поднята. Так называется спектакль «Невероятно? Но факт!». Он состоит из миниатюр, которые сменяются одна за другую. Актриса демонстрирует феноменальную память и мгновенный счет, угадывает мысли на расстоянии, показывает фрагменты забытого искусства фокира и, наконец, проводит сеанс релаксации — демонстрация скрытых в человеке психофизических возможностей путем внушения без гипноза. Все это происходит при непосредственном участии зрителей.

— Задумайте и напишите на бумаге двузначное число, — обращается Светлана к зрителю, вышедшему на сцену. — А вы напишите свое имя, — это к другому. — Теперь обменяйтесь бумагой и проверяйте. А я попробую отгадать.

— Встаньте передо мной, смотрите мне прямо в глаза. Сейчас я буду быстро называть числа от 0 до 9. Как только произнесу первую цифру вашего двузначного числа, вы меня мысленно остановите. Мысленно скажете: «Стоп!»

Актриса безошибочно угадывает число, задуманное зрителем, может назвать имя зрителя, дату его рождения. Демонстрируя феноменальную память, она способна запомнить более ста цифр вперемежку со словами.

Но главные «чудеса» впереди. Обаятельно улыбаясь, с чисто женским лукавством, босая, ступает Светлана по саблям — ступени лестницы, затем проводит по оголенной руке зажженным факелом, выдувает огонь, идет по острым иглам и вдруг, «по волшебству», окружает себя фейерверком ослепительных искр.

— То, что я показвываю на сцене, воспринимается многими как фокусы и трюкачество, — говорит актриса. — Это неверно. Просто я стремлюсь показать, чего может добиться человек усилием воли и каждодневной упорной работой над собой. Нет ничего невозможного. Главное —

было бы желание преодолевать... Зритель доверяет не всегда. Среди зрителей есть и скептики. Их, как правило, мало, но они, по словам актрисы, всегда «чувствуются».

— Очень трудно работать, когда в зале сидят хоть один такой человек. Я-то полностью доверяю зрителю. А такой человек специально выходит на сцену с видом, что, мол, ничего у меня не получится! Хотя я все равно заставлю его делать то, что захочу...

— «Захочу». «Смогу». «Заставлю». В этих глаголах вся она. Но — на сцене. А в жизни?

Светлана говорит задумчиво, очень тихо. Меня поразили ее глаза. Они живут как-то по-особому. То ярким огнем. То ироническим блеском. То появится в них вселенская — другого слова не подобрать — грусть.

Актриса рассказывает о своей жизни. Там все необычно — с самого начала.

Она родилась и выросла на Волге. С детства любила театр и цирк, все праздничное и возвышшее. Хотя в ее жизни было мало праздников и радости. Очень тяжело болела мама. Да и сама Светлана часто болела ангиной, получила осложнение на сердце. Врачи говорили, что незачем. Никогда и никому не жаловалась. Потом увлеклась древнейшим учением индийских йогов. Потихоньку стала заниматься. Боялась, если узнают, запретят. Она ведь даже от физкультуры была освобождена, а тут — йога!

Но после очередного обследования врачи сказали, что она... здоровая.

— Так я сама себя вылечила однажды от ревматизма сердца, — смеется Светлана.

Вторым серьезным увлечением стали люди-«клучики», владеющие своим телом в совершенстве. Начала учиться и этому. Затем — первые выступления на сцене, первые гастроли... Но вскоре она решительно заявляет: «Этого мало. Это не предел». И снова работа над собой, ежечасная, до одури, до самозабвения. Занятия специальной гимнастикой, йогой, тренировка тела.

Она привозит в Москву к известному русскому фокиру Дмитрию Лонго. Ему было тогда 102 года. «Я хочу стать фокиром!» — заявила Светлана. «Но женщина не может быть фокиром!» — ответил Лонго. Вот когда ей пригодилось то, чему она так долго училась и чем занималась самостоятельно. Продемонстрировав все, что умеет, Светлана смогла убедить мастера, что женщина может быть фокиром.

По рекомендации Дмитрия Лонго она поступает во Всероссийскую мастерскую эстрадного искусства, руководит которой народный артист РСФСР Леонид Семёнович Маслюков. Окончив ее, становится дипломированным специалистом — артисткой оригинального жанра.

— Светлана! — задаю я тот самый, страшно «обывателский» вопрос. — А как вам удается ходить по саблям босиком?

— Вшуваю себе, что не больно, и иду...

Светлана не любит говорить о работе. «Мою работу надо видеть, а не слушать о ней. И потом... у актеров оригинального жанра есть отвратительная привычка — плагиатство. Ты мучавшись, помявшись голову над миниатюрой, придумываяешь, а кто-то посмотрел или прочитал и — цап — быстро выдает за свое. Обидно».

Светлана Тим обладает великим даром — искусством владеть собой. Жалко, что у нее нет учеников.

Окончание. Начало на 18-й стр.

вия» (Рижская киностудия), «Петр Первый» и др. Поэтому я в последний раз требую прекратить создавать и выпускать на экраны фильмы с кадрами, порочащими человеческое достоинство. Иначе будут приняты контрамеры». Такие вот дела.

Комментируя подобные «высоконравственные» перлы, сотрудник редакции вспоминает о фельетоне Ильфа и Петрова «Саванарыло»: редактор требует «свести на нет» грудь молодой официантки, изображенной на общепитовском плакате, поскольку «грудь — это неприлично».

Так что разговоры «про голых» — не новость.

Восточная мудрость гласит: «Если сто раз произнесешь «халва», во рту сладко не станет». Поразительно другое: сладко не становится, а карие тут как тут! Зубастость тех, кто должен убедительно показывать, как и почему не надо бояться собственного тела и разговора о нем, далеко уступает категоричности апологетов «целомудренного» искусства.

Сюжет о половом воспитании из вчерней молодежной телепередачи «Взгляд» запоминается прежде всего запограммированностью на сердитую реакцию аудитории немолодежной. Это во-первых. А во-вторых, несчастной за- жатостью ведущих. Старательность, с которой молодые люди пытались сокрыть невзмутимость, пригодна была в столь поздний час где угодно, но не перед камерой прямого эфира. Коротенькое слово «секс» давалось тележурналистам куда мучительнее, чем какая-нибудь заковыристая «экстраполяция». Но экстраполировать идею заморованности сексуального просвещения авторы передачи не захотели или постеснялись.

Все-таки сдается, что, молвив «а», нужно отважиться и на «б»... А не метаться к телефонам, дабы затем оправдывающимся тоном сообщить: большинство молодежи одобрило-де сюжет, и потом еще счастливо поправляться, что и преклонного возраста зрители, оказывается, «за».

Даже старшеклассники, снятые в пресловутом сюжете или просто смотрящие его, могли бы одобрительно отозваться о данной работе лишь в снисходительно-поощрительном тоне: «Ну-ну, дядя, расскажи нам...» Хорошо, ли это, плохо ли, но нынешние шестнадцатилетние знают «про это самое» гораздо больше, чем может сегодня показать ТВ. А многие уже досыта «накушались эротики». Причем вовсе не на экранах видео.

И — как знать! — настолько ли уж порочен опыт наших северных соседей, где рассказывают все про все с шокирующими (применительно к нашей системе координат) откровенностью. Ведь в скандинавских странах, где сексопропаганда есть неотъемлемая составная всего шоу-бизнеса, статистика, допустим, половых преступлений значительно благополучнее, чем на Апенинах или Пиренеях, в государствах с традиционно влиятельной католической церковью, ведущей неравную борьбу против нашествия коварного языческого Эроса. Впрочем, в той же Италии не так давно порнозвезда избрана депутатом парламента. Ну, да ладно. Вернемся к нашим... школьникам.

На свой страх и риск мы провели этакий социальный блицопрос.

Место эксперимента: район Пушкинской площади столицы (вестибюль метро, фойе кинотеатра «Россия», кафе «Лира» и «Север»).

Время: пятница — от 23.15 до 23.55, суббота — средь бела дня.

Легенда: мы, совладельцы и создатели видеокомпании «Ну-ка, отсниму», ищем девушку, «блондинку небольшого роста (высокую шатенку, брюнетку с короткой стрижкой...)», короче, «вы нам подходите» для съемок семиминутного видеоклипа на боевик популярного рокера, исполняющего в сюжете главную мужскую роль.

Предлагаемые условия: съемки че-

рез неделю (когда музыкант вернется из заграничного тура), сниматься надо в совершенно обнаженном виде: сцена изображает «брачные игры на ковре».

Возраст опрашиваемых: от 15 до 18. Результаты и информация к размышлению: из двадцати хорошеных и модно одетых девушки тринацать решительно готовы; три попросили день-другой на ответ; одна отказалась, сославшись на профиль выбранного вуза; одна посоветовала, что муж — ревнивец; одна выдвинула робкое контурование — «только со спиной», и, наконец, одна — подчеркивает — всего одна! — искренне ужаснулась: «Родители с ума сходят!» (Помимо этого, несколько дев безапелляционно отказались обсуждать подобные условия, заподозрив в нас то ли проходимцев без видео, то ли маньяков с таковым, кроме того, мы несколько раз ошибались, определяя возраст.)

Выводы делайте сами.

Любви, дело ясное, все возрасты покорны. А что касается кинозротики, то к ней отношение, видимо, значительно постурируется и «локальной» моралью, и сопряженным с ней количеством прожитых лет.

...Еще один дубль, пожалуйста.

В КАДРЕ — СВЕТЛАНА КОПЫЛОВА

— В финальной сцене фильма «Меня зовут Арлекино» вашу героиню жестоко насилиют. Сцена снята очень откровенно. Как вы сами считаете, подобная откровенность нужна для коммерческого успеха картины или же необходима фильму смыслы-

художественные достоинства фильма. В конце концов журнал «Советский экран», рекламируя съемки фильма, не случайно центральной фотографией репортажа сделал кадр, где вы изображены в полуобнаженном, растрепанном виде...

— Действительно, после выхода этого номера меня пригласили на «Мосфильм» на переговоры. Первое, что мне сказал режиссер: «А я вас видел в журнале, вы там с обнаженной грудью...» Мне это как-то не понравилось. Я поняла, если бы у меня была закрыта грудь, меня, наверное, не позвали бы на переговоры...

— Вы согласились бы сниматься в эротическом кино?

— Если бы эротика была оправдана идеей фильма и снимал хороший режиссер, которому я бы поверила безоговорочно, тогда да. В бессмысленном эротическом фильме нет.

— А если бы компромисс предлагал большую сумму денег?

— Это глупый вопрос.

— Какими качествами должна обладать актриса, которая снимается в эротическом фильме?

— И это глупый вопрос. Эротика, повторяю, должна быть не бессмысленной, а оправданной идеей фильма, правдой жизни.

— Советскому зрителю нужны подобные ленты?

— Если сам фильм не будет отдавать пошлостью, то и у зрителя будет правильная реакция. Эротика, по-моему, нужна. Интимные отношения нужно показывать. Даже дети должны понимать про это больше, а не добывать информацию, которая все равно волнует.

лово, оправдана всей логикой предыдущего повествования?

— Я считаю, что эта сцена — всего лишь дополнение к идеи фильма, одна из ярких смысловых иллюстраций. Наш фильм — о современной молодежи, о нравах не лучшей части молодежи, ее жестокости, которую мы часто можем наблюдать в жизни. Я считаю, что режиссер нашей картины Валерий Рыбаков никогда не стал бы снимать эту сцену только ради зрительского «шума», из желания угодить публике. Мне кажется, что наш фильм станет событием именно за счет художественных достоинств, но не из-за сцены «полового акта», хотя столь открыто она впервые показана в нашем кино...

— Когда вас снимали в этой сцене, вы думали о том, как будете выглядеть впоследствии на экране? Вас заботила ваша женская привлекательность в восприятии тех, кто будет сидеть в зале во время просмотра?

— Меня, простите, грубо «насильовали». А когда насилиют, вряд ли думаешь о том, чтобы выглядеть попривлекательнее. Эта съемка была настолько тяжела и физически, и морально, что я находилась в какой-то «отключке». Уже потом я могла кое-как оценить, проанализировать свое состояние и почувствовать дикую усталость. Уже потом я обнаружила, что у меня вся спина исцарапана травой. Уже потом я почувствовала, что у меня все болит.

— Хотите вы этого или нет, но многие зрители будут реагировать и говорить о картине именно в связи с этой сценой, а уж потом оценивать

её, где-то на стороне. Мне, например, жалко, что моя младшая сестра, пятиклассница, не увидит нашего фильма, потому что он наверняка выйдет с грифом «Дети до 16 лет не допускаются». Но, скажем, моя бабушка и люди ее поколения, которые не знают истинной жизни молодежи, будут ужасаться и думать, что им врут, показывая правду.

РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ КАДР

Спокойное отношение к так называемой «обнаженке» очень тесно связано со свободой духа. Вспомним древних греков: бессмертные философские школы и «любование мышцами, бедрами, ягодицами и безупречно завитыми волосами». (Эстетикам знаком, допустим, термин «сократовская эротика».)

Зато средневековое мракобесие сочетается и с гонениями на красоту тела, вид которого считался вопиюще неприличным. Костюмы непременно скрывали очертания фигуры, и верхом безнравственности считалось показывать волосы — с распущенными шевелюрами изображали русалок, ведьм и прочую нечисть. Бенедиктинцы наставляли, что «телесная красота приводит к греховной надменности и чувственности».

Слава богу, что после ночи неизбежно утро настает. И в эпоху Возрождения человек вновь «разделялся». Ангели Боттичелли отнюдь не бесполы. «Своим благородством обнаженное тело превышает все другие виды натуры» (Манетти). Ну, и так далее.

Запретный плод сладок. Фраза все

время на слуху, но, видимо, настолько привыкла, что как руководство к действию (или к воздержанию от такого) воспринимается крайне редко. Время от времени с какой-то хмельной настойчивостью «не пущают», разгоняют, осуждают и клеймят.

Когда ханжество становится общим, то за оградой образцово-показательного благообразия процветает поголовное соглядатейство. «Здесь развито искусство смотреть из окна и записывать тех, кто не спит, имена».

Автор статьи «Поговорим об эротике» (журнал «СЭ» № 23 за 1987 год) совершенно справедливо сетует, что «под аккомпанемент громогласных заверений в том, что нашему народу подобное ни к чему, резко возрос интерес зрителей, особенно молодых, к эротическим проблемам. Неудовлетворенное любопытство к интимной сфере человеческой жизни, естественно, породило желание увидеть хоть что-то, узнать хоть что-то, а поскольку это «хоть что-то» либо вообще не давалось, либо отпускалось в мизерных дозах, многие зрители вычищали эту дозу из образной системы фильма и воспринимали только ее. То, что должно рассматриваться как часть единого целого, воспринималось как самоценная величина».

В качестве примера уместно вспомнить «Романс о влюбленных». Рекламируя знакомым только что просмотренную ленту, многие упоминали наготу Кореневой, а лишь затем песни Александра Градского или режиссерские изыски. Появление фильма «Экипаж» лишь авиаторам запомнилось явными «техническими неполостями», значительная часть молодой публики смаковала подробности постельной сцены с участием Леонида Филатова и Александры Яковлевой. А некоторые даже в шедеврах Андрея Тарковского умудрялись рассмотреть в первую очередь обнаженных дам.

Есть несколько способов, исправно заплатив за билет и отсидев пару часов в интимном полумраке кинохрама, не увидеть картину и не услышать ее создателей. Самый распространенный — внимать только тому, что кажется главным, и запоминать только то, что задело за живое. То есть понимать произведение согласно старинной школьной присказке, в меру своей испорченности. Имеются в виду не столько озабоченные подростки, сколько их миметические мамашы, наивно полагающие: не демонстрируйте «непристойные» прелести — и мысль о их наличии в природе сама по себе в юную голову не просочится.

Досадно, что доля эстетически не подготовленных к «ню» на экране «велика не числом, но умением». Это люди, социальную активность понимающие и проявляющие как агрессивное неприятие всего того, что им не должно нравиться. Надуманное это клише подразумевает некое расплывчатое, венецианское, пустое и абсолютно безадресное искусство.

И никакой, даже супергениальный сценарий не вытянет фильм на уровень киношедевра, если не позволить режиссеру использовать все необходимые изобразительные средства. Поэтому и не работает в отечественном кинематографе чувственное воздействие на зрителя. Отсюда — успех у нашего зрителя прежде всего публицистических, социальных лент, не всегда удачных в чисто «киношном» аспекте.

Допустим, фильмы Эльдара Рязанова. Задевают за болевые точки, но отнюдь не всегда волнуют чисто по-человечески. Кому приятно побывать в шкуре персонажей «Гаража»? И даже на месте обаятельного Деточкина из «Берегись автомобиля» не очень уютно оказаться, не так ли?

Немного вообще можно назвать фильмов, где перипетии главного героя комфортабельно-заманчивы для среднестатистического зрителя. Не говоря уже про наши фильмы с обнаженной, «срезированной» дрожащими руками, сыгравшими на пределе актерской зажатости».

Окончание в следующем номере журнала.

■ Не берись,— говорит Скептик,— тема скользкая. Давай-ка лучше к редиске поближе.

Работая локтями, мы тщетно пробиваемся к рынку — манящие нас дары земли надежно блокированы плотным кольцом удивительного и невиданного доселе торжища. Толпа колышет нас, увлекая во чрево странного, угрюмого изобилия.

На руках, на плечах и на стойках, похожих на мольберты, развесиши товар: бронзово-блескуют пряжками, серебрятся «молниями» разноцветные, разномастные, но, на удивление, однотипные куртки, штаны, кофты, плащи. Полногрудые нимфы, игривые грации, красавицы «под золото» гипсовые пепельницы в виде обнаженных див призывают на лотках. В раскрытых кейсах театральный блеск сверкает пластмассово-стеклянная бижутерия, заставляя вспоминать: нечто подобное привозили на тропические острова первые европейцы, вызывая восторг толпы в набедренных повязках. Тут климат иной и времена другие...

Девчушка в стоптанных саложках, в кургом пальтище — по виду ученица ПТУ — вытаскивает из кошелька сложенную пятерочку, дрожащими худенькими пальцами опускает ее в плотную пятипалую ладонь и получает взамен ядовито-розовую брошку в виде курчавой головки, обликом напоминающую эстрадного кумира... Ее одногодок, скопивших три зарплаты, примеряется к мохнатой, шире собственных плеч, шапке. Шапочный ряд — самое поразительное. Куда там блестящим штанам, дебелым нимфам и брошкам с ангелочками, тут заворачивают покруче!

Лиса, волк, заяц, овчина сиротливо жмутся и потерялись совсем среди «экзотики» отеческих наших широт. А вот не угодно ли: колли, сенбернар, ньюфаундленд, королевский пудель?

— Кто это? — с содроганием, как мне кажется, спрашивал паренек чернявого с усиками молодца.

— Шакал, — отвечает тот зло-весело иглядит испытуемое на паренька. Так и сказал: как будто представился. — Хороший мех, дорогой мех, бери — не пожалеешь!

Все ту по имени не называемое, а хоть бы и под шакальным псевдонимом, но глаза-то не солжет. Протолкайся в другой ряд — увидишь унизанные пряжками и расчерченные «молниями» куртки из догов и доберманов, шубы из борзых... Не зоопарк это, не «В мире животных», это живодерия в последней, исходящей, так сказать, ее стадии!

— Жутковато? — спрашиваю я своего Скептика.

— Ладно... Давай к редиске двигай.

— Нет, ты погляди на «делопроизводителей», то бишь купцов! Молодец к молодцу!

И то правда: дай бог, если на сотню торгующих наберется здесь пяток старушек да столько же еще тех, кому за сорок. Остальные возраста самого спелого или к тому приближающегося. Вот оно, племя младое, но знакомое...

Знакомое, знакомое! И очки протирать не надо: видывали мы этик молодых, так сказать, людей и раньше — у мебельных, у комиссионок с десяти до семи, с перарывом на сътный обед несут там исправно нелегкую свою службу «фирические мальчики» и сегодня. Скрипят кожей, плечи и ноги обтянуты джинсовой шкурой, готовой вот-вот лопнуть под напором жизненных сил. Ну, бывает, возьмет милиционер такой под локоток, проводит куда надо, а там, глядишь, опять молодец на месте — на ежедневном своем посту...

Что тут сказать? А то, что говорится сегодня в открытую: только совсем уж наивный человек дивиться мог, а большинство и тогда понимало, что коррупция наверху порождает, а собственным существованием и сохраняет эту, позволяя себе, хоть и в кавычках, сказать «элиту», ведь они тоже «избранные». «Возмужав», заматерев и проявившись те-

Алексей КАРЕТНИКОВ

перь, полагаю, уже в полной мере, тип этот обнаруживает глубокие, увы, корни. Он выревал постепенно.

Где концы, где начала — сразу и не разберешь. Я это к тому, что новоявленное торжище отнюдь не наводит на мысли, будто рождается на наших глазах новая общественная прослойка. В том-то и дело, что прослойка эта существовала, жила вольготно и во времена зажима всякой инициативы. Но вот что любопытно, вот почему подивиться впору: выходит, сегодня-то, когда война коррупции и кафовости объявлена всерьез, неизврая на чины и лица, из полку прибыло! И тут есть о чем подумать...

О том, например, что сегодня тип этот настолько созрел, что, кроме вполне понятного социального неприятия, заслуживает того, чтобы обратить на него и художественное внимание, подобно тому как осмыслено было замечательным нашим писателем давнее племя «архаровцев». Смею думать, крайне любопытно и этот тип для литературы, а равно и для нашей истории как побочный ее продукт. Так что по всему выходит: перед нами та же самая, с давнишними корешками прослойка, да только потолще. Но самое интересное заключается в том, что под локоток-то этих уже и не взять...

— Я и говорю, тема скользкая, — продолжал мой Скептик. — Сегодня к нему не подступишься — они под защитой закона об индивидуальной трудовой деятельности. Слышишь?

— Э, нет! — восхликал я, чувствуя здесь слабину собеседника. — Они не под защитой этого закона, они лезут под его защиту! Какая же она трудовая, какая же деятельность, разве одно — индивидуальность?

Но спорить трудно было, находясь в самом чреве этого мрачного царства изобилия. До редиски мы в тот день так и не добрались. Покинув подступы к рынку несолено хлебавши, отправились домой, где и продолжали разговор:

— Нет, что ни говори, а частный сектор — это вещь!

Здесь возражать я не мог, но заметил все же, что частный частному рознь. Когда это результат труда — подчеркиваю, труда, — я за частный сектор обеими руками и куплю, конечно, переплатив, ботинки у частного сапожника, а не свинцовые фабричные копыта в магазине. И брюки купил бы, но не те — сторублевые из двухрублевой ткани.

— Насчет цен это ты верно... Хоть бы уздец какую накину, а то понесут, — соглашался Скептик, но тем не менее, вздохнув, продолжал убеждать, что во все времена от этого никуда было не деться: деляг, мол, жучков нахрапистых всегда хватало. Взять хотя бы черный рынок. Как ни прикрывай его фиговым листом умалчивания, он — зеркало, в которое пусть стыдно и горькоглядеться, но оно правдиво отражает наши недостатки на сегодняшний, так сказать, день. Кроме того, есть в нем и юмор, и сатира, и даже драма с трагедией его не обошли.

Здесь — ни смеха, ни улыбки, а купец или нагл и глядит победителем, или угрюм и прятает глаза...

— А между тем мы пользуемся их услугами и, похоже, долго будем пользоваться, если в общественном секторе необходимый всем ширпотреб зашел в тупик... Нет, не все стриги, что растет. На такие вещи смотреть надо философски. Торжище, которое мы видели, да и сами «делопроизводители», как ты изволил выразиться, — это всего лишь пена

на волне перестройки. Только «пена» здесь — категория, если хочешь, философская, и спор вести нужно в рамках экономической, я бы даже сказал, социальной темы.

— Согласен. Но эта социально-экономическая тема имеет и морально-этический аспект! Как быть с ним?

Дальше убеждал я Скептика, что это срам — молодому парню изготавливать дамские купальники; гнусно, если он дерет в прямом смысле шкуру с собаки, а потом в переносном — три с человека. И как философски можно взирать на то, что шкуродержащий каждый год «Жигули», получает в пять раз больше, чем зарабатывает хирург, оперирующий по нескольку раз в день, а с работы и на работу — в автобусе, с двумя пересадками? Могу ли я спокойно видеть, как откормленный бугай, которого воруют на ВДНХ экспонировать, как этот «производитель», грабя, калечит вкус молоденькой девочки? Да что там вкус! Вкус из этого торжища, не пустят ли и она собственную жизнь тем же руслом? Аробий тот паренек перед шакалом? Хорошо, как крепок, хорошо, коли есть кому осечь и подсказать, а если нет?! Кто защитит их от племени, которое так спокойно называем мы общественной прослойкой, которому даем и коры, и угodyя, а потом дивимся, откуда оно?.. Смешно, конечно, было бы полагать, будто исходит от него угроза нашей экономике. Угроза — только моральная, но смотреть на нее сквозь пальцы — позиция тоже не из лучших. Да, объявлена нынче война чиновникам и бюрократам, но спросить хочется: вовать с этими оставим нашим детям? А что как к тому времени будет уже и не продохнуть — разрастется племя?..

Скептик пожал плечами, но не ответил. Да и как мог ответить, когда он, как, надеюсь, догадывается читатель, — вторая половина самого автора, у которого, кроме убеждений, есть и сомнения: а нужно ли вообще бороться с тем, чего мы коснулись, не будет ли здесь противоречия новым веяниям?

Признаюсь, прежде чем предложить эти заметки вниманию читателей, «опробовал» я тему в устных разговорах, и солгу, если скажу, что мои доводы всех убедили. Больше того, пришлоось услышать, что, сам того не сознавая, играю я на руку противникам перестройки: «Только глотнули свободы, и на тебе — поворачивай обратно! Ты что же, предлагаешь, как прежде, — держать и не пуштуть?»

Разумеется, этого я не предлагаю.

Для начала предлагаю называть вещи своими именами. Сознавая, что в известные годы и «на фронте ширпотреба» образовалась брешь, я понимаю и то, что латать ее ринулись не лучшие, будем так говорить, представители общества. И хотелось бы услышать достаточных доводов против того, что здесь мы имеем дело с общественной аномалией. Интересовать нас вполне могут и вопросы, так сказать, юридические: к кому, например, приравнять шкуродержа и что он пишет в графе «профессия»? Не исключено, впрочем, что он представится вам студентом МГУ. В таком случае, взглянув на часы, спросите у него, в котором часу начинаются лекции... Думается, на нынешнем этапе гласности пора бы и эти вещи назвать своими именами.

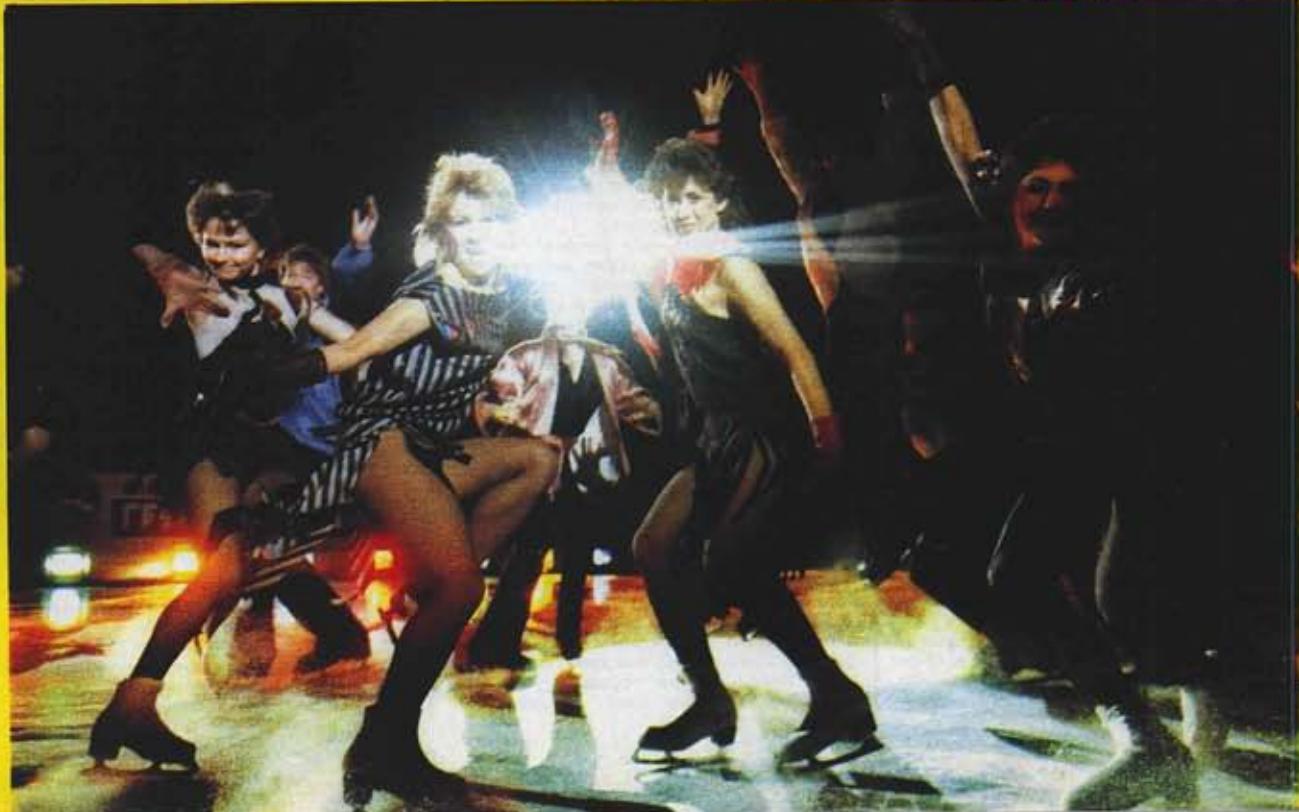
Следуя, однако, течению логической этой цепочки, автор отнюдь не уверен, что благополучно минует рифы. В самом деле, с одной стороны, мы прекрасно сознаем, кто они, с другой — пользуемся их услугами... И впрямь, немудрено тут выплеснуть вместе с водой то, чего выплескивать не следует. Что же, замкнутый круг?

А может быть, Скептик все-таки прав: не все стриги, что растет, и нужно просто ждать, когда сама собой осядет пена или ветер перемен сдунет ее с волны перестройки? И, быть может, в самом деле поторопился автор, взявшись за эту «скользкую» тему?

Что скажете вы, читатели?

Фото Владимира ВЯТКИНА

Людмила БРАТАШ

Название ледового ансамбля — «Все звезды» — появилось на афишах более трех лет назад, когда большой спорт покинули сразу несколько ярких и самобытных мастеров фигурного катания. Сама же идея создания такого коллектива родилась в доме у заслуженного тренера СССР Татьяны Тарасовой и ее мужа, известного пианиста Владимира Крайнева.

Мир фигурного катания прекрасно знал этих спортсменов, чемпионов и призеров крупнейших всесоюзных и международных соревнований — Юрия Овчинникова, Ольгу Воложинскую и Александра Свинина, Веронику Першину и Марата Акбарова, Елену Гаранину и Игоря Завозина, Инну Волянскую и Валерия Спиридонова, Ирину Жук и Олега Петрова, Леонида Казнакова и Виолетту Андрееву. Теперь они стали артистами.

Спорт дал им высокую технику катания, ансамбль необычайно широко раскрыл творческие и актерские возможности каждого. Соединенные вместе и поддержаные высокой хореографической культурой руководителя ансамбля Татьяны Тарасовой, они сделали ледовый танец «Всех звезд» поистине великолепным зрелищем.

В репертуаре ансамбля сейчас пять ледово-хореографических спектаклей.

Первый из них — «И помнит мир спасенный» — поставлен Татьяной Тарасовой и Еленой Чайковской к 40-летию Победы.

«Мы сегодня вас уважим, Русь веселую покажем!» — так начинается другой спектакль — «Русская ярмарка», где озорной и веселый Петрушка приглашает зрителей побывать на «Посиделках», посмотреть «Завлекаши», «Барыню», «Валенки», забавную «Цыганочку», лирическую «Рябину» — номера в этой програм-

ме ярки и красочны, а атмосфера праздника, народного гуляния остается в сердцах тысяч зрителей.

В спектакле «Дивертисмент» более тридцати номеров. Это и лирический танец Гараниной — Завозина на музыку из кинофильма «Мой ласковый и нежный зверь», выразительный и трагичный Овчинников в «Паяца», яркий и зрелищный «Балет» — ледовая миниатюра на песню Аллы Пугачевой.

Особое место в репертуаре ансамбля занимает «Болеро» на музыку Равеля. Хореографическое решение этого известного произведения необычно в постановке Татьяны Тарасовой. Постоянное стремление человека к победе добра над злом — вот то главное, что удалось с присущей ей тонкостью и изяществом, глубиной проникновения в образ выразить в таком сложном, трагичном и эмоциональном «Болеро».

А каким, оказывается, разным может быть всеми любимое танго! Ревность, любовь, ярость, гнев, гротеск, ирония и одиночество — все эти чувства удивительно зримо воплощают на льду участники прекрасного ледового спектакля «Танго, танго».

Прошлым летом ансамбль «Все звезды» пригласил прославленных английских фигуристов Джейн Торвилл и Кристофера Дина поработать над постановкой совместной программы. Все, кто видел ее в Лужниках, были единодушны в оценке: «Это успех!» В конце года эту программу ансамбль показал специально для воспитанников детских домов и интернатов Москвы, а весь сбор от одного из представлений перечислил в Советский детский фонд имени В. И. Ленина.

Скоро английские фигуристы приедут в Москву для совместной работы, планируются гастроли по городам нашей страны, а затем «Все звезды» вместе с Торвилл и Дином продолжат выступления в Англии, Австралии и Новой Зеландии.

"ВСЕ ЗВЕЗДЫ"

Весела ЛЮЦКАНОВА

Клонинги

Лабиринты

1

Мы жили одни, в полной изоляции, что казалось мне вполне естественным до той минуты, когда я пошел за доктором Зибелем, а он не оглянулся. Мы были похожи друг на друга, как две капли воды, и, хотя меня всегда это смущало, я считал это вполне естественным до той минуты, когда я пошел за доктором Зибелем, а он не оглянулся. Наши изнурительные занятия в лабораториях, лекции, где подчеркивалась огромная роль нашей работы и значение ошибок, которые могли бы стоить нам жизни, полное молчание по некоторым вопросам, стерилизационные камеры на этажах — чем ниже, тем выше степень стерильности, сигнальные установки, реагирующие на малейшее загрязнение нашей одежды, микроскопы, шифровальные устройства, системы дистанционного управления, и наши воспитатели с различными лицами, волосами, руками, походкой — все это с детских лет казалось мне вполне естественным до той минуты, когда я пошел за доктором Зибелем, а он не оглянулся. Иногда я задавал себе вопрос, почему все это так, мне хотелось задать и более конкретные вопросы нашим непогрешимым ЭВМ, но все время что-то мешало, а потом меня вызывал доктор Андриш, внимательно осматривал, предлагал длинные и запутанные тесты и недовольно качал головой. Но когда я пошел за доктором Зибелем, я почувствовал, что иду к истине, и не было силы, которая заставила бы меня свернуть с этого пути. И все-таки хорошо, что Зибель ни разу не оглянулся. Погруженный в свои мысли, он не заметил меня в освещенном до белизны коридоре, потом — в лифте, который уносил нас вверх, и в мягком зеленоватом свете следующего коридора, я неотступно следил за ним, и толстый ковер впитывал в себя звук моих шагов. Говорили, что его жена при смерти, а у него нет возможности ее повидать, и это отравляло его существование. Говорили еще, что она... Но чего только не скажут люди! Когда-то давно я видел его жену. Зибель совсем ушел в мысли о своей жене и, не оглянувшись, прямо на моих глазах нажал на что-то в полу, в стене появилась дверь, за которой он тотчас скрылся. Потом и дверь исчезла. Я искал ее глазами, пальцами ощупывал стену, разглядывал каждый миллиметр пола и в конце концов разобрался в ее механизме. Казалось, что сердце вот-вот лопнет, руки тряслись, как под действием электрического тока. Я закрыл глаза, прижался спиной к стене и попытался успокоить сердцебиение. Прошла минута, две — удары сердца стали более ровными, руки неподвижно застыли на моем белом халате, я подавил нетерпение и весь превратился в трезво оценивающую мысль. Я должен ждать. Сейчас Зибель был в тайном кабинете. Внимательно осмотревшись, я встал на колени и скальпелем, который был у меня в кармане, сделал на ковре знак, маленький, едва заметный крестик, и от него на обоях пометил весь свой обратный путь. Я ушел. Но ненадолго.

2

Считал ли я все, что нас окружало, естественным до той минуты, когда пошел за доктором Зибелем? Глупости! Я просто приказал себе ни о чем не думать. Я подавил это глубоко в себе. И вдруг я мысленно вернулся в прошлое и стал вспоминать.

В четыре года я расцарапал лица другим мальчикам. Меня поймали на месте преступления и наказали. Долго держали в изоляции, больше месяца. Мне приносили еду. Время от времени приходил доктор Андриш. Или сам доктор Зибель. Я беседовал с ними. Расспрашивал об этой нашей ужасающей схожести. Они говорили мне, что когда-нибудь я все узнаю. Они позовут меня к себе и все объяснят. С тех пор прошло много лет. Ни тот, ни другой не позвали меня.

В семь лет я разбил все зеркала в общих комнатах. Вполне сознательно. И вполне сознательно не тронул

зеркала в своей собственной комнате. Нас всех построили, допрашивали, угрожали, били. И потом... повесили новые зеркала. Только в туалетах. Тогда я впервые осознал их бессилие. При каждом удобном случае я старался отделиться и подолгу наблюдал за нашими воспитателями, рассматривая их так, как рассматривают клетку под микроскопом, с пристальным вниманием и надеждой раскрыть тайну.

В десять лет я узнал о происхождении видов и почувствовал, что близок к истине. Какое заблуждение! Мне нравилась наша повариха, я пребирался в кухню, усаживался рядом и разглядывал ее. Она пугалась, все расспрашивала, кто я такой, боялась дотронуться до меня, совала мне в руки какое-нибудь лакомство и ласково выставляла за дверь. У нее были красивые глаза, и рядом все время вертелся молодой Хензег. Может быть, как раз тогда я возненавидел его; она нежно встречала его, обнимала за шею и забывала о моем существовании. Но Хензег своим хищным взглядом всегда находил меня, тащил за руку по лестнице, выволакивал на верхний этаж и грозился расправиться со мной, если еще раз увидит внизу. И расправился бы, если бы не просьбы девушки. А наверху Хензег уже не мог отличить меня от остальных.

Потом девушка исчезла. И больше я о ней ничего не слышал.

Нас будили электронные часы. Мягкие женские голоса приглашали нас в физкультурный зал. Под звуки музыки и бесплотный мужской голос мы выполняли сложные физические упражнения. В столовой нас ожидали накрытые столы. После нашего ухода двери плотно закрывались, и за ними начиналась какая-то суета. Слышались голоса, шаги, смех, но мы послушно спускались в лаборатории на очередное занятие по биохимии. Зибель распределял нас на группы. Руководили нами молодые мужчины одинакового роста, одетые в одинаковые белые халаты, с белыми масками на лицах и в огромных темных очках, которые скрывали их глаза. Их голоса, ровные, безразличные, всегда звучали одинаково. Мы не задавали вопросов, не было смысла.

Доктор Зибель, доктор Хензег и доктор Андриш — три человека, с которыми мы могли свободно разговаривать.

3

Теперь я знал что-то очень важное, о чем другие не подозревали. И это сразу выделило меня среди остальных. Я не мог спать. Утром вставал раньше всех и до начала занятий ходил в одиночестве по коридорам, следил, выжидал, затавив дыхание, подслушивал, прижимая ухо к стене. Как можно скорее я хотел добратся до истины. Я был уже близко, чувствовал ее. И чем ближе я к ней подходил, тем осторожнее должен был себя вести. Иногда я следил и за Хензегом, но Хензег ни в чем не походил на Зибеля. Он сразу чувствовал мое присутствие. Несколько раз я врывалась к доктору Андришу, неожиданно и в самый неподходящий момент. Старый, уставший доктор Андриш! Он охотно давал мне лекарства, которые я просил, и ни разу ни в чем не заподозрил. Я пытался втянуть его в разговоры о жизни, о людях, о различиях между ними, но доктор ограничивался вопросами о своем здоровье.

У Зибеля был тайный кабинет, эта мысль не давала мне покоя.

Что он скрывал? И от кого? Знал ли кто-нибудь о его существовании? Может быть, даже Хензег не знал?

Этот Хензег, высокий и сухощавый, подвижный, с молниеносными реакциями, постоянно был рядом с нами. Он в любое время появлялся в лаборатории или в спальне, всегда присутствовал на наших осмотрах у доктора Андриша, а потом долго оставался в его кабинете, и они разговаривали, разговаривали... Часто посещал лекции доктора Зибеля, а потом, оставшись наедине, они о чем-то спорили. Сейчас я стремился понять истинную роль Хензега. И мне

кажется, я понял: он был чем-то вроде фонендоскопа доктора Андриша, приставленного к нашим сердцам, вроде металлических пластинок, прижатых к нашим вискам. Таким был Хензег. Все остальные с благодарностью принимали его заботу, я и сам, хотя и без благодарности, принимал ее вплоть до минуты, когда пошел за доктором Зибелем, а он не оглянулся. Но после этой минуты все изменилось.

Моя работа была полна загадок. В герметическом костюме, простилизованном до последнего волоска на голове, я спускался в камеры, где ставились опыты, изучал возможности живых организмов и их приспособляемость, а потом закладывал программы в наши ЭВМ, и полученные данные куда-то исчезали, возможно, они оказывались в тайном кабинете Зибеля, где производились обобщения и выводы, и куда я собирался проникнуть, чтобы завладеть истиной, какой бы она ни была.

Несколько моих попыток проникнуть в тайный кабинет Зибеля оказались безуспешными. Но я не терял надежды.

4

У нас были занятия с Зибелем. Он строил наши характеры медленно, методично, по строго определенной схеме. Первые пятнадцать минут он учил нас отдавать жизнь науке. (Как будто у нас был выбор!) При этих словах его лицо вспыхивало, в голосе появлялись высокие ноты.

Итак, у нас были занятия с Зибелем, я воспользовался переменой, оторвался от группы и бросился бежать. Я весь дрожал и постоянно оглядывался. Ужасно боялся, что кто-нибудь остановит меня на пороге моего открытия. Я должен узнать — потом пусть меня наказывают, как хотят, пусть меня убьют, но прежде я должен узнать! Уже прошло несколько суток с той минуты, когда я пошел за доктором Зибелем, а он не оглянулся. Было несколько неудачных попыток. И сейчас, встав на колени, я искал маленький знак, оставленный моим скальпелем. Я так волновался, что с трудом его нашел. На мгновение я застыл — от радости или от страха, потом наступил на отмеченное место, в стене мелькнула та же самая дверь, и я очутился в обычной комнате. Такие же, как везде, стены и шкафы, такие же экраны и полки с книгами, та же самая простая пластиковая мебель. Почему же тогда о существовании комнаты никто не должен знать? И все-таки эта комната в чем-то была другой, хотя ее отличие не сразу бросалось в глаза. Вглядевшись внимательнее, я понял, что другой была большая карта на стене, зеленая, с какими-то темно-коричневыми линиями и темно-коричневыми кружочками со странными названиями: я попытался прочитать некоторые из них, но ничего не понял; в левом нижнем углу я увидел большой красный круг и слово, написанное большими красными буквами, которое сразу привлекло мое внимание — клонинги. Что это такое? Повторив его несколько раз, я вдруг начал понимать, что оно каким-то образом связано с нами, что это слово раскроет мне что-то новое и страшное. Я схватил с полки первую попавшуюся книгу — большинство слов в книге мне было незнакомо. Я схватил

другую книгу — те же непонятные слова, вытащил третью, лихорадочно перелистал страницы, потом четвертую... Я ничего не мог понять, ни во что не мог вникнуть, только тупо листал страницы очередной книги и тупо рассматривал иллюстрации, на которых люди совсем не были похожи друг на друга, они были черноволосые и синеглазые, высокие и низкие, толстые и худые. Я спрятал под одежду одну из книг. Перерыв все ящики письменного стола Зибелья. Ничего. На папках стоял непонятный шифр. И я застыл на месте, облокотившись на гладкую поверхность стола, беспомощный, злой и сбитый с толку.

Но я не должен сдаваться.

Я снова начал осмотр комнаты. Карта, незнакомое слово «клонинги», тусклые экраны, книги, раскрытые папки, зияющие ящики, пол, неподвижный и целый, а наверное, он может двигаться, раскрываться, подниматься и опускаться. У меня оставалось еще двадцать минут. Целая вечность. Я нашел скрытый в стене сейф, портрет госпожи Зибель, которая смотрела на меня с улыбкой, затянутой в уголках губ, и шкаф, на котором наклеиванными буквами было выведено все то же незнакомое и тревожное слово — «клонинги». Кто это такие? И почему я постоянно связывал их с нами? Смутная догадка молнией прорезала мой мозг. И в этот момент...

5

Я уже все понял, когда Зибель положил мне руку на плечо и сказал:

— Кто много знает, скоро умирает.

Он смотрел на меня сквозь очки пронизывающим взглядом зеленых глаз, которые менялись, темнели и, отражая свет, утрачивали свой блеск, а потом вдруг снова загорались, и я страшно ненавидел его за эти вечно меняющиеся глаза, в которых прятались темные мысли и страшные тайны. Они пугали меня.

— Я согласен.

— На что ты согласен, мой мальчик?

— Знать все — и умереть.

Глаза Зибеля еще больше позеленели, сузились.

— Но ты должен умереть, прежде чем выйдешь из этой комнаты.

Пальцы Зибеля жестко впились в мое плечо. Он был очень сильным, наш доктор Зибель. Но сейчас он выглядел обеспокоенным. Каким-то до невозможности рассеянным. И он не был опасен.

— Как ваша супруга, доктор Зибель?

Он вздрогнул, отвернулся к стене, с которой смотрели на меня ее задумчивые глаза, и снова мелькнуло видение детства — вот она идет по коридору, живая, теплая, гибкая.

— Она очень красива, — сказал я и с трудом перевел дух, а он грустно улыбнулся, и глаза его снова потемнели.

— Она не просто красива, — ответил доктор, — в ней есть что-то свое, что отличает ее от остального мира и делает для меня самой красивой. Наши девушки — это только клонинги от «Мисс Европы».

— А кто наш отец?

— Ваш отец?

Зибель уже не видел меня, он вернулся в прошлое, смягчился, стал совсем другим, каким я его не знал. Он медленно наклонился над перевернутыми ящиками, словно хотел схватиться за них, чтобы не потерять равновесие. Порывшись в ящике, доктор извлек какую-то фотографию, и я вдруг увидел знакомое лицо, во всем повторяющее мое, или, вернее, мое лицо было точной копией этого лица. Дрожащими пальцами я взял карточку, вытер падою выступивший на лбу пот и судорожно склонил склонившуюся слону.

— Вот он, большой ученый, один из самых великих лет тридцать назад. Когда-то я был его ассистентом. И даже любил его... — Голос Зибеля неожиданно сорвался.

Я взглянул на него: его руки дрожали. Почему? Вероятно, сейчас я выглядел так, как в то время выглядел мой отец. И, наверное, через тридцать — тридцать пять лет я буду его точной копией. Я смотрел на свое собственное лицо, измененное годами волнений, забот, раздумий. Я уже любил своего отца, как будто не было этих двадцати лет, как будто я рос на его глазах и каждый день он бывал со мной, учил меня говорить, ходить, писать. В одну минуту я возвращал себе другое детство, другую юность. И совсем другое будущее.

— А он... о нас знает?

— Глупости! — нервно засмеялся Зибель. — Как он может знать? Да он такое бы устроил! Произошла катастрофа, мы кое-как подхватили его и взяли из его кожи сотню соматических клеток, столько, сколько нужно было для вашего рождения. Трудности начались потом, когда нужно было найти сто беременных женщин, извлечь их собственные зародыши и ввести вас. И еще труднее стало через девять месяцев, когда мы постарались освободить их от чужого бремени, а они и не подозревали, что это чужое.

— А эти наши матери? — Я старался тянуть время.

— Матери? Им было сказано, что у них родились мертвые дети.

— Но ведь они все разные?

— Если бы ты так не волновался, — заметил Зибель, — ты бы понял, что это не имеет никакого значения, ведь они выполняли лишь роль инкубатора. У вас есть только отец и его вы повторяете во всем. Мы растили вас в условиях, в которых рано развиваются необходимые для науки качества. Просто скономили массу времени.

— Для кого?

Зибель улыбнулся и не счел нужным отвечать на мой вопрос. Просто и без всякого пафоса он сказал:

— Когда-то ваш отец сам занимался этим явлением — клонированием, но потом отказался.

— Почему?

— Испугался бессмертия... Мальчик мой, — его голос обволакивал лаской и нежностью, — мы стоим на пороге великого переворота, который изменит мир. Мы можем создавать людей по собственному желанию. Если нам нужна будет сотня таких, как ваш отец, мы их получим. Если нам потребуется, мы будем иметь сто Эйнштейнов, сто Ньютонов, можешь ли ты осознать неограниченные возможности клонирования людей. Ты только представь себе... Осознав свою великую миссию, они станут счастливыми.

— Счастливыми? — Я все больше ощетинивался. — А вы счастливы, доктор Зибель? И как вы думаете, я счастлив?

В этот момент вспыхнул экран в стене, появилось лицо молодой женщины, и ее мелодичный голос сообщил:

— Доктор Зибель, к генералу Крамеру. Вас ждут через пятнадцать минут.

— Принял! — Доктор Зибель нажал на какую-то кнопку, и экран погас. Руки доктора беспокойно шарили по письменному столу, а я внимательно следил за ними. — Пока сто таких ученых, как вы, стоят одной жизни, стоят жизни... Если бы с Еленой все было в порядке, я был бы самым счастливым человеком, а что до тебя, мой мальчик, с тобой покончено...

Его руки продолжали шарить по столу в поисках чего-то, чего не находили.

— Для великой миссии я не имею значения. — Торопился выплеснуть свою злобу, пока меня не поглотил этот коварный пол, готовый развернуться под моими ногами в любую минуту, пока меня не ударила вольтовая дуга, которая в любую минуту могла вспыхнуть между стенами, пока меня не прикончило что-нибудь другое, о чем я не подозревал. — Но почему вы не создадите себе новую Елену Зибель тем же способом, каким сделали нас? И тогда вы были бы счастливы, не правда ли? Почему вы не создали снова эту Елену?

Зибель схватился за голову. Он страшно побледнел — я ударил его по самому болезненному месту. Он хотел что-то сказать, но изо рта вырвался лишь хрюк. Я смотрел на него и трезво рассуждал.

Если я хочу остаться в живых, я должен бежать. А я хотел жить. Именно сейчас хотел. Я осмотрелся, подошел поближе, схватил со стола микроскоп и со всей силой ударил им Зибеля по голове. Он сразу обмяк и замер. Я испугался, что убил его. Но доктор был жив, дышал. Я вздохнул с облегчением, мне совсем не нужно было его убивать, только бы добраться до остальных — и я в безопасности. Зибель никогда не посягнет на всех нас. Он не решится посягнуть...

Снова вспыхнул экран, и появилось лицо Хензега:

— Доктор Зибель, вас ждут у генерала Крамера. Вертолет приземляется. Я иду с вами.

Интересно, видел ли меня Хензег? Или же этот кабинет только поглощал информацию, не выпуская ее наружу? Лицо Хензега оставалось бесконечно спокойным, значит, он меня не видел.

У меня не было времени думать. С внутренней стороны замок был обычным, и это спасло меня — я тихо выскоцил из комнаты. Опасаясь встречи с Хензегом, я быстро свернулся в боковой коридор. Изо всех сил я старался идти спокойно, но сердце разрывалось в груди. И все же мне удалось укротить его и вернуться в аудиторию с непроницаемым лицом. Я занял одно из свободных мест, никто не понял, что это я, так же как я сам никогда не знал точно, кто сидит рядом со мной. На руках мы носили браслеты с номерами, места в классных комнатах тоже были пронумерованы, но вопреки строгим правилам ни один из нас никогда не садился на определенное место. Это напоминало игру в прятки. Это был своеобразный бунт, скрытое несогласие, молчаливый протест против всех и вся. Каждый спал в своей постели и носил свою одежду, но только в целях гигиены. И в лаборатории каждый садился на свое место, но только потому, что этого требовали наши исследования. Что же касается чувств, которые мы испытывали друг к другу, то это была странная смесь любопытства, ненависти, любви и зависти. Мы рассматривали друг друга и беспомощно опускали глаза. Не было необходимости в именах. Теперь я знал: мы были клонинги. А где-то далеко старый мужчина ни о чем не подозревал. И спал спокойно. Или... его уже не было в живых?

Мне хотелось вскочить на стол и кричать, кричать до хрипоты, пока не раскрою ту тайну, которую я узнал. Слишком тяжела была эта ноша для одного! Мне хотелось растрясти эти одинаковые мозги, взорвать их, чтобы одним ударом перечеркнуть двадцатилетнюю работу Зибеля и все его безумные надежды. Каким несчастным я чувствовал себя в эту минуту, несчастным и беспомощным — я должен был молчать. И быть один.

Вслед за мной в аудиторию вошел Хензег. Он выглядел обеспокоенным. Очевидно, Зибель пришел в себя у него на руках, конечно, если Хензег знал о существовании тайного кабинета. Они не пошли на совещание, и теперь Хензегу было известно и обо мне, и о нашем разговоре... Хензег молчал, и его молчание не предвещало ничего хорошего. Его взгляд скользил по нашим одинаковым лицам, но это ничего не давало. И он сам это понимал. Нас сотворили такими одинаковыми, до ужаса одинаковыми, с одинаковыми телами, одинаковыми мыслями — и теперь все это обернулось против них самих. Попробуйте отыщите меня! И все же я не совсем такой, как остальные. Со мной была допущена ошибка. Это возможно — природа иной раз проделывает подобные штуки, и на сто случаев всегда бывает одно исключение. Может быть, одна из ста соматических клеток моего отца чем-то отличалась от остальных, но этого не установили даже самые точные аппараты. И я появился на свет, чтобы мешать вам.

Конечно, Зибель забил тревогу. Или Хензег сам... Нет! После обеда, до того как нас повели на осмотр к доктору Андришу, я спрятал украшенную книгу в нашей библиотеке. Ничто не могло смутить меня: ни запутанные тесты, ни чувствительные спирали и молоточки, ни сложные детекторы, фиксирующие малейшее изменение пульса, ни пронизывающий нас克вэз, гипнотизирующий взгляд самого доктора Андриша. Ничто! Я думал о любви. Мне нужно было думать о любви или о чем бы то ни было, только не о Зибеле и не о нашем разговоре. Но мысли о любви снова приводили меня в кабинет Зибеля. И в библиотеку, где была скрыта украшенная книга. Я сделал над собой усилие, чтобы направить мысли в другое русло. Наконец мне это удалось. Доктор Андриш долго осматривал меня, но так же долго он занимался и остальными, и это снова доказывало его бессилие. Я еще не успел по-настоящему испугаться, а он уже потерял ко мне интерес. Сомнения доктора вызвали другой. Я знал, что его ожидает, сочувствовал ему, но вынужден был молчать. Ради всех нас и ради тех, кого еще не успели создать. Не должны были создать! Я смотрел, как ни о чем не подозревающего клонинга ведут к центральному лифту, а оттуда — к смерти. Я до крови закусил губу.

Потом обыскали наши комнаты. А потом взяли отпечатки пальцев.

— Зачем все это? — спросил один. — И чего только не придумают!

Мы с ним последними вышли из кабинета Андриша и задержались в маленьком вестибюле, где во время осмотров обычно ожидали своей очереди. Это помещение отличалось от всех прочих какой-то особенно напряженной атмосферой, как будто доктор Андриш заранее готовил нас к встрече с ним. Красный цвет коврового покрытия и обоев, отсутствие окон и струящийся со всех сторон красный свет возбуждали нас, нервы натягивались как струны, а вокруг разносилось тонкое, едва уловимое жужжение. Сейчас из-за приоткрытой двери кабинета доносился голос Зибеля, и мы не спешили возвращаться к себе.

— Не знаю, дружище. — Я сжал клонингу руку, вслушиваясь в знакомый голос Зибеля.

— Какое совершенство! — В его голосе послышалось и восхищение, и испуг. — Даже отпечатки пальцев одинаковы! Но как же мы его найдем?

— Вы не должны были его упускать! — прошипел Хензег.

Теперь понятно: Хензег контролировал не только нас, но и Зибеля. Клонинг все еще стоял рядом со мной. И вслушивался в их слова.

— Кого они упустили? — шепотом спросил он. — Скажи!

— Но ведь я обнаружил его! — самодовольно засмеялся доктор Андриш.

— А если это не он? — рассуждал непогрешимый Хензег. Я ненавидел его, но отдавал должное его уму.

— Не попытаться ли подключить девушек? И машины. Можно придумать что-нибудь в задачах, над которыми они работают. Надо объявить особое положение. И обязательно предупредить генерала Крамера. А если придется...

— Не торопись! — Кажется, Зибель схватил его за руку, которую Хензег пытался высвободить. — Ты ведь знаешь, что для этого нужно согласие генерала Крамера и вышестоящего министерства и что только в крайнем случае, если повредится герметизация во всех секторах или вспыхнет бунт, только тогда...

— О чём они говорят? — допытывался клонинг.

— ...конечно, в крайнем случае, но каков этот крайний случай, буду решать я. Вы забываете, доктор Зибель, что каждый человек стремится к индивидуальности, — продолжал Хензег. — Это погубило множество людей. И наций. Погубило целые народы, доктор Зибель, целые государства. Вы считали, что устранили индивидуальность. Сначала вы создали солдат. С ними нет проблем, можете создавать их сколько угодно. Но разве Спарта уцелела благодаря своим

солдатам? С солдатами все просто, потому что они не рассуждают, только слепо подчиняются. А эти здесь? Вы использовали один из величайших умов эпохи, перехитрив его. Укради его открытие, от которого он сам отказался. А теперь один из его клонингов знает правду. Вы поступили неблагородно, раскрыв ему...

— Но я думал сразу же ликвидировать его! — защищался Зибель. Он и не подозревал, что я, целый и невредимый, стою за дверью и внимательно слушаю. — Все было в моих руках.

— Но вы упустили его, не так ли? — неумолимо продолжал Хензег. — Вам хотелось поиграть с ним, как кошке с мышкой. Вы забываете, что сейчас положение несколько иное. Нет больше ваших концентрационных лагерей с беззащитными жертвами. Чего вы добивались? Говорите! Вы будете отвечать! Возможно, нам придется уничтожить их всех. Я доложу генералу Крамеру, пусть он решает.

— Нет! — закричал Зибель. Его голос прогремел у самой двери, и мы испуганно прикались друг к другу. — Столько лет работы, мы не можем начинать все сначала!

— Вы не можете, доктор Зибель, а я могу.

— Нет, не можете... — Зибель медленно приходил в себя. — Ни вы, ни я. Мы создали целый научно-промышленный комплекс. Уже поздно, мы выращиваем солдат, химиков, биологов, кибернетиков. Вложены миллионы. И теперь все это уничтожить из-за одного? Нет, доктор Хензег. Мы выходили и из более трудных ситуаций.

— Ты понимаешь, что происходит? — упорно допрашивал меня клонинг, пока мы возвращались к себе. — Ты хоть что-нибудь понимаешь?

— Догадываюсь. А разве ты не понимаешь?

— Нет. Но ты мог бы мне объяснить, правда?

Клонинг ждал. Долго ждал. Я молчал и тянул его за собой в общую аудиторию для самостоятельных занятий.

— Если ты умеешь молчать... если будешь молчать, — сказал я. — Нам всем грозит опасность.

— Понимаю, — прошептал он. — Я сам... часто думал...

Я не верил ему. У меня в ушах все еще звучали слова Хензега, за спиной клонинга мне виделось лицо Хензега. Я должен быть осторожен, опасаться собственной тени. Но разве этот клонинг не моя тень? Разве у меня нет еще девяноста восьми теней? Одна уже исчезла, она оборачивалась назад и приказывала молчать, прежде чем раствориться в коридоре на пути к центральному лифту. А этот около меня был ужасно нетерпеливым.

— Мы должны доверять друг другу. Не знаю, кто ты, но я тебе верю. Мой номер девяносто три. Если понадобится...

Я не назвал ему своего номера. И он ушел, грустно покачав плечами. Я вернулся в библиотеку. Подошел к полке, где была спрятана моя книга, достал ее и стал рассматривать. Книга, испещренная красивыми словами, непонятными словами, не поддавалась. Но я понял самое важное. Человек не формула, выражаемая только нуклеиновыми кислотами. А за пределами нашего мира существует совершенно иной мир. «Как нарисовать птицу?» Что значит нарисовать, спрашивал себя я. «Сперва нарисуйте клетку с настежь открытой дверцей, затем нарисуйте что-нибудь красивое и простое, что-нибудь очень приятное и нужное для птицы. Затем в саду или в роще к дереву плотно прислоните...»

Я был беспомощен и одинок. Хензег на минуту заглянул в библиотеку и ушел.

«Не падайте духом, ждите, ждите, если надо, годы...»

Я повторил эти слова. Откуда-то появился Зибель. Рассеянный и мрачный, он прошел мимо меня, не обратив внимания на книгу. Рассмотрев последнюю страницу, я снова спрятал книгу между учебниками и, опьяненный незнакомыми и красивыми словами, вернулся к себе в комнату.

Я должен быть осторожен. На каждом шагу. Скрыть все и от всех. От всех? Вечером появились девушки и разошлись по нашим комнатам. На следующую ночь они снова были здесь. Как-то странно себя вели, или мне только казалось? Но они были нежнее, умнее, все время о чем-то спрашивали, что-то хотели узнать. Может, это Хензег спрашивает их устами? В темноте я нажал на браслет той, которая проводила со мной эту ночь, а потом резко зажег свет и увидел цифру пять. Она ничего не заметила. Следующую ночь снова была она.

— Нас десять девушек, — прошептала она и обняла меня за шею.

— Правда? — Я изобразил удивление, хотя уже все знал от Зибелы. Но я должен быть начеку, каждый вопрос, даже самый невинный, может быть ловушкой. — А мне всегда казалось, что ты единственная. Для меня единственная. Ведь ты единственная? Скажи!

Она смотрела на меня, грустно улыбаясь. Мне хотелось ей верить. Больно было думать, что нельзя доверяться целиком этой красоте и грусти. Ее губы приоткрылись, но ничего не сказали, возможно, как и я, она думала о том, как прекрасно быть единственным для кого-то, как прекрасно, но нам это не дано.

— Нас десять, — повторила девушка. — И мы похожи друг на друга, как десять капель воды. А вас сколько?

— Не знаю. — Я покал плечами, хотя знал от Зибелы. — Я думал, что нас гораздо больше, вернее, я вообще не думал об этом.

— Каждую ночь я провожу с кем-то из вас и никогдя не знаю с кем. Вы такие одинаковые. Мне кажется, что я обладаю всем миром. И не имею ничего. Я ведь и прошлой ночью была здесь?

— Да.

— А может быть, это была не я, а кто-то из...

Она не сказала «сестер», как и я никогда не говорил «братья». И никто из нас никогда не произносил этих слов. Мы были так похожи, были такими одинаковыми, но между нами не возникало чувства привязанности и любви. Мы тайно наблюдали друг за другом и тайно друг друга ненавидели. А если девяносто третий и в самом деле мне верил?

— Ты встречал кого-нибудь красивее меня?

Я мог бы сказать «да» и погубить себя, но правда ли это, разве я мог сравнивать? Ее губы были мягкими, длинными, до пояса волосы — шелковистыми и блестящими, я был мужчиной, держал в объятиях самую красивую женщину, а вспоминал лицо Елены Зибель, одухотворенное, так отличающееся от этого совершенного лица. В глазах Елены было больше боли, тайны, в ее улыбке — больше надежды, гладкий лоб скрывал больше мысли, но об этом знал только я и не должен был забывать, чтобы оставаться в живых. За спиной девушки стоял Хензег и ждал. Поэтому я сказал:

— Ты единственная женщина, которую я видел.

— Нас десять, — грустно проговорила девушка. (А откуда она об этом знала?) — И никогда нас не будет больше. Наша мать мертва. (И это ей было известно?) А мы не можем рожать.

— Что такое рожать? — Мне хотелось ее испытать.

— Это таинство, — кратко ответила она и улыбнулась. — Великое таинство... Разве ты не задумывался об этом?

Ловушка... Ну что ж, доктор Хензег...

— Меня это никогда не интересовало. Время от времени я чувствую в тебе необходимость, и ты приходишь. Я успокаиваюсь и снова думаю о проблеме приспособляемости, штаммах, изменении генов... В зависимости от задачи, поставленной передо мной Зибелем. Но тебе трудно это понять.

— А ты никогда не думал о смерти? — не успокаивалась девушка. — Мы так близки к ней, но совсем ее не знаем, здесь еще никто не умирал, но мне кажется, что смерть очень страшна. И все-таки мне иногда хочется умереть, а не жить такой жизнью. Разве мы созданы только для того, чтобы успокаивать вас, когда вы отдахаете? Но я и умереть не могу. Здесь нет возможности. (Есть! Есть!) Вот я и выдумываю свой особенный мир, похожий на тот, что в книгах (каких книгах, о каких книгах она говорит?), и когда мне делается совсем невыносимо, я начинаю верить в этот выдуманный мною мир, который живее и красивее настоящего (а какой он, настоящий?), и тогда я могу смеяться. Посмотри на меня, ведь я красивая и похожа на людей, рожденных от любви...

Да, все ясно, книги, смерть, рождение, любовь... Несчастный клонинг, она явилась испытать тебя и... погубить.

— Ты действительно отличаешься от остальных. И ведь ты меня любишь? Скажи, что ты меня любишь! Обмань меня! Иногда я задыхаюсь от нежности.

Не допустил ли я в чем-то ошибку?

Она подняла мою руку и посмотрела на номер. Я пропал!

— У тебя счастливый номер. Но мне бы хотелось дать тебе имя. В тебе есть что-то необычное, какая-то искра, которая мне очень нужна. Мне иногда бывает так холодно, хочется плакать, сама не знаю почему. Скажи, что ты меня любишь, даже если это и не правда! Я дам тебе имя какой-нибудь звезды.

— Не хочу я никакого имени!

— Денеб...

— Не хочу я никакого имени!

— Альтаир...

— Глупая, разве имя имеет какое-нибудь значение?

Я приблизил к себе ее лицо. Подбородок подрагивал.

— Для меня имеет. Я буду называть тебя этим именем. И ты будешь отзываться. И тогда ты будешь единственным для меня, а я — единственной для тебя. Зови меня Вегой.

6

Напряжение нарастало с каждым днем. Как обычно, с утра мы спускались в физкультурный зал. Делали легкие упражнения, которые прогоняли усталость, вызванную долгими часами работы в лаборатории, и возвращались туда свежими и обновленными. Глаза Хензега выхватывали нас из постели, следили за нами по коридорам, зорко ощупывали в физкультурном зале, провожали до рабочих мест. Но эти же глаза обостряли мое внутреннее зрение, и не только мое, я все чаще замечал похожее состояние у других

и постоянно спрашивал себя, что мы делаем и зачем. Мне стала понятна роль Зибеля: он стоял во главе нашей научной работы, распределял на группы, каждая из которых занималась конкретными вопросами, а обобщения производились у него в кабинете. Но над Зибелем стоял Хензег, и именно Хензег осуществлял связь с таинственным генералом Крамером, который следил за нашей работой и ждал результатов. Я старался понять цель. Зибель не сказал мне о ней ни слова. Я понимал: нужно что-то сделать, но не знал, что именно, и не мог действовать в одиночку. А если их комплекс взорвать вместе с нами? Нет, не то... Они и сами это предвидели. Почему? Где-то здесь укрыт ядерный самоликвидатор, о котором знает только Хензег, а может быть, и Зибель, и который можно использовать в случае биологического заражения или бунта. Биологическое заражение? Бунт? Нет, опять не то... От Хензега я знал, что и в других местах создали таких, как мы, выносливых и умных мужчин, беспрекословно подчиняющихся их приказам. Оставалось только одно — выбраться отсюда любой ценой, добраться до людей и рассказать им все. Но в одиночку я ничего не мог сделать.

Мы были свободны только по вечерам. Но тогда приходили девушки. Я был более чем уверен, что они шпионят за нами, пытаясь добраться до наших самых сокровенных мыслей, что наши полупустые комнаты, обставленные лишь самым необходимым, прекрасно прослушивались и просматривались. Я был взвинчен до предела, но улыбка не сходила с моего лица. Я старался спокойно разговаривать и не отставать в работе, чтобы не давать повода для подозрения.

Я искал девяносто третьего. Если понадобится, сказал он, и это прозвучало как заклинание. Я не представлял себе, как это сделать и как он смог бы найти меня, но я искал и надеялся. Я ждал его и в то же время следил за Зибелем в надежде еще раз проникнуть к нему в кабинет. Но неутомимый Хензег всегда был рядом с ним и вставал на моем пути. И я решился попросить одного из наших под каким-нибудь предлогом задержать Хензега. Хензег остановился, и они о чем-то разговаривали; когда Хензег попытался отвязаться, его остановил другой, услышавший мою просьбу, потом третий, и вскоре около него выросла целая стена клонингов, которую Хензегу никак не удавалось обойти.

Я все время ждал, что меня раскроют. Ворвался в комнату вслед за Вегой, и она укажет на меня своей изящной рукой, а потом меня поведут к центральному лифту. Но за мной никто не приходил. И девяносто третий не отзывался. А я никак не мог добраться до тайного шкафа в кабинете Зибеля. Мне нужен девяносто третий.

На переменах я всматривался в одинаковые лица, хватал за руки и искал нужный мне номер.

— Кто тебе нужен? Может быть, я могу тебе помочь? — спрашивал каждый.

— Мы ведь во всем одинаковы. Наверное, и я был...

В ту же минуту меня догоняли глаза Хензега. Он незаметно вырастал за моей спиной, и я растворялся среди других. Я все больше шел на риск, но уже не мог не рисковать. Я первым приходил в столовую и ждал у дверей.

— Номер? — спрашивал я у каждого.

Некоторые машинально отвечали, другие обманывали, трети задавали вопросы. Реакции, однако, были различными, и это вселяло надежду. Появлялся Хензег, я покидал свой пост, ждал, пока он поест, застыпал на стуле, потом вскакивал, хватая руку соседа справа, и беспомощно отпускал ее.

Я был один. Все еще один.

Я был не один.

Спрятанная мною в библиотеке книжка иногда исчезала с полки. Я расхаживал между столами. Один из клонингов вздрогивал. Я подсаживался к нему, стараясь заглянуть в книгу, но он закрывал страницы обеими руками.

— Не надо, приятель, — тихо шептал я. — Сперва нарисуйте клетку с настежь открытую дверцей...

Клонинг вскакивал и тотчас скрывался за дверью. Он боялся, а я снова и снова возвращался в свою одиночную комнату. И здесь встречался со своим отцом.

Старый ученый медленно приближался, глядя на меня глубоко запавшими глазами. Он не мог сказать ни слова. От удивления. От гнева. Мне хотелось очутиться в его объятиях, но он только внимательно разглядывал меня как... как продукт вегетативного размножения. Все заранее рассчитано. Каждую ночь я заново переживал эту встречу.

Я был один. О-ди-и-н...

В эту ночь Вега была печальнее, чем всегда, нежнее и беззащитнее.

— Альтаир! Как хорошо, что ты привыкаешь к своему имени. Зови меня Вегой, прошу тебя. Называй меня по имени, разве это так трудно? А я принесла тебе подарок.

Она выглядела, как ребенок, пряча подарок за спиной, заставила меня закрыть глаза, а потом прижалась к моей груди. В руках у меня осталась маленькая книжка в кожаном переплете. Я стал листать страницы. Похоже, книга была из кабинета Зибеля. Среди

знакомых слов встречалось множество непонятных. Прежде чем я успел спросить, откуда у нее эта книга, Вега сказала:

— Мне ее подарил Зибель. Вместе с этой книгой попадаешь в какой-то новый мир, в другую жизнь. Но нужно огромное терпение, чтобы понять...

У меня было достаточно терпения. Это было заложено во мне как наследие нескольких поколений учених в роду моего отца. Вега села за стол, раскрыла книжку.

— Мне бы хотелось, чтобы потом ты объяснил мне некоторые вещи, здесь столько непонятного. Ты такой умный, Альтаир, очень умный, ты быстро разберешься...

— Вряд ли у меня будет время,— равнодушно сказал я.— Я не должен отвлекаться, мне нужно заниматься проблемами, которые стоят передо мной. Понимаешь, наука...

— Хватит!— неожиданно выкрикнула Вега. Я никогда не видел ее в таком состоянии.— Неужели ты до сих пор ничего не понял? Разве ты слепой? Разве...

Вега перевела дух.

— Что это за наука, которая ищет все новые виды смерти! Штамм 12. Штамм 112. Штаммы, штаммы, штаммы... Это же опасно! Отвратительно! Грязно! Одна ошибка, и вы можете погибнуть. Но вы всегда внимательны, не правда ли? Не забываете пройти стерилизационную камеру! А известно ли тебе, что в секторе А произошла авария и пятеро умерли в страшных мучениях? Я боюсь за тебя! Боюсь!

Я схватил ее за руку.

— Откуда ты все это знаешь?

Вега постепенно приходила в себя. И молчала.

— Откуда ты все это знаешь?— Я сильнее скжал ее руку.

Она охнула, огляделась по сторонам, прижалась ко мне и прошептала:

— А ты не выдашь меня? Будешь молчать?

И она боялась. Снова оглядевшись, она ощупала кровать, шкаф, письменный стол, провела ладонью по стенам, а потом заговорила:

— От этого сумасшедшего Зибеля. Он приходит ко мне, очень часто приходит, путает меня с какой-то Еленой, ласкает меня, говорит, говорит и плачет, хочет со мной бежать, говорит, что здесь есть тайный ход, который... Он все время жалуется, что Хензег его в чем-то подозревает, а генерал Крамер давит на него...

Я все еще не верил ей.

Авария в секторе А. Нужно проверить.

Она молча спрятала лицо у меня на груди и заплакала.

— Люби меня!— шептала она, плакала и целовала меня и задавала вопросы, которые были мне так знакомы, потому что напоминали мои. Их не могли выдумать ни Зибель, ни Хензег. Чтобы их выдумать, нужно быть клонингом.

7

Осмотры у доктора Андриша участились. И стали более продолжительными.

Мне хотелось как можно скорее покинуть его кабинет, но он задерживал меня, угощая сигаретами, от которых я всегда отказывался. Я садился напротив и улыбался, разговоры начинались издалека, с несовершенства человека; внимательно слушая, я кивал головой, соглашался... И все время улыбался. Доктор Андриш поверил мне свои планы, вероятно, и ему здесь было одиноко. В соседней комнате стоял новый электронный Гиппократ. Долго и сосредоточенно монтировали его двое молчаливых клонингов, а доктор Андриш показывал мне его, объясняя, как можно раз и навсегда лишить человеческое тело тайн, а мозг — мыслей. Все будет записываться в машинной памяти этого красавца, что изрядно облегчит работу доктора Андриша с нами. Доктор Андриш мечтал создать гигантский, совершенный мозг, для питания которого необходима кровь всего человеческого организма. И человек будет существовать с единственной целью — питать этот совершенный орган, чтобы он рождал теории и гипотезы, лишенные чувств и совести и беспощадно обрекающие на смерть не только других, но и себя. Создание такого мозга было единственным смыслом жизни доктора Андриша. А член, собственно, отличался от этой модели мозг Хензега?

— Ты понимаешь меня?— спрашивал Андриш.

— Пытаюсь.

С каждым прошедшим днем Зибель становился все печальнее, все рассеяннее. Он избегал общества, избегал даже доктора Андриша, с которым его связывала старая дружба. Он был и в то же время не был с нами. С концом Елены Зибель приближался и его конец.

А Хензег следовал за ним как тень. Я открывал в Хензеге все новые качества, он все больше напоминал мне олицетворение мечты доктора Андриша — мозг, вычерпывающий кровь из всего тела. Иногда мне хотелось сказать ему, что он похож на клонинга, что он в большей степени клонинг, чем все мы, вместе взятые. А может быть, он и в самом деле клонинг, созданный Зибелем задолго до нас?

А однажды наш доктор Зибель пришел одетый

в черное, с неподвижным и мертвым лицом. Я услышал, как он сказал доктору Андришу:

— Она умерла, доктор. Мы делаем чудеса, а смерть покорить не можем. Мы с ней союзники, а она бьет нас по самому больному месту. Дорого платим за все. Стоит ли?

— Но и нам хорошо платят, не так ли?

Доктор Андриш ободряюще похлопал его по плечу, которое как-то сразу обмякло. Он посмотрел на Зибеля в лицо, достал из кармана белого халата какие-то голубые таблетки и протянул их доктору. Зибель долго держал их на раскрытой ладони, разглядывая внимательно и с недоверием.

— Будешь спать как убитый. И забудешь ее. С каждым днем все больше будешь забывать.

Зибель улыбнулся — в улыбке не было ни капли доверия.

— Я никогда ее не забуду. Я встречал женщин красивее, умнее, моложе, но для меня она была единственной. Всю мою жизнь. Не то что у меня не было других, были, конечно, но она оставалась единственной. Ты можешь это понять?

— Нет.

8

Я возненавидел доктора Андриша. Как можно было не понять? Несмотря на живое лицо, он вдруг напомнил мне электронного Гиппократа. А к Зибелю я почувствовал симпатию. Он страдал и не стеснялся своих страданий. Его лицо изменилось, помягчело... Я понял, что страдание меняет людей. Делает их добре. Или зле. Зибель стал другим.

Как-то поздно вечером я вошел к нему в кабинет. Он не удивился, принял меня совсем естественно и как будто даже обрадовался моему приходу. Предложил мне сесть, медленно надел очки и внимательно посмотрел на меня. Нам нужно было найти общий язык. Ради Веги. Ради пятерых погибших...

— Доктор Зибель...

— Кто ты? Не тот ли...

— Да, тот, кто знает тайну. Не очень красиво было с вашей стороны выдавать меня. А что вы сделали с клоном, на которого указал доктор Андриш?

— Его убили. Я не мог их остановить. Тогда нужно было сделать выбор между одним и всеми остальными. Я выбрал одного, хотя знал, что это не тот. Я чувствовал, что не тот, и искал тебя. Теперь вас девяносто девять.

— Нет... теперь нас девяносто четыре... Ну что, вы снова меня выгадите? Достаточно сказать Хензегу...

— Глупости! Хензег и сам справится, он талантлив, он никогда не ошибается. Если бы ты оказался у него в кабинете, он не упустил бы тебя, обязательно нашел бы. А я старый и усталый. Я потерял все, что любил. Елена меня покинула. Иногда я думаю, что нужно было посвятить свою жизнь борьбе с этой ужасной болезнью.

— Еще не поздно. И все-таки почему вы не создали новую Елену Зибель? Так, как создали меня?

Лицо Зибеля вытянулось.

— Я любил ее. Что ты понимаешь в любви? Это была бы не Елена. Есть вещи, которых нельзя касаться. Понимаешь?

— Почему вы думаете, что я не понимаю? Разве у меня отсутствует хотя бы одно нормальное человеческое чувство?

— Нет... Но все-таки...

— Я никогда не буду вам благодарен, что вы сделали меня таким способом.

— Знаю,— грустно сказал Зибель.— Никто не будет мне благодарен, хотя ради вас я пренебрегал и любовью, и сном, и здоровьем. Ради вас я все поставил на карту, и теперь каждый из вас именно то, чего я добивался. Уже ничто не может измениться, мы должны достигнуть цели. Мы вернем величие нашей нации, но что ты знаешь об этом? Мы владели половиной мира, а потеряли все...

Его лицо медленно обретало свой естественный цвет. Порывистым движением он вытер капли пота. И продолжал:

— Теперь мы должны снова завоевать мир. Вы нам в этом поможете. Даже если вы этого не хотите, даже если придется погибнуть...

— Как те, кто был в секторе А...

Зибель удивленно посмотрел на меня.

— Да, как те, кто был в секторе А. Проба 24 оказалась неудачной. Но откуда тебе это известно, мой мальчик?

— От вас, доктор Зибель.

— Хм...— Зибель на минуту задумался.— Если мы что-то пока держим в тайне, то только потому, что еще не наступил наш день...

Зибель ничего не опровергал, значит, авария действительно была. И пятеро погибли...

— А когда наступит этот день?

— Скоро, совсем скоро. И мы будем к нему готовы. Мы продвинулись далеко вперед, у нас на складах огромные запасы, которые постоянно пополняются. Возможности, которые предоставляет нам молекулярная биология, превзошли все наши ожидания.

Я старался держать его подальше от стола, все

время быть между ним и столом. Я знал, что там находятся кнопки для самозащиты и нападения, я понял это еще в прошлый раз по лихорадочным движениям его рук и стремлению приблизиться к столу.

— А почему Хензег преследует вас? Кто он? Ученый или...

Зибель огляделся. Экраны на стенах молчали. Не было видно контуров тайной двери, ни один звук не проникал в кабинет. Все спали. Зибель знал, что у него есть время. И не спешил.

— Хензег? Ученый, конечно. Он много знает. И много может. Но его задача следить за вами, за нами, за всеми. И в случае опасности ликвидировать...

— Но ведь вместе с нами погибнете и вы, доктор Зибель?

Зибель засмеялся.

— Зибель никогда не погибнет, запомни это! Зибель никогда не раскрывает всех своих карт и всегда держит в запасе путь к отступлению. Свой путь. Знаю, что Хензег следит за мной, но я постоянно ускользаю. Когда мы строили эту базу, Хензег был еще ребенком и мочил пеленки, но уже тогда я знал, что обязательно появится кто-то вроде Хензега, и я сделал кое-что, известное только мне. Понимаешь? Если я почувствую серьезную угрозу, я выберусь наверх. Возьму с собой одного из вас и начну все сначала. Наша нация терпела поражения и воскресала из пепла, потому что всегда были такие, как я...

— Возьмете меня с собой? Ведь я...

— Нет, мой мальчик. Я возьму одну из девушек. Я уже сделал выбор. А ты чересчур много знаешь. Твой отец тоже слишком много знал. И умер.

— Только одного я не могу понять: почему вы не создали новую Елену Зибель? Почему не создали новую Елену? Почему не создали...

Он направился ко мне. Быть у него что-то в руках, он ударил бы меня. Он задыхался, его лицо горело, что-то во мне дрогнуло, но я не двигался и не сделал ни шага назад, я смотрел на него, смотрел в упор на старого, непобедимого Зибеля, ускользающего отовсюду и при любых обстоятельствах. Мне было его жалко. И вместо того, чтобы убить его, раздавить...

— Ах ты, наглый, грязный клонинг!

И Зибель сам рухнул на пол у моих ног.

9

Я бросился бежать и остановился только в коридоре. Оставаться здесь было опасно. Нужно как можно скорее смешаться с другими. Доктор Зибель в любую минуту мог прийти в себя. Я глубоко вздохнул и медленно, спокойно зашагал по коридору. Мне навстречу шел Хензег. Он изучающе посмотрел на меня и, посторонившись, дал возможность пройти. Я не выдержал и обернулся. И Хензег обернулся. Понял ли он, что я вышел из кабинета Зибеля? На его глазах я вошел в свою комнату. Когда я снова вышел, в коридоре уже никого не было. Внимательно оглядевшись по сторонам, я проскользнул в комнату напротив.

— Сегодня ночью я жду девушку, но как-то неважно себя чувствовать. Если хочешь...

Он хотел, глаза его заблестели. Мне было ужасно его жалко, и я задержал его в дверях. Я рассказывал ему о своей работе, расспрашивал о его, а он нетерпеливо посматривал на часы. Я не имел права на жалость. В последний раз я пожал ему руку.

— Спасибо тебе, дружище.

Он не понял, за что я его благодарил. Я увидел в дверях его расправленные плечи. И больше ничего.

В эту ночь я не сомкнул глаз. Зажав голову руками, я ходил взад и вперед по чужой комнате. С этой ночи она станет моей комнатой. Я осмотрелся. Такая же кровать. Такой же стол. Такой же абажур. Такой же книжный шкаф. Даже книги такие же. Такое же одеяло в клетку. У меня не было выбора. У меня на пути стоял Хензег.

Часа через два Вега выскочила из комнаты, растрепанная, испуганная, готовая кричать. Оставив дверь широко распахнутой, она побежала по коридору. Я на цыпочках прокралился в комнату. Все было точно так, как я себе это представлял. Клонинг лежал на спине, глядя в потолок неподвижными мертвыми глазами и скимая одревесневшими пальцами покрывало. Я окаменел от его неподвижности, впервые в жизни я видел труп, снял с него браслет с номером и надел ему свой. Имел ли это смысл? Не знаю, просто мне хотелось уничтожить всякое подозрение. Скоро должны за ним прийти. Я незаметно вернулся к себе. Меня била дрожь. В коридоре послышались шаги, шепот, хлопанье дверей, приглушенный разговор, а потом снова наступила тишина.

10

На следующий день, несмотря на траурную одежду, Зибель выглядел веселым и уверененным в себе. Не поднимая головы, я наблюдал за ним. Войдя в аудиторию, он скользнул взглядом, в котором ощущалось превосходство победителя, по нашим одинаковым лицам.

Вечером они собрались в круглом зале на синем

этаже. Каждый этаж здесь освещался разным ярким светом, все они были построены по одному и тому же плану.

Я расхаживал около массивных дверей круглого зала и тщетно пытался что-либо услышать. Стены, отражающие мягкий синий свет, поглощали каждый звук, ковер заглушал звук моих шагов. И шаги другого, кто вырос за моей спиной. Мы подозрительно посмотрели друг на друга и разошлись, потом, не произнося ни слова, снова подошли друг к другу. И так несколько раз. Может быть, его поставили здесь для охраны? Вряд ли. Разве могли бы они довериться кому-то, кого нельзя отличить от других?

— Послушай, — наконец решился я, — нам нужно больше доверять друг другу. Один ты ничего не сможешь сделать, так же как и я.

Клонинг вздрогнул. Неужели передо мной стояла девяносто третий?

— Почему они заседают? Опять что-нибудь случилось? Я постоянно слежу за Хензегом, а он постоянно следит за Зибелем, а у Зибеля по пятам все время идет один из наших. Я ищу его, хочу ему помочь, а он от всех скрывается. И от меня тоже. Почему? Бойтесь...

— Все в их руках!

— А в наших руках наша анонимность. Мы можем превратить ее в такое преимущество, от которого у них волосы встанут дыбом. Среди убитых были твои друзья?

— У тебя здесь есть друзья?

— Нет. Но должны быть. Сначала нас будет двое, потом — четверо, потом...

— Ты мне не веришь. Почему?

— Я боюсь, что за тобой стоит Хензег. Хензег — везде.

— Глупости! — засмеялся я, в первый раз засмеялся. — А я не боюсь. Даже если ты меня выдашь. Страх для человека — самое ужасное. Но мы не люди. Мы — клонинги.

— Перестань смеяться... Пойдем, я тебе кое-что покажу.

Мы спустились в лабораторию. Через три стерилизационные камеры. Через два процедурных коридора. Вошли в сектор Ц. Там никого не было. Среди множества пробирок, колб и реторт он показал мне изолированные клетки моркови в питательной среде, которые превратились в нормальные плоды, с корнями, цветами и семенами. Оказывается, он проделал аналогичные опыты с клетками табака, осины, женьшеня. Результат тот же...

— Ведь это вегетативное размножение, вся генетическая информация собрана в одной клетке, она дремлет в ней, пока... Ты понимаешь?

Наспех я рассказал ему все, что знал. Он застыл. То, до чего он дошел экспериментальным путем, подтверждалось.

— Наша одинаковость может быть преимуществом, но может быть и помехой, — шепнул я ему в ухо.

И мы перед ней бессильны. Мы должны все вместе продумать. И прежде всего — как друг друга распознать.

— Предоставь это мне. Я кое-что придумал.

В его комнате, которая представляла собой точную копию моей, отключив подслушивающее устройство, я снова рассказал ему все сначала. Об убитых клонингах. О Зибеле. О нашем отце, обманутом Зибелем. О провале в секторе А. И о термоядерном самоликвидаторе. Только о Веге я ничего не сказал, это было мое личное и его не касалось. Он внимательно слушал.

— А где находится этот самоликвидатор?

— Вот это мы обязательно должны выяснить. Чтобы его обезвредить. Его местонахождение известно Хензегу. Зибель, вероятно, тоже знает. В случае повреждения герметизации, угрозы биологического заражения или бунта...

деле. Через некоторое время ко мне пришла одна из девушек. Вряд ли это Вега, мне не хотелось, чтобы это была Вега, ведь комната сорок седьмого осталась пустой. Но втайне я надеялся, что это она.

Девушка села на кровать и уставилась в стену. Не так она должна была себя вести. Она должна всегда улыбаться и быть готовой к любви, а потом тихонько уходить. Девушка долго молчала.

— Вы не знаете, что случилось с сорок седьмым номером? — Она внимательно посмотрела на меня. — Ваша комната как раз напротив.

— Не знаю, — ответил я и отвернулся. Я не любил врат.

Девушка посмотрела на меня, на мгновение в глазах ее блеснула искра надежды, которая тотчас угасла и сменилась тоской. Она встала, оглядела комнату, покачнулась, но вовремя схватилась за дверную ручку.

— Вчера вечером он как-то странно себя вел... Не узнал меня... С ним ничего не случилось?

Она плакала. Ее худенькие плечи казались ужасно одинокими и беззащитными. Я мог бы обнять ее, сказать несколько ласковых слов, но я не сделал этого.

— Извините. Вы не можете знать.

Она ушла. Я спрашивал себя, была ли она в моей комнате. Легкая и воздушная, она все унесла с собой. Осталось только неуволовимое чужое присутствие. Из зеркала с неприязнью на меня смотрело мое собственное лицо. Оно казалось мне до ужаса чужим, это мое лицо, повторенное девяносто три раза. Я провел по нему рукой, словно пытаясь стереть его, но оно снова выплыло из-под моих пальцев. И тогда я сжал руку в кулак и ударили по собственной физиономии в зеркале. Зеркало разлетелось на тысячи маленьких осколков, как когда-то давным-давно, они рассыпались у меня в ногах, а по пальцам потекла кровь. Я почти не почувствовал боли, только жуткую усталость, от которой мне стало плохо.

12

Яркий свет в коридоре казался белым. На мгновение я закрыл глаза, чтобы смыкнуться с освещением: когда я их открыл, было уже лучше. Не соображая, что делаю, я направился в залу. Заседание все продолжалось.

Я вернулся.

Девяносто третий тоже не спал. Он вздрогнул, увидев меня, что-то выключил, но когда понял, что это я, улыбнулся и кротко сказал:

— Слушай!

— ...семерых уже нет в живых. — Это был голос Хензега.

— Но у нас еще есть девяносто три, — оправдывался Зибель.

Девяносто третий в напряжении слушал. В тишине снова раздался голос Хензега и разлился по комнате. Он продолжал излагать свои мысли.

— ...всегда хотел мира. Его пытались подкупить, заставить силой, но ничего не удалось. И все-таки его перехитрили, не так ли? Девяносто три мозга работают на нас. Превосходство на нашей стороне. Мы снова станем самой сильной нацией.

Хензег все больше увлекался. Девяносто третий продолжал слушать.

— Не понимаю, почему мы должны держать в тайне их происхождение? Ведь оно еще раз докажет им достижения нашей науки. Я как психолог считаю...

— Еще рано, слишком рано, — перебил Хензег доктора Андриша. — Истину нужно преподносить в строго определенный момент, когда человек созрел для нее, в противном случае она обесценивается. Для них этот момент еще не наступил. Не следует забывать, что они — точная копия своего отца. А каково было его отношение к созданию клонингов? А к нашей политике? Вы должны это помнить, доктор Андриш. И вы, доктор Зибель. Ведь вы так хорошо его знали! Теперь, когда мы почти у цели, мы не имеем права на новые психологические опыты. В тот момент, когда кто-нибудь из них осознает свою индивидуальность, все будет потеряно.

Девяносто третий поглощал каждое долетавшее до нас слово. Я попытался заговорить с ним, но он сделал рукой нетерпеливый знак. Зазвучали оправдания доктора Андриша:

— Доктор Зибель действительно ошибся. А с тем, первым, на которого я вам указал, тоже было не все в порядке. Он знал о портрете Елены. Откуда он мог знать, если не бывал в кабинете? Какие вам еще нужны доказательства? А кроме того, мне кажется, что и остальные чересчур много рассуждают, и не исключено, что они сами дошли до идеи создания клонингов...

— Глупости! — резко оборвал его Хензег. — Никто не верит в то, во что не хочет верить. Поэтому, несмотря на широкие познания, они не могли сами...

— А ведь он прав, черт его подери, я сам дошел до этого, но никогда бы не поверил, что и мы... — пробормотал девяносто третий и посмотрел на меня. Я молча согласился. И я бы никогда не поверил, если бы не пошел за доктором Зибелем.

— И потом, — не сдавался доктор Андриш, — этот опыт с девушками... Еще одна ошибка Эриха Зибе-

ля. — В этот момент он готов был отказаться от старого друга, думая только о собственной шкуре. Они не должны были знать, что женщина вообще существует. Какова ее роль? Только для развлечений? Но они слишком умны, чтобы в это поверить. И если хоть одна из девушек забеременеет, нам придется ответить на многие вопросы.

— Этого никогда не произойдет, — отозвался резкий голос Зибеля, готового защищаться. — Не случайно я выбрал бесплодную красоту «Мисс Европы». Эти девушки повторяют ее во всем. Не забывайте, что и клонингам нужны иллюзии, как людям, что и у них есть излишняя энергия, которая должна на что-то расходиться, но все же главным остаются иллюзии. Хорошая иллюзия действует дальше отравы. А разве есть для мужчины лучше иллюзия, чем женщина?

— Но если эта ваша иллюзия все-таки забеременеет? — не унимался доктор Андриш. — Как только не шутят с нами природа!

— Нет, доктор Андриш. — Хензег, потерявший терпение, попытался прекратить спор. — Прошло то время, когда природа подшучивала над нами. Теперь мы с нею шутим. И притом весьма успешно. Если вы этого не поняли, какого черта вы здесь делаете?

13

Заседание продолжалось. Голоса время от времени пропадали. Девяносто третий, лежа на полу, закрыв собой микроустройство, внимательно слушал. И вздрагивал. Мне все было ясно. Если бы не навязчивая мысль о бегстве и не вера в него, я ворвался бы в кабинет доктора Андриша и наглотался его таблеток, от которых засыпаешь навсегда. Доктор Андриш хранил их в зеленой банке в углу своего медицинского шкафа. Но мне не нужны эти таблетки. Я выберусь отсюда, ведь и Хензег считает, что это не так уж невозможно. Я доберусь до людей, до обычных людей, для которых пишут стихи, поют песни, рисуют картины. Сюда каждую ночь приходит кто-то из этих людей. Я часто слышал ночами шаги в коридорах, разговоры, приглушенный смех, видел движение теней, видимо, ночью сюда доставляли продукты, медикаменты, пробы и прочие необходимые для нас вещи. Вряд ли кто-нибудь из них знал правду, они приходили в темноте и уходили в темноте. Не задавали вопросов и не ждали ответов. Загадочные, безликие и безымянные.

Девяносто третий продолжал подслушивать. А рядом со мной появился старый учёный. Я осмотрелся. Девяносто третий ловил своим устройством пропадающие голоса Хензега и Зибеля. И ничего не замечал.

— Чего ты боишься? — спросил меня отец. — Ты ведь похож на меня. Я много сделал для людей. И неожалел ни собственного благополучия, ни себя самого. И ты не пожалеешь. Каждый человек обязан сделать что-то хорошее, хотя бы один маленький шаг вперед. Ты убежишь отсюда, чтобы рассказать все людям, я с тобой, мир не так уж велик, и я научу тебя, что делать. Я мертв, но ведь ты жив, а ты — это я. Я никогда не боялся. И ты не бойся. В кабинете Зибеля ты найдешь историю моего времени. Изучи их внимательно, они раскроют тебе глаза. И помни: совесть ученого — его ответственность перед миром. Готов ли ты отвечать за свою работу? Кому ты служишь? И будь осторожен с Зибелем, он может перехитрить и Хензега, и всех вместе взятых, он — хитрая лисица, в третий раз тебя не упустит. Дай руку девяносто третьему, протяни руку остальным, станьте одной цепочкой, стенной...

— Да, — прошептал я.

— Что с тобой? — спросил девяносто третий и тревожно взглянул на меня. — Не шуми! Сейчас должен прилететь какой-то генерал Крамер. Похоже, важная птица. Ты что-нибудь о нем слышал? Они собираются объявить особое положение.

— Зибель не допустит. Для него это... конец.

— Надо поторопиться. — Девяносто третий поднялся с пола. — С каждым днем становится все труднее. Я буду держать в поле зрения Хензега, а ты присматривай за Зибелем. И нужно скорее подключить кого-нибудь из наших.

14

Дорога в мир начиналась из кабинета Зибеля. Нужно было снова попасть туда. Я знал эту дверь, и сейчас, когда Зибель успокоился, считая меня мертвым, особенно важно было снова открыть ее. А Зибель действительно успокоился. Его лицо вновь обрело выражение печали и счастья. Он погрузился в работу, часами просиживал над нашими исследованиями, терпеливо наставляя нас, задавал многочисленные вопросы и высушивал ответы...

— Ты хорошо знал сорок седьмого? — спрашивала Вега.

Она часто приходила ко мне, присаживалась на край кровати, но избегала любого моего прикосновения, и, чтобы она не уходила, я не трогал ее.

— Конечно, — отвечал я. — Тебе никогда не кажется, что сорок седьмой — это я, то же лицо, те же руки, те же мысли?

— Не знаю. — Вега внимательно и долго разглядывала меня. — Трудно сказать. Когда я сюда вхожу,

у меня вдруг радостно бьется сердце, но потом вспоминаю, что Альтайир мертв, и мне хочется расцарапать свое лицо. И плакать. Возможно, подобные чувства испытывают люди, когда им изменяют: вроде бы есть человек, а он мертв. Но когда я не смотрю на тебя, мне хорошо, потому что с тобой я могу разговаривать о нем, а с другими не могу.

— Почему ты любишь именно его? Ведь он — во всех нас, а мы — в нем.

— Нет, — заплакала Вега. — Это невозможно объяснить. Мне кажется, что только любовь способна открыть ту неуловимую индивидуальность, которая скрыта в каждом из вас. Только любовь. Иногда мне кажется, что он идет по коридору. Выхожу и вижу — он, его походка. Позову его, а он проходит мимо. Альтайир остановился бы, взял бы за руку... Не знаю, как тебе объяснить... Возможно, это оттого, что я нюху его в себе, он во мне...

— Как в тебе?

Я повернулся к ней, увидел опухшие от слез глаза. Все в ней мне было дорого. Я подошел ближе. Она встала, ее волосы коснулись моей щеки.

— Не знаю, но сейчас во мне бьются два сердца. Дай руку, не бойся. Послушай, ведь их два? Одно — Альтайира... А ночью... ко мне приходил Зибель. Он не может быть один. Все время говорит о своей покойной жене. Но когда он мне сказал, что сорок седьмой умер, я не поверила... А еще он сказал, что я больна и должна пойти к доктору Андришу. Но я не пошла... Зибель размяк, как ребенок, никто его таким не видел, но со мной он искренний и слабый, он хотел бежать, говорил о себе и Елене, потом стал называть меня Еленой и обнимать, он был так страшен, что я испугалась и хотела уйти...

— Что он еще тебе сказал? Вспомни! Сосредоточься...

Я начал трясти ее за плечи, она выпрямилась.

— Что еще? Он сказал, что мы с ним сбежим отсюда. Для него я была Еленой, и он настаивал на бегстве, пока не поздно и пока его не убили. Я не хотела верить, но он открыл какую-то дверь, и я увидела...

— Что?

— Реку, деревья, звезды... И лодку. Маленькую, как ракушка. Она медленно раскачивалась вместе с волами, Зибель потянул за веревку, обернулся ко мне и понял вдруг, кто перед ним.

— И что? — Я задыхалась от волнения.

— Ничего. Мы медленно вернулись в мою комнату. Он приказал мне молчать.

— Ты должна беречься. Смогла бы снова найти эту дверь? Без Зибеля?

— Нет.

Я долго ждал девяносто третьего в его комнате. Наконец он пришел, и не один. Сопровождавший его клонинг недоверчиво посмотрел на меня. Я тоже насторожился. Девяносто третий заметил наши взгляды и рассмеялся. Похлопал нас по плечам.

— Так мы ни к чему не придем, запомните это.

— Но я не смогу распознать его среди остальных. Как я буду налаживать контакт именно с ним?

— Это ненадолго. Скоро мы приобщим и остальных.

Девяносто третий все продумал: в нашей одежде он скрыл микроустройства, которые ловили нас, где бы мы ни находились.

Девяносто третий записал какой-то секретный разговор между Хензегом и генералом Крамером. Хензег настоятельно требовал помощи. Генерал обещал. На базу должно прибыть новое лицо, обладающее особыми полномочиями. И это лицо введет здесь военное положение. Девяносто третий упорно искал путь к термоядерному самоликвидатору, но пришел к выводу, что и Хензег не знает о его местонахождении.

15

Прибыл новый...

А доктор Зибель исчез...

Как-то утром он не явился на лекцию, и мы молчаливо спустились в лабораторию. Я был потрясен. Неужели он бежал? Или просто ночью его убрали, как вообще без шума ночами здесь проворачивали некоторые дела? Или... он заболел?

Я с нетерпением ждал следующего дня. Он снова не явился. Мне стало ясно, что Зибеля больше нет среди нас. И никто не счел нужным объяснить нам, куда девался человек, которого мы встречали каждый день на протяжении двадцати лет. Мне хотелось выяснить, что с ним случилось. И что угрожает Веге и всем нам. Я несколько раз спрашивал Хензега о Зибеле, но он только улыбался и уклонялся от ответа. Молчал и доктор Андриш. Он выглядел слишком бледным и слишком испуганным. Теперь у меня оставался только кабинет Зибеля, только кабинет Зибеля мог раскрыть истину.

Как только я попал туда, я понял, что Зибеля уже нет в живых. Со стены на меня смотрели задумчивые глаза его жены, смотрели прямо и улыбались. Зибель никогда бы не оставил ее портрета. Я снял портрет со стены. У меня было мало времени. Снаружи послышались чьи-то медленные, равномерные, угрожающие

шаги. Я облокотился на стол — все выглядело так, словно человек вышел на минуту, пепельница полна окурков, рядом с микроскопом лежала раскрытая папка, ящик письменного стола был слегка выдвинут, и из него беспорядочно торчали записи Зибеля. Написанные неразборчивым почерком, они привлекли мое внимание знакомым словом «клонинги».

Предстояла новая встреча с доктором Зибелем. Даже после его смерти.

Новый уже приступил к работе. Его звали Папанелли. Какая-то скованность чувствовалась в его осанке, как будто он всю жизнь носил тесную одежду. Он был относительно молод, лет тридцати пяти, был спокойным, непроницаемым, почти не разговаривал. Кабинет доктора Зибеля стал его кабинетом. Когда-то широко раскрытые двери теперь плотно закрывались, и из-под них пробивались полоски света и аромат сигары. После краткой и вдохновенной речи о том, что от нас многое ждет в будущем, он увеличил часы работы в лаборатории, отменив временно лекции, поскольку считалось, что мы и так имеем превосходную подготовку. Стоило нам на минуту покинуть рабочее место, как тут же раздавался сигнал, и перекрывались выходы на верхние этажи. Стоило нам пройти по коридору, как тут же зажигались контрольные лампочки. Лампочки вспыхивали и над дверями наших комнат, как только мы туда входили. Каждый из нас должен был носить свой номер на груди с левой стороны, на месте, точно определенном доктором Андришем, и номер пульсировал. Это вызывало чувство страшной уязвимости. Никто не имел права садиться на чужое место. Никто не имел права ночью покидать свою комнату. Нельзя было запирать ее на ключ. Мы спали теперь при сильном освещении. А если утром мы собирались группой больше трех, об этом тотчас сигнализировали невидимые сирены, и к нам бросался доктор Андриш, а следом Хензег.

Изоляция, изоляция...

Когда Папанелли произносил слово «дисциплина», его голос менялся, превращаясь во что-то твердое. Стоило ему спуститься за нами в лабораторию, как он начинал метаться от одного к другому; приказывая потоприться. Спешка могла привести к катастрофе, как в секторе А. Один из наших попытался было объяснить ему, что наша работа требует последовательности, что она — новая и неизвестная, и... через минуту его уже вели к центральному лифту. А оттуда... Кто-то из клонингов спросил, куда повели его коллегу, и в следующий миг повели и его самого. Больше никто ни о чем не спросил. Мы боялись не только Папанелли, мы боялись друг друга, Хензега и всех остальных. Страх стал нашим постоянным состоянием. Но вместе со страхом в нас нарастал и гнев. Мы были людьми. Чем ниже опускались наши головы, тем опаснее становились мы сами. Но господин Папанелли не знал клонингов.

Что-то в нас изменилось. Все вдруг стало предельно ясно, как будто вдруг попало в фокус. Я не терял времени. И девяносто третий не терял времени. Мы шли от одного к другому и рассказывали правду. Тихо, на ухо, между прочим. Это действовало.

Мы рассказали другим и о ядерном самоликвидаторе. Кое-кто видел в этом выход — взорвать базу.

— Ни в коем случае! — возражал я. — А другие клонники?

Которые живут бог знает где? Бегство отсюда возможно, хоть это и кажется невероятным. Один из нас или несколько выберутся и расскажут все людям.

Девяносто третий поглядывал на меня. Только мы двое знали о существовании двери, куда отвел Зибель Вегу. Нужно было открыться до конца.

— Мы не будем сидеть здесь сложа руки.

Мы сорвали номера со своей груди и швырнули их к ногам Папанелли. Мы не желали быть только светящимися номерами, слишком долго нам отказывали в индивидуальности. Поздно было превращать нас в безликие номера. Мы выбросили браслеты и разбили контрольные лампы над дверями.

Лицо Папанелли стало пепельным.

— Это же бунт! — испуганно кричал он и искал Хензега, чтобы дать ему распоряжение.

Хензег молчал. И доктор Андриш молчал.

Двадцать лет «база» прожила в мире. Двадцать лет, подчеркивал злобно Хензег, и ему вторил доктор Андриш. А теперь, когда приехали вы...

— Но вы сами меня вызвали! — кричал Папанелли, а мы слушали, прижав уши к микроустройству.

— Никто вас не звал! — резко отsek Хензег. — Никто!

— Меня послал генерал Крамер. Положение было...

— Тихим и спокойным, — засмеялся Хензег своим особым смехом, от которого у меня по телу побежали мурашки.

Похоже, Хензег ожидал получить чего-то большего после смерти Зибеля, но не получил. Подозрение, которое было причиной смерти Зибеля, тенью ложилось и на него, и он это понял с приходом нового. У Папанелли была неограниченная власть, от него ждали скорых результатов и нормализации обстановки. Он ничего не понимал в науке и в психологии, но этого от него и не требовалось. Его единственная задача — подчинять. И науку. И психологию. И клонингов. И тех, кто за них отвечал.

— Ты думаешь, Хензег не знает о тайном кабинете Зибеля? — как-то вечером спросил меня девяносто третий.

— Я в этом не уверен. — Я вспомнил коридор, где мы встретились с Хензегом, его подозрительный взгляд, смерть клонинга. — Хензег знает, не может не знать, но, видимо, хранит это втайне от нового. Хензег его боится. И потому замышляет что-то свое, не ожидая больше помощи сверху. Ведь он больше не просит помочь нам...

— Почему бы тебе снова не проникнуть в кабинет Зибеля? Чтобы все узнать. Мы тебя прикроем...

И я опять пришел в кабинет Зибеля.

Запер изнутри дверь, склонился над столом и начал по одной нажимать на разные кнопки. Вспыхнул экран, появился доктор Андриш, он сидел в кресле в своем кабинете и читал книгу. Я нажал на другую кнопку — двое наших воспитателей разговаривали о своих личных делах. Нажал на третью — прямо передо мной появился новый, посмотрел на меня, как будто почувствовав мое присутствие, и снова погрузился в работу. Одна за другой сменялись на разных экранах картины, появилась некоторые из клонингов, некоторые из девушек, но я не смог понять, кто именно. И только Хензег ни разу не мелькнул ни на одном экране. Темнели пустые лаборатории и библиотеки. Хензега не было. А я нажал почти на все кнопки.

И вдруг...

Я просто подвинул микроскоп, которым когда-то ударили Зибеля по голове. Под ним показался едва заметный кружочек, даже не выступавший над поверхностью стола. Я дотронулся до него. Послышался легкий шум, и квадрат в полу начал медленно опускаться вниз. В первую нашу встречу с Зибелем я стоял точно на этом месте. И он тогда лихорадочно шарил пальцами по столу... Я вздрогнул. Появилась лестница, ведущая неизвестно куда. Я закрыл выход и бросился в комнату к девяносто третьему.

Мы вернулись втроем. На всякий случай девяносто третий взял одного из наших. Он будет охранять наверху, а мы спустимся по лестнице. Мы шли осторожно и медленно. Лестница была очень узкой. Мы очутились в небольшом помещении, где на полках стояли стеклянные колбы. На каждой была этикетка. Я попытался прочитать.

— Ты что-нибудь понимаешь? — несколько раз спросил меня девяносто третий, но я, ошеломленный, молчал.

— Понимаю, — наконец выдавил из себя я. — В этих колбах спят будущие клонинги величайших умов мира. Это кусочки кожи, которые прекрасно сохраняются в специальной среде до той поры, пока не возникнет в них необходимость. И сам Зибель...

Да, здесь была колба с надписью Зибель, Эрих Зибель. Елена Зибель никогда не появится снова. Ни при каких обстоятельствах. Девяносто третий схватил меня за руку.

— Слышишь?

Мы прислушались. Звуки шли снизу. Медленно и очень осторожно мы пошли дальше и заметили полуоткрытую дверь, за которой кто-то был. Он стоял к нам спиной, а помещение напоминало лабораторию. Руки в перчатках проникали сквозь обтекаемую материю в глубь параллелепипеда. Может быть, это был доктор Зибель, который снова кого-то создавал? Нет, не похож на Зибеля. На мгновение он поднял голову, и по одному лишь жесту, так хорошо нам знакомому, мы узнали Хензега.

16

— Проще всего взорвать все, — говорил я десятку наших, собравшихся в лекционном зале на зеленом этаже. Снаружи мы поставили охрану. — И что из того? Никто никогда не узнает, какая опасность продолжает угрожать человечеству. Мы растреворимся среди обычных людей или погибнем, и никто ничего не узнает, а тем временем Хензег или Крамер... Наш долг...

Да, наш долг — предупредить человечество, чтобы больше не допускать таких экспериментов, чтобы сделять это, мы с усердием взялись за работу, услышав подозрения Хензега и Папанелли. Хензег был озабочен собственным положением. Отношения между ним и Папанелли обострялись с каждым днем, а доктор Андриш сохранил нейтралитет. Он составлял длинные и скучные тесты, в которых не было никакого смысла. Да и никто уже не нуждался в его помощи. Мы ловили новые разговоры Папанелли с «центром». Он докладывал о подозрительном поведении Хензега. Ловили и разговоры Хензега с «центром», он жаловался на подозрительность Папанелли и его непонимание здешних условий работы. Если не будут принятые меры, скоро наступит хаос, теряя самообладание Хензег. Если вы не уберете его отсюда, взорвав такую кашу... Папанелли явно не знал о существовании тайного кабинета, не знал и о лаборатории под ним, вероятно, не знал и где находится ядерный самоликвидатор. Умный доктор Зибель все предусмотрел: и тайные выходы, и тайную лабораторию, где можно было проводить свои собственные опыты, и тайный ход к самоликвидатору. И все-таки те, кто так щедро оплачивал его работу и вместе с ним создавал этот страшный ком-

плекс, перехитрили его, опередили, раздавили, ведь не напрасно они тратили столько средств. И Зибель должен был понять, что он только орудие в их руках, только пешка в игре крупных фигур, которой суждено погибнуть, как только она подумает о себе и пойдет своим путем. Но Хензег пошел по пути Зибеля.

Мы были наготове. В ближайшее время что-то должно произойти.

17

Великие открытия происходят самым неожиданным образом. Я разглядывал лицо Елены Зибель, мне оно казалось самым совершенным человеческим лицом с печалью и надеждой в глазах. Я уронил портрет, и он упал на пол обратной стороной. Я наклонился, чтобы поднять его, и онемел. На обороте был начертан план коридоров нашего лабиринта, все входы и выходы. Это было так неожиданно...

Я бросился в комнату к девяносто третьему, разбудил его, и мы вдвоем до утра изучали найденную карту. Мы точно установили, что это план самого нижнего этажа, где находились лаборатории. И линии были голубыми, как освещение этого этажа. Мы находились семью этажами выше. Просчитали время, необходимо для того, чтобы спуститься. Дальше уже легче. Мне хотелось еще что-нибудь понять в записях Зибеля, но почерк не поддавался, а у меня не было времени вникать. Мертвая Елена Зибель помогала нам, мертвый доктор Зибель снова ставил препятствия. Этой ночью мы с девяносто третьим разработали план моего бегства, а потом несколько раз проделали нужный путь и уже могли пройти его даже с закрытыми глазами.

Я уговаривал девяносто третьего бежать со мной. Наставлял. Спорил. Он оставался непоколебим. Кто-то из нас должен довести дело до конца здесь. Мне выпадало выбираться отсюда и искать путь к людям.

Тогда я рассказал ему о Веге. Он не возражал, чтобы я взял ее с собой, так даже лучше, похоже на бегство ради любви. Но нельзя ждать ее более трех ночей. Ни в коем случае. Если она за это время не явится, я должен бежать один.

На вторую ночь она пришла.

— Ты был прав, — сказала она. — Меня силой отвели к доктору Андришу. А потом говорили, говорили, говорили. Мне страшно.

— Почему? — спросил я.

Она посмотрела на меня с надеждой и ожиданием. Попыталаась вспомнить. Говорила она сбивчиво. Сначала ее осмотрел доктор Андриш и сказал, что не может быть никакого сомнения, он торжествующе посмотрел на Хензега и Зибеля, потом заговорил Зибель и долго объяснял, что нет повода для страхов. Напротив, будет интересно наблюдать за развитием нового существа и проверить, как клонирование отражается на последующих поколениях. Хензег долго колебался, но в конце концов уступил, и они решили изолировать ее от остальных. Изолировали. Потом пришел новый, внимательно ее осмотрел и что-то сказал Хензегу. Хензег долго оправдывался, но безуспешно. И она испугалась. Через несколько дней ее снова отвели к доктору Андришу, что было потом — она не помнит. Когда она пришла в себя, у нее кружила голова. Доктор Андриш велел ей пойти в комнату и сразу лечь в постель. Но она пришла ко мне.

— Тебя кто-нибудь видел?

— Нет.

— Нужно быть осторожней, Вега.

— Вега?

Она бросилась ко мне, прижалась к моей груди и вдруг затихла.

— Ты! Это ты! — задыхаясь, шептала она.

— А Зибель сказал, что ты умер.

Не было времени ждать. Я схватил записки Зибеля, прижал к груди портрет Елены Зибель с планом коридоров, который я знал уже наизусть, и потащил девушки за собой. Она, ничего не понимая, изумленно смотрела на меня.

Она не спросила, куда мы бежим. Мы прислушались. К дверям кто-то приближался. Вошел девяносто третий. У меня подкашивались ноги.

— Вы готовы? — спросил он и улыбнулся. В последний раз пожали друг другу руки, и мы с Вегой отправились в путь.

Бесконечные коридоры, по которым мы ходили двадцать лет, обняли нас своим белым светом. Вега крепко сжимала мою руку, не произнося ни слова, но когда я смотрел на нее, видел ее бледное лицо и потемневшие глаза. Мы прошли уже половину пути, как вдруг она вынула мою руку и села на пол.

— Иди один, я больше не могу!

— Что с тобой, Вега? Ты устала?

— Не знаю, это не усталость, что-то другое. Мне никогда не было так плохо.

Я взял ее на руки. Необходимо было как можно скорее добираться до заветной двери, ведущей в большой мир, а там все будет по-другому. По-другому? Мы не знали, что нас там ждет, и долго обсуждали с девяносто третьим нашу предполагаемую встречу с людьми. Я немного боялся. Вега стало совсем плохо, ее лицо побелело.

— Потерпи, Вега! Прошу тебя!

Она попробовала улыбнуться, но губы ее задрожали, а в уголках глаз показались слезы.

— Не понимаю, что они со мной сделали. Мне так страшно. Как будто мы в каком-то огромном зале с зеркалами. И постоянно в них отражаемся. Все кружится. Кружится,— бредила Вега.— И мы кружимся. А коридоры делаются все темнее. Я уже не чувствую своего тела, я плыву, нет, летаю. Я летаю?.. Объясни, что со мной происходит. Ты такой умный.

Я мог бы ей объяснить, но не имел права. Она пришла прямо от доктора Андриша, а у доктора Андриша были уколы на разные случаи. Были и таблетки. Он контролировал нашу жизнь, желания, мысли, поступки, все. Из-за него умерли двое наших, потом еще двое. И сам Зибель. А теперь умирала Вега. Мне не хотелось в это верить, но я не мог обманывать себя. Папанелли не любил экспериментов, в них крылся риск, а он не выносил риска. Этот ребенок поставил бы его перед новыми проблемами. Он боялся ответственности, и без того его утомляло наше необъяснимое поведение и еще более необъяснимое поведение Хензега. Полностью лишенный фантазии, Папанелли напоминал мне примитивные кибернетические машины.

Вега умирала. Оставляла меня одного.

Я снова взял ее на руки и быстро пошел. Времени было в обрез. Я побежал.

Последний коридор... Силы почти покинули меня. Вероятно, вид у меня был довольно жалкий, один из наших приблизился ко мне сзади и прошептал:

— Все-таки придется тебе помочь, приятель.

Я обернулся. Мое собственное лицо смотрело на меня обеспокоенным взглядом. А микроустройство под одеждой молчало. Он не был из круга наших доверенных лиц, но дружелюбно улыбался. Он склонился над Вегой, но в следующий миг в испуге отступил назад.

— Но она... мертва!

— Нет! — прошептал я.— Нет! — крикнул я.— Нет! — Страшный вопль готов был вырваться из моего горла, но клонинг опередил меня, зажав руки рот.

Она была мертва. Мы осторожно положили ее на ковер, по которому рассыпались ее темные волосы. Я погладил ее лицо, оно осталось неподвижным, без улыбки. Мы переглянулись.

— Пойдешь со мной? — не глядя на него, медленно, но решительно спросил я.

Не знаю, как бы я поступил, если бы он заколебался, задумался хотя бы на минуту, если бы спросил куда. Но он быстро выпрямился и сказал:

— Пойдем, приятеля.

Я с облегчением вздохнул.

В последний раз с болью я взглянул на Вегу, снова погладил ее неподвижное лицо, закрыл ее прекрасные глаза. Я навсегда уносил с собой ее образ, как уносил и эти проведенные здесь двадцать лет жизни. Вега открыла для меня любовь, а через нее — сущность мира и людей, я любил ее и навсегда уносил с собой — чтобы отомстить за нее, за нас за всех...

18

Мы были на свободе.

В лесу чернели высокие и прямые деревья, я впервые видел их. Где-то совсем рядом журчала вода. Ночь наполнялась ее шепотом и криками птиц. Было страшно и прекрасно. Воздух, очень свежий и пропитанный незнакомыми ночными запахами, пьянил нас. Луна, как апельсин, висела в этом хрустальном воздухе. Дрожали яркие, высокие, настоящие звезды.

Впервые в жизни мы протянули друг другу руки и крепко обнялись.

— А теперь нам надо разыскать Кобруса.

— Кто этот Кобрус? — спросил мой товарищ.— Микробиолог?

Я должен был ему все рассказать. Я рассказывал долго и обстоятельно, показывая записки Зибеля и портрет Елены Зибель. Я начал с той минуты, когда я пошел за доктором Зибелем, а он не оглянулся; закончил — мгновением, когда клонинг положил мне руку на плечо, назвал меня своим другом и предложил помочь. Теперь мы должны как можно скорее помочь остальным. Деянисто третий остался, чтобы тщательно подготовить бунт и наблюдать за Хензегом и Папанелли. «Центр» знал свое дело, разделял и властвовал, и устранил неугодных. А спокойное человечество ни о чем не подозревало. Не хотело подозревать.

Мы должны были его потрясти.

Мы долго брали куда-то, долго разговаривали и, наконец, вышли к реке. Остановившись, снова пожали друг другу руки и пожелали скорейшей встречи у Кобруса. Клонинг двинул вниз по течению. Я долго смотрел ему вслед, в лунном свете его фигура казалась беззащитной и нереальной.

— Постой! — крикнул я.— Твое имя Рихард.

— Рихард, — повторил он и растворился во мраке. Я направился вверх по течению. Мне хотелось дождаться рассвета, чтобы скрыться где-нибудь и спокойно изучить записи Зибеля, которые не давали мне покоя. Только после этого я отправлюсь на поиски людей. Один из нас придет первым.

Мы не имели права опаздывать.

Молчание

1

Меня зовут Зибель. Мне пятьдесят два года. Я многое пережил, многое достиг, но никогда не был счастлив. Я женат. Люблю Елену. Все еще люблю ее, но она смертельно больна и скоро умрет. У меня были дети, двое сыновей, оба погибли во время тех страшных бомбежек. Потом они снова у меня были, но Елена... что сделала с ними Елена? Я не могу сердиться на нее, ведь прошло уже столько лет, и сейчас мне кажется, что она была права. Но не бывает объективной правоты, для каждого правота своя. В один-единственный миг я потерял покой. До этого я никогда не задумывался, уверенный в себе. А в тот миг я потерял и смелость. Этого никто не понял, даже Елена. Она продолжает молчать. Смотрит на меня пустыми, отсутствующими глазами. Не может простить мне истории с детьми. Сейчас, на пороге смерти, она должна меня простить. Должна простить.

Я жду и буду ждать до конца.

Я начал свою жизнь с убийства людей. Они были нашими врагами, и я гордился собой. Я убивал спокойно, хладнокровно, научно. Выдумывал тысячи способов. Мне это удавалось, и все признавали меня гениальным. А закончу я свою жизнь, создавая людей. Уже не так спокойно, с какой-то тревогой. И это опять мне удается. Но теперь никто не считает меня гениальным. И Елена продолжает смотреть мимо меня пустыми, отсутствующими глазами.

2

У Елены удивительная способность разговаривать, когда она одна. Повернув красивое лицо к стене, она смотрит на наших сыновей и тихонько шевелит губами. Слов не слышно. Она не в себе? Сумасшедшая? Для нее они навсегда остались пятилетними, родившимися с разницей в час близнецами, которых я с трудом научился различать. С тех пор она, как лунатик, бродит по комнатам. На меня не смотрит, я знаю, что она меня ненавидит, и удивляюсь, почему до сих пор она меня не бросила. Но не смею спросить ее. Смотрю, как она разговаривает с нашими мальчиками, а мне уже пора идти, я опаздываю.

— Елена, я ухожу!

Она даже не поворачивает головы, как будто не слышит. И это может продолжаться бесконечно, она не обернется, даже если меня поведут на расстрел. Я подхожу к ней, слегка касаюсь ее плеча, плечо вздрогивает, тихонько целую ее в щеку, и щека вздрагивает под моими губами, Елена передергивает плечами, старательно вытирает след моего поцелуя и продолжает молчаливый разговор с мальчиками на фотографии. Мне хочется сорвать эту фотографию, изодрать ее в клочья и кричать, что мертвые навсегда останутся мертвыми, а мы должны жить, что это я сделал ради нее, ведь тогда ее тоска сводила меня с ума, но я знаю, что сейчас она не поймет, не хочет понять...

Все спряталось. Дотла.

— Елена, я ухожу!

Я действительно ухожу. Не могу опаздывать ни на минуту. Вертолет приземлится ровно в шесть, будет ждать три минуты, пока мы с Хензегом поднимемся по лестнице, и сразу же улетит. Сидя с Хензегом плечом к плечу, мы будем молчать, и вдруг он спросит:

— Как твоя жена?

— Все так же, — отвечу я.

Хензегу легко, он не женат и не пережил того, что пережил я. Он молод, безобразно молод, а знает почти столько, сколько и я. Так и должно быть. И я не завидую ему, я никому не завидовал. Возможно, я завидую Хензегу в другом: его не гнетет прошлое, он не слышит криков мертвцев, которые будят меня каждую ночь, столько ночей на протяжении стольких лет. Криков тех, кого я сам убивал. Он не видел двух своих сыновей, задохнувшихся под грудой развалин, не пережил и презрения единственной женщины, которую любил.

— Они что-то опять меня беспокоят, — говорит он. «Они» всегда его беспокоят. Он так и сказал генералу Крамеру. «Они» — это наши воспитанники. Сто штук клонингов, которых я сделал из куска кожи старого доктора. И он был очень умным, и он был упрямым, но я справился с ним. Только с одним я не могу справиться — с ледяными мурашками, которые бегают по коже. Когда я спускаюсь в подвал, руки начинают дрожать, мне кажется, что старик сейчас набросится на меня.

— Мне кажется, что они...

Хензегу все время что-то кажется. Страшно беспокойный человек. И передает свое беспокойство выше. Я его не слушаю, он меня раздражает. Мы спокойно спускаемся. Вертолет тут же улетает обратно. Тайная дверь распахивается перед нами, нас принимают в свои объятия длинные освещенные коридоры, и мы снова погружаемся в строгий и логичный мир клонингов, созданный нами самими.

Окончание следует.

Перевод с болгарского Татьяны ПРОКОПЬЕВОЙ.

Смена 88

ЧИТАЙТЕ
В БЛИЖАЙШИХ
НОМЕРАХ:

Очерк
о самом молодом
министре
в нашей стране.

Историю о том,
как была арестована
лошадь
Михаила Громова.

Отчество.
Путешествие
к Айвазовскому,
Волошину,
Грину.
Очерк Л. Жуховицкого.

Новый рассказ
Фазиля Исхандера.

Уважаемые товарищи!
В течение года
вы можете выписать
журнал в любом
почтовом отделении,
в агентстве
«Союзпечати»
до 1-го числа
предподписного месяца.
В розницу «Смена»
поступает
в ограниченном
количестве.

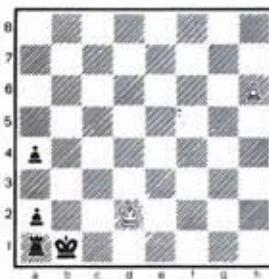
30-я шахматная олимпиада
Под редакцией гроссмейстера
Виктора ЧЕПИЖНОГО

ПАРАД МИНИАТЮР
Л. Лошинский
1954 г.

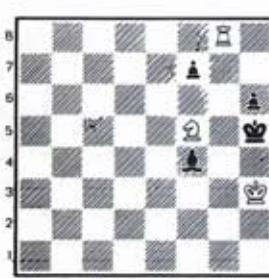
Мат в 3 хода
1. Фе5! с угрозой 2. Крg1
3. Ф:g2x, 1. ...g1K! 2. Фg3+ Kpf1
3. Сg2x, 1. ...e1K! 2. Фe3+ Kpf1
3. Сe2x, 1. ...e1F 2. Fg3+ Kpf1
3. Fg2x. В двух центральных вариантах
черные пешки превращаются в коней,
что позволяет белым осуществить два
правильных эхо-мата со сложным бло-
кированием. Хорош и вступительный
ход, отдающий свободное поле черному
королю.

Пятый тур
I

Белые: Kpd2, пл. h6 (2)
Черные: Kpb1, La1, пл. a2, a4 (4)
Мат в 3 хода (1 балл)

II

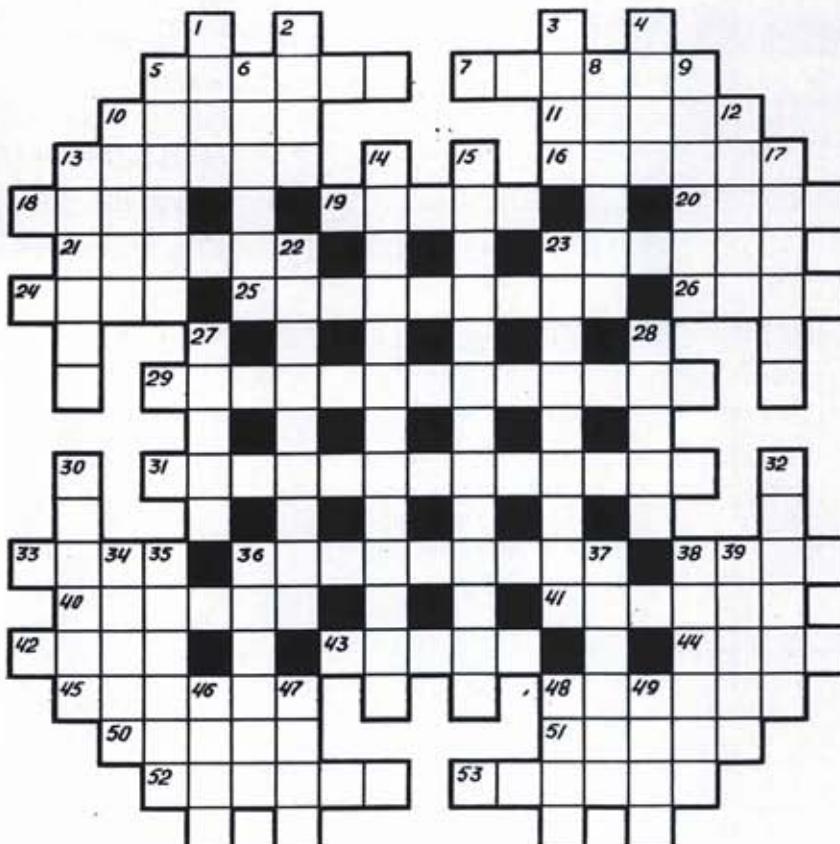

Белые: Kph3, Lg8, Kf5 (3)
Черные: Kph5, Cf4, пл. f7, h6 (4)
Мат в 4 хода (3 балла)

Ответы на задания присылайте
только на открытках (без конвертов!)
с пометкой «30-я шахматная олимпиада. 5-й тур». Последний срок по-
сылки ответов (по почтовому штем-
пелю) — 1 мая.

КРОССВОРД

Составил В. Шенгур. Севастополь

По горизонтали:

5. Автор пьесы «Синие кони на красной траве». 7. Микроорганизм, необходимый в производстве кефира. 10. Женщина, о которой никто не знал бы, не попадись она на глаза Петрапке. 11. Один из самых популярных в XVIII—XIX веках самоцветов. 13. Деталь одежды М. Лермонтова на портрете П. Заболотского. 16. Слесарный и столярный инструмент. 18. Предмет, по которому в физике названо поступательно-вращательное движение. 19. Язык, присущий некоторым производимым Д. Бурлюка, В. Каменского, В. Хлебникова. 20. Клепсида, ходики, хронометр (общее название). 21. Положение, определяющее пешехода как участника дорожного движения. 23. Литературный язык средневековой Кореи. 24. Часть здания. 25. Орган цветка, выделяющий приманку для насекомых. 26. Положительный элек-трод. 29. Самая популярная в познании строфа. 31. Жанр произведений в знаменитой серии, начатой в конце 1880-х годов Ф. Павлен-

ковым и продолженной в 30-е годы М. Горьким. 33. Металл, уличающий поддельщиков картин старых мастеров. 36. Известный греческий политкомиссар, антифашист. 38. Героиня поволжской легенды в байках бабушки Алеши Пешкова (М. Горький «Детство»). 40. Легендарный прорицатель, по совету которого греки построили троянского коня. 41. Народ, представитель которого, говоря о печальном случае, улыбается, чтобы не огорчить слушателя. 42. Мясное или овощное блюдо. 43. Город на Урале, близ которого в 1842 году был найден «Большой треугольник» — самый крупный золотой самородок Алмазного фонда. 44. Часть суток. 45. Певица, изображенная на картине М. Врубеля «Царевна-лебедь». 48. Город на западе острова Тайвань. 50. Водяное растение, пища выхухоли. 51. Страна участников кулачного боя. 52. Алкалоид в соке болиголова. Этот сок в древности применяли для казни. 53. Тактическое действие разведчиков в тылу врага.

По вертикали:

1. Званый вечер. 2. Костюм дирижера, скрипача. 3. Селенит (суть). 4. Стихия, вдохновлявшая И. Айвазовского. 5. Запугивание с преступными целями. 6. Высшая выборная должность в Древнем Риме. 8. Привал войск. 9. Постоянный двор гоголевского Янкеля в Умани. 10. Часть ордена. 12. Ращение, споры которого в петровские времена употребляли для фейерверков. 13. Э. Сведенборг как философ. 14. Наука. Первая станция по ней в России создана в 1886 году И. Мечниковым и Н. Гамалеей. 15. О. Ренуар как представитель группы художников. 17. Часть слова без окончания. 22. Творец бессмертного борца с ветряными мельницами. 23. Важное направление научно-технического прогресса. 27. Без рук, без ног, по избе-

пляшет (загадка). 28. Птица, олицетворяющая на Востоке мудрость. 30. «Дан ... ему — на запад, ей — в другую сторону» (из песни). 32. Деревня в Минской области, на месте которой открыт мемориальный комплекс. 34. Пепельный нарост на фитиле. 35. «Путеводитель» в русском фольклоре. 36. Автомобильная камера. 37. Античное государство, в котором осуждали роскошь. 38. Говесть Э. Гофмана, переведенная В. Жуковским. 39. Работочее место актера. 46. А. Куприн «Вальдшнепы» (персонаж). 47. Герой гражданской войны. 48. Жанр, о котором Ф. Бэкон после «Опытов» Монтеня отметил: «Словно это новое, но явление древнее». 49. Кантата А. Пушкина о матери Елены Прекрасной.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 4

По горизонтали:

- Золя. 5. Юхас. 8. Щукин. 9. Бабине.
10. Гранат. 12. Лазерт. 15. Севрюга. 17. Ризалит. 19. Магнетизм. 23. Родре. 24. Орлик.
27. Шило. 28. Нар. 29. Вкус. 30. Пульс.
31. «Ночка». 32. «Зима». 33. Ежа. 34. Драп.
35. Канон. 38. Динар. 43. Диоскорид.
47. Кинтайр. 48. Черника. 49. Тэффи.
52. Легист. 53. Остуда. 54. Льзов. 55. Яхта.
56. Утка.

По вертикали:

- Забава. 2. «Лонжюмо». 3. Муха.
4. Шифр. 6. Хорезми. 7. Синель. 9. Бусы.
11. Тать. 12. Лаге. 13. Эре. 14. Трир. 16. Гадолиний.
18. Излучение. 20. Нонсенс.
21. Торнадо. 22. Пиния. 23. Ропак.
25. Квадр. 26. Жулпан. 36. Адамсит.
37. Оорт. 39. Ирчи. 40. Адресат. 41. Укол.
42. Англия. 44. Каф. 45. Дикуша. 46. Цаца.
50. Эльф. 51. Фтор.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Смена

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ
ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ

Основан в январе 1924 года.
Выходит два раза в месяц.

№ 5 (1459)

март 1988

Москва, издательство «Правда»

Главный редактор
Альберт ЛИХАНОВ

Редколлегия:
Борис ДАНЮШЕВСКИЙ
(ответственный секретарь)
Владимир ДЕСЯТЕРИК
Михаил КИЗИЛОВ
(заместитель главного редактора)
Александр КУЛЕШОВ
Иосиф ОРДЖОНИКИДЗЕ
Юрий РАГОЗИН
Роберт РОЖДЕСТВЕНСКИЙ
Евгений РЯБЧИКОВ
Вадим САЮШЕВ
Виталий СЕВАСТЬЯНОВ
Владислав СЕРИКОВ
Виталий ФЕДОРОВ
(главный художник)
Олег ШЕСТИНСКИЙ

Технический редактор
Марина БАЙКОВА

101457, ГСП, Москва,
Бумажный проезд, 14

212-15-07 — для справок. Отделы:
212-21-59 — рабочей молодежи и науки,
250-29-39 — коммунистического воспитания,
251-32-84 — фотоочерка,
212-21-38 — военно-спортивный,
212-13-19 — международной жизни,
251-04-10 — литературы и искусства,
212-11-27 — писем и массовой работы.

**Рукописи, фото и рисунки
не возвращаются.**

**Рукописи объемом
более одного авторского листа
(24 машинописные страницы)
редакцией не рассматриваются.**

Издательство «Правда».
«Смена». 1988 г.

Сдано в набор 19.01.88.
Подписано к печати 01.02.88.
А 01342. Формат 70×108½.
Глубокая печать. Усл. печ. л. 5,60.
Уч.-изд. л. 11,55. Усл. кр.-отт. 21,7.
Тираж 1 975 000 экз.
Заказ № 1916.
Ордена Ленина
и ордена Октябрьской Революции
типография имени В. И. Ленина
издательства ЦК КПСС «Правда»,
125865, ГСП, Москва, А-137,
улица «Правды», 24.

На вопросы
анкеты
отвечает
артист
Московского
театра
имени
Ленинского
комсомола

АЛЕКСАНДР
АБАЙЕВ

«БИЧ-
АНКЕТА»

— Коня на скаку остановит, в го-
рящую избу войдет...
Согласны ли вы с небесспорной мы-
слью о том, что в мире все делается
во имя женщин?

— Да.
Почему?

— Потому что женщины — это са-
мое прекрасное, что может быть
в этой жизни.
Самая достойная женская профес-
сия?

— Жена. Мать.

Ваша любимая женщина-режиссер,
женщина-актриса, женщина-компози-
тор, женщина-певица, просто женщи-
на?

— Я так люблю женщин, что выде-
лить по одной просто не могу. Что
касается «просто женщина» — так
это моя жена.
Сколько, по-вашему, должен полу-

чать мужчина ежемесячно, чтобы
обеспечить любимую? Минимум?
Максимум?

— Минимум — 700 рублей, макси-
мум — прекрасному нет предела.
А сколько получаете вы?

— Сто восемьдесят минус налоги
и членские взносы в два творческих
союза.

Назовите лучшие качества вашего ха-
рактера, которые вы охотно переда-
ли бы дорогому человеку.

— Нет ни одного.

Любовь неразделенная страшна,
Но для кого весь мир лишь биржа,

драка,

Любовь неразделенная смешна.
Как профиль Сирано де Бержера...

Это произнес один поэт. Как вы счи-
таете, что больше стимулирует твор-
ческий процесс: любовь неразделен-
ная или любовь счастливая?

— Неразделенная.

Окажись вы на месте Адама и отку-
сили то самое яблоко, которое протя-
нула Ева, какую первую фразу вы
произнесете?

— Я спрошу ее фамилию и род за-
нятий.

Какие качества определяют, по-ва-
шему, «мужское начало» в мужчине?

— Умение отвечать за свои поступки
и, как говорил Экзюпери, нести
ответственность за тех, кого мы при-
лучили.

А еще?

— А дальше — биология...

Любит ли вас собаки?

— Это надо спросить у моей соба-
ки. По меньшей мере, спит она со
мной.

Если у вас все плохо: не ладится
работа, не устроена личная жизнь,
расшаталось здоровье и т. д. — что
вам помогает в таком тяжелом со-
стоянии?

— Уезжаю куда подальше...

Завидуете ли вы успеху другого че-
ловека?

— Да, конечно. Иногда до такой
степени, что хочется бросить про-
фессию.

Ради чего вы работаете?

— Чтобы моя дочь никогда не сты-
дилась имени отца.

При каком условии вы были бы готовы

отказаться от профессии?

— Только в случае инвалидности
первой группы.

Часто ли возникают у вас спорные,
конфликтные ситуации с человеком,
под руководством которого вы рабо-
таете?

— Не часто, но бывают.

Какой совет вы хотели бы дать челове-
ку, под руководством которого ра-
ботаете?

— Ненавижу вообще давать сове-
ты.

Часто ли вы отрекаетесь за кулисами
от того, что произносите со сцены?

— К сожалению, часто.

Чье мнение о вашей работе наиболее
значимо для вас: руководителя,
коллеги, друга, родственника?

— Друга.

Какую роль вы не хотели бы сы-
грать?

— Плохую.

Кого бы вы никогда не пригласили
к себе в сценические партнеры?

— Артиста Захарова, потому что
он — главный режиссер нашего театра.

Как и когда вас принимали в комсо-
мол?

— В то время в театре было толь-
ко два комсомольца и не хватало
третьего для создания «ячейки»,
вот я и подвернулся...

Что вы больше всего цените в самом
себе?

— Скажем так: не быть никому
обязанным.

Нужно ли говорить правду «в лицо»?

А вы ее говорите?

— Нужно, если ты уверен, что
это — правда. Но так как абсолютной
правды нет, я этого не делаю.

Какое противоречие времени вы счи-
таете главным?

— Главное.

Что бы вы хотели изменить в окру-
жающей вас действительности?

— Главное противоречие.

Что вас раздражает в людях больше
всего?

— Назойливость.

На улице вы встречаете человека,
и он предлагает: деньги, популяр-
ность, должность, поездку в Париж...
Что из перечисленного вы предпочте-
те всему остальному?

— Поездку в Париж... В Париже
быть популярным.

Если бы вы встретили инопланетян,
и они предложили бы вам отправить-
ся вместе с ними, вы согласились бы?

— С удовольствием.

У вас в руках «золотой рыб», желан-
ние, естественно, можно загадать
только одно. Какое?

— Чтобы можно было говорить
действительно все. Это к проблеме
гласности...

И последний вопрос: о чем мы вас не
спросили?

— Устал я или нет?